ОЛЬГА КОРОТАЕВА
АГЕНТСТВО «ЧУДО-ТРАВА»
СЕМЬ НЕВЕСТ НЕКРОМАГА
16+

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Счастливая жизнь ведьмы и охотника на ведьм? Больше похоже на сказку… А уж если, если ведьма своенравна, а охотник чрезмерно насмешлив, то и вовсе фантастика!Чтобы сбежать от разрывающих сердце отношений, я практически зубами вцепилась в дело исчезнувшей в Тремдише ведьмы. Оказалось, что за загадочными происшествиями в небольшом городке стоит симпатичный, но ужасный некромаг! Но чем настойчивее я пыталась распутать клубок событий, тем запутаннее становилось дело. Как же узнать, кто в действительности марионетка, а кто дёргает за ниточки? В этом мне поможет новая способность и моя невозможная любовь… или всё-таки возможная?

- Глава 1. Расторгнутая помолвка
- Глава 2. Головокружительная встреча
- Глава 3. Смертельная западня
- Глава 4. Мой верный отвергнутый рыцарь
- Глава 5. Ядовитый поцелуй
- Глава 6. Обвенчанные смертью
- Глава 7. Ритуал бессмертия
- Глава 8. Сила семи ведьм
- Глава 9. Новые возможности
- Глава 10. Ловушка на охотника
- Глава 11. Гори всё синим пламенем!

Глава 1. Расторгнутая помолвка

Стена приятно холодила спину, утреннее солнце слепило глаза, приятный аромат свежей выпечки вызывал обильное слюноотделение. Живот громко забурчал, я досадливо зажмурилась и прижала руки к поясу: не хватало ещё, чтобы чёртов соединитель сердец услышал, а то ведь избежит справедливого возмездия! Откинула рыжие локоны и осторожно выглянула из-за угла.

Противный официант и по совместительству хозяин кафе «Согласна» трудолюбиво вытирал уличные столики от утренней росы: лицо его практически светилось от удовольствия, губы были сложены трубочкой. До меня донёсся весёлый свист, и я досадливо поцокала языком: наслаждается жизнью после того, как мне жизнь испортил? Что же… Близка твоя расплата!

Тёплый ветерок вновь дунул мне в лицо, обдавая умопомрачительными ароматами, и я с тоской покосилась на распахнутую дверь кафе, да невольно сглотнула. Чтобы отвлечь себя от вкусных запахов, вытащила сотовый и набрала брата.

– Где застрял, драконище недобитый? – прошипела в трубку. – Мне Аноли позвонить, чтобы ты быстрее шевелил булками?

Услышала короткие гудки и тихо выругалась: вот же инкуб противный! Как от институтки убегать, так он быстрее волколака, а как сестре помочь с маленькой проблемкой, так отключается? Ну хорошо, устрою тебе ночь незабываемых кошмаров!

– Не ворчи, тут я!

Я невольно подпрыгнула и, умудрившись развернуться в воздухе, с испуганным писком двинула ему в челюсть. Лежик взвыл и схватился за ушибленное место.

– Спятила?! – высоким от возмущения тоном спросил он.

Я резво прижала ладонь к его рту и прошипела:

– Тихо! Этот чудик на улице. Услышит ещё… да раньше времени обрадуется моему подарочку!

Лежик нахмурился и пробурчал:

– Мара, я не хочу!..

– Надо! – обрубила я и нетерпеливо вытолкала брата из укрытия: – А то реально верну тебя красотке Аноли! Что лучше: разок поступиться правилами или вновь оказаться в плену у злобной красной птички? Иди уже, великий соблазнитель!

Лежик нехотя побрёл в сторону кафе, а я зло покосилась на белоснежную вывеску, где яркими буквами было выведено

противнейшее словечко «Согласна». Эх, забрать бы у парня лицензию на регистрацию помолвок! Может, зря я так быстро сбежала из Комитета? Всё было бы гораздо проще… и не пришлось бы привлекать инкуба.

Я посмотрела на опущенные плечи брата, его нервную косолапость и ощутила лёгкий укол совести, но, вспомнив саркастичное выражение лица Генриха, решительно выпрямилась. Ничего, не переломится инкуб, соблазнив всего одного мужика. А мне чертовски необходимо вернуть свободу!

Официанта у столиков не оказалось, и Лежик растерянно обернулся, а я отчаянно замахала руками: мол, заходи внутрь! И, чтобы видеть, что будет происходить в кафе, быстро побежала к широкому окну. Присела на корточки и, высунув от нетерпения кончик языка, прижалась к прохладной гладкости стекла, но ничего рассмотреть не смогла.

– Кофе? – услышала я голос владельца проклятого кафе.

Ответа Лежика не расслышала: возможно, брат просто кивнул. Недовольно пожевала губы, – так инкуб может просто выпить кофе и свалить, убеждая меня, что парень не поддался его чарам, – встала на четвереньки и решительно подползла к двери, дабы пресечь возможное отступление брата, как вдруг показался Лежик. Не обращая на меня, раскоряченную, внимания, он степенно прошествовал к ближайшему столику и, усевшись, закинул ногу на ногу. В дверях показался официант.

Я чертыхнулась и шарахнулась в сторону, но тот, не заметив меня, обратился к Лежику:

– Сколько сахара предпочитаете?

Брат по-королевски снисходительно улыбнулся и едва заметно покачал головой:

– Я слежу за фигурой. А вот вы можете позволить себе сахар, ваша форма безупречна!

К моему немалому удивлению официант покраснел и исчез в дверях. Восхищённо присвистнула и показала Лежику большой палец, а брат сунул указательный себе в рот, изображая рвоту. Я иронично фыркнула и перебралась под столик так, чтобы меня видно не было, но могла наблюдать за происходящим.

Вскоре вернулся официант, мелкими шажками приблизился к столику Лежки, в руках его дымились две белоснежные чашки. Одну он поставил перед инкубом, вторую рядышком, а сам осторожно присел на самый краешек стула, словно готовый по движению брови Лежика сорваться и принести что угодно: от пирожного до звезды с неба. Чары инкуба работали безупречно!

Лежик обхватил блюдце, на котором стояла вторая чашка кофе, и медленно потянул его в сторону официанта, – посуда

противно задребезжала по поверхности стола. Инкуб остановил чашку у края, а сам потянулся к парню, и длинные пальцы его легли несчастному на предплечье.

– Это вам, – томно проговорил инкуб и, резко отстранившись, поспешно добавил: – Но заплачу я, разумеется, за оба…

– Что вы, что вы! – замахал руками официант и покраснел ещё сильнее: – Всё за счёт заведения! Смею предложить воздушные диетические пирожные… Моё собственное изобретение! Я приготовлю их специально для вас, потребуется лишь несколько минут… И не клевещите, пожалуйста, на свою потрясающую фигуру, я никогда в жизни не видел мужчины прекраснее!

Я прижала обе ладони ко рту и забулькала от едва сдерживаемого смеха. На бледных щеках Лежки шевельнулись желваки, рука брата, которая до этого покоилась на его колене, сжалась в неприличном жесте, который был виден только мне, а я умильно покачала головой.

– Ну если только штучку… – Лежик заставил себя улыбнуться, официант тут же подорвался с места и бросился к дверям.

– Уговорил, противный, – ехидно захихикала я.

На Лежку было жалко смотреть. Брат сложил ладони и умоляюще простонал:

– Мара, я не хочу! Зачем тебе это? Тебе же вроде нравится институтор, так побудь ещё немного невестой Генриха…

– Да если бы Генриха! – возмущённо прошипела я. – Этот официантишка посмел сдать в Комитет отчёты, в которых указано моё обручение с Джертом! Говорят, что в силе только последнее «Согласна!», и кое-кто по моей просьбе уже выкрал лист из отчёта… Осталось лишь уничтожить запись в самом кафе, да изъять это ужасное событие из памяти «безупречной формы».

Лежик поморщился и недовольно проворчал:

– Стереть парню память ты смогла бы и без меня…

Я скорчила зверскую физиономию и сквозь зубы прошипела:

– Разумеется, тут мне чёртов дракон не нужен! Твоя задача – уговорить официанта показать эту самую книгу. Да вырвать лист, где указано моё имя! Понял?

Лежик задумчиво постучал длинным изящным пальцем по краю дымящейся чашки.

– Но если действительно последнее слово, – тихо проговорил он, – разве не проще ещё раз посетить с Генрихом это кафе?

– Умный какой, – скривилась я и, вспомнив каменную физиономию Генриха, когда я сама ему это предложила, пробурчала: – Это могло сработать только до сдачи отчётности. А

теперь нужно подавать прошение на расторжение помолвки в сам Комитет… Как ты думаешь, Джерт пойдёт на это? Он теперь не хухры-мухры, а чёртов главный комитетчик!

Лежик покачал головой и иронично спросил:

– А ты уточняла это у самого Джерта? Может, он и сам был бы рад от тебя избавиться…

– И уточнять не нужно, – недовольно перебила я. – Даже если Джерт вдруг не захочет заполучить даймонию в свои подземелья, то оставит всё как есть, лишь бы досадить новообретённому братцу!

Лежик вдруг подался вперёд, его зелёные глаза заблестели от воодушевления:

– Так может пусть Генрих с ним разберётся?

Я мрачно хмыкнула и поникла:

– Как бы не так! Ты словно первый день знаешь инститора…

– Так ты уже просила его? – деловито уточнил Лежик.

Я удручённо кивнула и, устав сидеть на корточках, облокотилась на стул:

– Ответил, что меня за язык никто не тянул. Так что, придётся с Джертом самой разбираться…

– А что вы делаете под столом?

Я вздрогнула, вскочила и, ударившись макушкой о низ стола, охнула и плюхнулась на пол. Официант, появление которого мы за разговорами прозевали, удивлённо склонился надо мной, в руках его белела тарелка с горой пирожных. Я скривилась и машинально потёрла растущую шишку, в глазах официанта вдруг появилось узнавание.

– Ты! – воскликнул он, невежливо тыкая в меня пальцем. – Та самая ведьма, невеста инститора! Где ты, там беда! Немедленно убирайся, и чтобы духу твоего здесь не было…

– Согласна! – растерянно пискнула я.

Официант вздрогнул всем телом и вытаращил глаза. Будто не знал, что делать: произнесено сакральное слово, а он не готов к работе! Руки его безвольно опустились, блюдо накренилось, и чудесные пирожные посыпались на пол. Поняв, что теперь не удастся угостить прекрасного инкуба, официант глухо зарычал и замахнулся опустевшей тарелкой, а я испуганно прикрылась руками. Запястья мои словно объяло туманом, но я отчаянно сдерживала силу даймонии, которой ещё толком не умела управлять. Здесь же мой брат! Я не могла допустить, чтобы Лежик пострадал…

Но спас всех именно Лежка. Инкуб быстро и бесшумно приблизился к официанту, резким движением притянул его за талию и, прижав к себе, впился в губы страстным поцелуем.

Блюдо выпало из ослабевших рук парня, тарелка с громким звуком покатилась по полу. Справившись с силой даймонии, я облегчённо вытерла со лба холодный пот. Поцелуй затягивался, и я, привлекая внимание, дёрнула брата за ухо.

– Книга!

Лежик вздрогнул и отпрянул от официанта. Гадливо сплюнув в сторону, он проворчал:

– Ненавижу тебя за это!

– За что? – невинно уточнила я и ехидно добавила: – За то, что поцеловал мужика или за то, что тебе это понравилось?

Лежик молча встряхнул официанта, на лице которого расплылась дебильная улыбка влюблённого, и резко приказал:

– Неси книгу регистрации!

Едва дождавшись, когда официант плюхнет на стол здоровенный фолиант в кожаном переплёте, я вцепилась в книгу, нетерпеливо перелистывая шуршащие листы, но страницы с нужной датой моих «помолвок» не было…

– А где? – Я растерянно опустилась на стул и провела пальцем между страницами, ощущая, как остатки вырванного листа немного царапают кожу.

– А! – Официант нежно улыбнулся Лежику: – Главный комитетчик приказал приложить к отчёту эту страницу… уж не знаю, зачем. Я не посмел перечить.

Я обхватила голову и в отчаянии простонала:

– Ну я и попала… Джерт запрёт меня в подземелье на веки вечные!

Официант отрицательно покачал головой:

– Нет, это не исполняющий обязанности, а сам главный комитетчик так приказал.

Я невольно подскочила и заорала:

– Генрих?!

Лежик досадливо сунул руки в карманы и отвернулся:

– Ёкарный бабай, Мара! Получается, я зазря мужика тискал?!

Я умоляюще сложила ладони и жалобно заскулила:

– Прости, Лежик! Я же не со зла… Я понятия не имела, что Генрих забрал лист! Ну, пожалуйста! Буду должна…

Лежик обернулся и гордо покачал головой:

– Полгода прощение вымаливать будешь! – Тут у него зазвонил сотовый, инкуб нервно пошарил по карманам, и трубка запрыгала в его пальцах: – Да! Уже? Двойня?! Я счастлив, любимая!.. Лечу! – Он сунул телефон в карман и требовательно протянул ко мне руку ладонью вверх: – Всё, уговорила, прощаю! Денег дай… Двадцатку!

– Чёрт, – выругалась я, нехотя выуживая кошелёк. – На

десять! Больше нет…

– У меня же двойня! – возмущённо вскричал Лежик и добавил с нажимом: – А ещё я, по твоей просьбе, засунул язык мужику в рот!

– Да держи всё, что есть! – рявкнула я, пихая ему в руки кошелёк. – А я пойду, почку продам!

– Спасибо, сестричка! – радостно воскликнул Лежка и торопливо покинул кафе.

Официант, глядя вслед инкубу, ошалело хлопал ресницами:

– А как же я?..

– Ах да! – Я подошла к парню, положила ладонь ему на веки и потянула воспоминания последнего часа. – Сейчас мы тебя, родимый, от нечаянной голубизны вылечим…

***

Я стремительно шла по улице, пальцы то и дело сжимались в кулаки. Может, шарахнуть Генриха из-за угла, пока тот меня не видит и не успел поставить защиту? Долбануть свеженькими воспоминаниями соблазнённого официанта, и пусть узнает, каково это – когда инкуб тебя домогается! Мне даже касаться охотника не надо, чтобы использовать силу даймонии… Губы скривились в жёсткой усмешке: да и прятаться не надо! Никакая защита не спасёт инститора. Как приятно думать, что в мире мало кто может тебе противостоять! По запястьям заструились серые вихри, и услышала собственный рык. В груди кольнуло, я вздрогнула и остановилась.

Словно только что проснулась и растерянно посмотрела на спешащих на работу людей, на оранжевые блики от утреннего солнышка, искрящиеся на серых стенах офисных зданий. До меня донёсся мерный шум со стороны оживлённой трассы и скрипящие вороньи переругивания из-за высокого забора. Мир, в котором, казалось, никто не задумывается ни о ведьмах, ни о лицензиях на применение волшебства. И в этом хрупком мире есть такой монстр, как я…

Помотала головой так отчаянно, что зашумело в ушах. Нет! Я смогу сдержать эту силу. Не позволю даймонии уничтожить мир! Усыплю эту тварь внутри себя, пусть даже оставаясь посредственной ведьмочкой с простенькой лицензией. Злость на Генриха улетучилась, и я с улыбкой направилась к нашему офису. Какая разница, как это случилось? Теперь я свободна! Помолвка тяготила, держала в напряжении, словно незримый меч, повисший над головой, и избавление от нечаянного согласия радовало с каждой секундой всё больше и больше.

Я влетела в приёмную так оживлённо, словно за спиной выросли крылья, а впереди ожидали лишь радостные события. Но

радостные события где-то заблудились: у стола секретарши стояла донельзя мрачная Багира. Увидеть стража после всего, что произошло в Дубовой роще, было равносильно встрече с кредитором. Я нервно оскалилась и хлопнула себя по лбу:

– Чёрт! Я забыла… это… короче, я скоро!

И бросилась обратно к двери, но Забава ринулась мне наперерез. Русалка раскинула руки, и я со всей силы врезалась в секретаршу, намереваясь выскочить из офиса в любом случае, пусть даже придётся тащить нашу эксгибиционистку на себе.

– Мара, – пискнула Забава. – Стой!

– Да ни за что, – пропыхтела я, проталкивая упирающуюся русалку в проём двери. – Ты не знаешь, что стало с Дубовой рощей, а я знаю! Даже если страж будет сулить мне золотые горы, я не пойду на это! Я не полезу в пасть озверевшему Вукуле!

Забава вцепилась одной рукой в перила, а другой обвила мою шею так, что я придушенно захрипела, и поспешно крикнула:

– Багира не к тебе…

Я удивлённо замерла. Русалка, убедившись, что я передумала сбегать, медленно отпустила мою шею. Я судорожно вдохнула и прохрипела:

– А к кому? Не к Лежику же! После того, как эта сумасшедшая тётка едва не разрушила его дом, брат не терпит даже упоминания о стражах…

– Багира здесь?

Я вздрогнула и быстро оглянулась: по лестнице поднимался Генрих, и от звука его голоса, как всегда, у меня перехватило дыхание. Лицо охотника, казалось, было лишено эмоций, а изумрудные глаза холодно блестели.

– Привет, – робко улыбнулась я. – Ты ждал стража? Зачем?

Генрих лишь коротко кивнул, и я досадливо скрипнула зубами: вот как с ним общаться? Пара моментов, когда инситор проявил ко мне нежность, с каждым днём всё больше казались забытым сном… или чужими воспоминаниями, и я мучилась сомнениями, было ли это на самом деле. Может, это иллюзия? Красные птички еще не на то способны! Вдруг, это изощрённая месть Аноли?

В ожидании ответа, я проводила охотника взглядом, но, когда тот исчез в дверях офиса, лишь тяжело вздохнула:

– Ну и ладно! Сама узнаю.

Забава хитро усмехнулась и скользнула следом за Генрихом. Я, тяжело ступая, нехотя потопала обратно в офис. Всё же страх перед неизвестностью, которой стала Дубовая роща, пересиливал любопытство, и на самом деле, я предпочла бы не знать, зачем к нам явилась Багира. С такими думами я зашла в приёмную и

направилась к двери в кабинет инситора, как едва не получила по носу, ибо дверь эта захлопнулась прямо передо мной.

– Эй! – недовольно воскликнула я. – Что за секретность?

Ещё секунду назад я мечтала ни о чём не знать, но теперь была готова разнести эту тонкую доску, чтобы попасть внутрь. Да как он посмел? Зло забарабанила в дверь:

– Генрих! Немедленно открой! Я полноправный партнёр агентства и имею право знать всё то, что знаешь ты… – Прижалась ухом, но ответом мне была тишина: инситор, разумеется, проигнорировал все требования. Проворчала: – Вот выйдет Багира, сразу отберу её воспоминания и всё равно узнаю, о чём вы там шептались!

Забава, весело напевая незнакомый мотивчик, порхала по приёмной, – в воздухе распространился аромат кофе, – и я сдалась. Вздохнула, подошла к столу секретарши и подхватила одну из двух дымящихся кружек. Русалка присела на стол и шумно отхлебнула кофе, а я устроилась рядом.

– Может, она шпионит за Вукулой? – задумчиво предположила Забава. – Ты говорила, волколак угрожал Комитету. Возможно, Генрих следит за Дубовой рощей именно как главный комитетчик…

Я пожала плечами, угрюмо наблюдая за тем, как секретарша медленно потягивает ароматный напиток, и, осознавая, что мне совершенно не хочется кофе, всё равно не выпускала чашку из рук. Было необходимо хоть чем-то занять себя, чтобы не вспоминать о том страшном дне, когда я впервые увидела преображённого Вукулу.

Именно тогда ворота Дубовой рощи навсегда закрылись для посетителей, и никакие жалобы не помогли ведьмам получить то, что они хранили в каменных склепах. Думаю, что Вукула давно вскрыл хранилище и использовал то, что было скрыто в своих целях, иначе почему инситоры ни разу не смогли проникнуть на территорию рощи, а комитетники лишь уныло подкалывали в архивные папки новые жалобы?

– Возможно, – задумчиво проговорила я и обиженно добавила: – Но я ведь не чужой человек! Меня всё это тоже касается, ведь Вукула ясно дал понять, что он теперь мой враг. Я до сих пор спокойно спать не могу! Волколак может находиться рядом, а ты об этом даже не узнаешь!

Забава поставила пустую чашку на стол и печально вздохнула:

– Хоть убей, не могу себе представить Вукулу врагом! Он всегда за тобой по пятам ходил…

– Как подумаю, что до сих пор ходит, – мрачно хмыкнула я, –

так волосы дыбом!

Так не сделав ни глотка, поставила чашку и ревниво покосилась на закрытую дверь в кабинет институра. Не могла вслух признаться, но, кажется, больше волновало не то, что они не посвящают меня в свои тайны, а то, что Генрих сейчас наедине с Багирой. Эта женщина восхитила даже моего братца-кролика! До того, как разнесла его дом… Инкуб упоминал, что стражи неутомимы в любви. Я вздрогнула: может, именно из-за таких вот встреч Генрих не смотрит на меня, как на женщину? Что, если страж, отчаявшись заполучить Лежика, решила переключиться на моего жениха?!

Сжала челюсти так, что скрипнули зубы, и невольно застонала: так Генрих мне и не жених вовсе! Ритуал в «Согласна» недействителен, да и не был таким никогда, раз тот противный официант подал сведения лишь обо мне и Джерте. А вот с сыном Сигарда я была официально помолвлена. Приуныла: надо было выкрасть из Комитета весь отчёт…

– Мара? – Забава тронула моё плечо, и я обернулась: бледное лицо русалки выглядело взволнованным. – Тебе нехорошо? Ты так изменилась за последнее время. Когда Генрих вернулся в агентство, ты порхала как бабочка, и глаза светились от счастья. А теперь худеешь с каждым днём… Скажи честно, ты беременна?

Я растерянно моргнула, нервно хихикнула и покрутила пальцем у виска:

– Ты чего, Забава, с дуба рухнула?

Личико русалки изумлённо вытянулось:

– Ну да. Ночью я немного задремала на дубе… Жаль, что он не волшебный и не подхватил меня ветвями, как в Роще стражей. В результате огромный синяк на бедре, придётся сегодня на ночную прогулку по парку парео накинуть. Но откуда тебе известно?!

Я изумлённо покачала головой и протянула:

– Ну ты это… поосторожнее там по деревьям-то скачи! Где я ещё такую чокну… замечательную секретаршу найду?

– Ха! – уловив мой ироничный тон, язвительно скривилась Забава. – И правда, где ты найдёшь такую дурочку, что и офис бесплатно сдаст, да ещё и сама задаром работать будет?

– Ничего не бесплатно! – возмущённо возразила я и хитро подмигнула: – Или забыла уже, как сама скостила нам арендную плату за то, что мы с Генрихом вытащили твою мать из логова волколаков?

Русалка недовольно нахохлилась и проворчала:

– Ты от темы-то не уходи! Признавайся честно – ты беременна?

Я фыркнула и обиженно покосилась на дверь:

– С чего бы? Генрих же…

Забава пододвинулась так близко, что щёку обожгло её горячее дыхание.

– Да?! – прошептала русалка, и глаза её жадно сверкнули: – И поподробнее, пожалуйста!

Я отпрянула от подруги и скрестила руки на груди.

– Какие ещё подробности? – недовольно отозвалась я. – Я говорю, что Генрих меня и не поцеловал ни разу с того дня, как вернулся. Если я вдруг и беременна, то разве что от святого духа!

– Духа? – ещё ближе придвинулась русалка, и пальцы её судорожно сжали моё плечо: – Вот именно!

– Что «именно»? – нервно рассмеялась я и с сочувствием пощупала макушку Забавы: – Кажется, ты и головой неслабо ударилась, просто в волосах синяков не видно! Что за бред ты несёшь?

Русалка обиженно нахохлилась.

– Ничего не бред, – проворчала она. – Сама же говорила, что плохо спишь, а невидимый Вукула бродит за тобой по пятам! Мол, он может быть рядом, а ты и не узнаешь! Так может, ты и забеременела от него…

Я умильно улыбнулась и осторожно погладила русалку по щеке.

– Болезная моя, – нежно проговорила я. – Даже если я его не вижу, то как бы мне удалось не ощутить, что он старается меня оплодотворить? К тому же Вукула невидим только в волчьем обличии… – Меня передёрнуло: – Фу! Как представлю, тошнить начинает! И вообще, хватит чушь нести! Я не высыпаюсь потому, что дел полно, а заказы такие, что приходится по ночам работать. А похудела оттого, что банально не на что жрать! Лежка из меня все деньги вытягивает, чтобы гарем свой растущий прокармливать…

Забава упрямо покачала ушибленной головой.

– Но Мара, – взвыла она. – Всё же сходится. Ты подумай: тебя даже тошнит!

– Тошнит от твоих больных фантазий, – раздражённо обрубила я. – Хватит! Ты ещё Генриху скажи, что я беременна от Вукулы!..

Забава замерла, лицо её вытянулось, а глаза расширились. Я вдруг ощутила, как по шее пробежался холодок, резко обернулась и встретилась взглядом с изумрудными глазами институра. Казалось, даже в нашу первую встречу в них не было столько ярости… В груди кольнуло, дыхание замерло. Машинально обхватила горло, заранее защищая от хватки охотника, и одним

чудовищным прыжком оказалась за столом секретарши, впрочем, ясно осознавая, что для Генриха это не преграда.

В какой момент он открыл дверь? Что услышал? Если это была только моя последняя фраза… Я нервно сглотнула и невольно пошатнулась. Мне конец!

– Э, – осторожно выглядывая из-за спины охотника, протянула Багира. Маленькая фигурка стража казалась детской по сравнению с Генрихом. Женщина вяло махнула рукой, лицо её скривила смущённая улыбка: – Мне, пожалуй, пора…

И шустрой тенью выскользнула из офиса. Забава, бормоча что-то про отчёты, подхватила со стола пару папок и мелкими шагами поспешила за стражем. Генрих не двигался, его немигающий взгляд буравил меня так, что казалось, сейчас прожжёт насквозь. И даже бесполезно что-то объяснять, а оправдываться вообще глупо. Я же ни в чём не виновата! Мелькнула мысль о силе даймонии: только с её помощью я смогу выжить…

И тут меня вдруг отпустило, словно внезапно подействовало зелье смелости. Страх растворился, дыхание выровнялось, а кожа вновь обрела чувствительность. Я не запуганная ведьма с фиктивной лицензией… Точнее, это так, но это лишь маска, и мне не стоит вновь срастаться с ней. Я – великая даймония! К тому же, официально мы с Генрихом друг другу никто…

Я вскинула подбородок и высокомерно спросила:

– Чем-то недоволен, инситор? – Голос мой прозвучал удивительно холодно, и я заметила, как задрожали пальцы Генриха, лицо его побелело, но остановиться уже не могла: – Ты же сам освободил меня от помолвки с Джертом… а с тобой, как оказалось, мы и помолвлены официально не были. Я свободна и могу делать всё, что хочу!

К моему изумлению Генрих рассмеялся, и я, невольно отступив, спиной уткнулась в стену. Инситор оттолкнулся от косяка и неторопливо направился ко мне, и с каждым его шагом меня покидала хвалёная уверенность, высокомерие таяло, а сердце колотилось всё быстрее. Я испуганно вжалась в стену, не зная, что ожидать от такой резкой перемены. Охотник приблизился и вдруг щёлкнул меня по носу.

– Делаешь успехи, ведьма! – тихо проговорил он. – Я даже поверил на миг…

Я, не отводя тревожного взгляда от его лица, нащупала рукой стул и бессильно опустилась на сидение, а Генрих склонился надо мной так, что носы наши почти соприкоснулись. Сердце на миг замерло, а потом снова бешено заколотилось, ладони вспотели.

– Поверил на миг, что ты вернулась к волколаку, – спокойно продолжил Генрих. Глаза его сузились: – А оказывается, ты мне мстишь за шутки о твоей помолвке с Джертом. Я так понимаю, ты встретилась с хозяином кафе «Согласна»… Кафе всё ещё на месте? А парень жив? Он в своём уме или мне всё же стоит выслать группу зачистки?

Я судорожно вдохнула, и сердце сладко сжалось так, что на глаза навернулись слёзы. Захотелось прижаться к груди Генриха, обнять его. Институр верит мне! Взгляд скользнул по его губам, и я, прикрыв веки, сладко потянулась к охотнику, как тот вдруг резко отстранился.

– Впрочем, ты права! – саркастично проговорил он, и я растерянно моргнула. – Мы не были официально помолвлены, и ты действительно можешь делать всё, что хочешь. – Подмигнул: – Как и я.

Кипя от злости, я вскочила и швырнула в институра первое, что попалось под руку, – это оказалось какое-то зелье из ящика Забавы, Генрих ловко увернулся, а зелёную бутылочку поймала субтильного вида барышня, которая вдруг появилась в дверях. Она откинула копну рыжих волос и игриво покосилась на Генриха:

– Любовное зелье? Да ты, красавчик, шалун!

Голосок её прозвучал весёлым лесным ручейком, – чистым и звонким, – но лицо институра перекосила гримаса ненависти.

– Ведьма! – прошипел он и бросился к девушке, которая тут же выронила бутылочку и испуганно прижалась к двери, впрочем, и не думая убегать.

Я, пытаясь остановить удушение посетительницы, с отчаянием вцепилась в футболку охотника, и Генрих протащил меня за собой пару шагов, и лишь потом нехотя остановился. Девушка облегчённо вздохнула и нервно вытерла лоб длинным рукавом серого платья.

– Дрить твою за ногу, Генрих! – зло выругалась я. – Пора уже что-то сделать с твоими инстинктами, а то всех клиентов распугаешь! – Повернулась к девушке и с натянутой улыбкой уточнила: – А почему вы решили, что это зелье – любовное?

Та попыталась улыбнулся, но дрожащие губы её не слушались, и девушка опасливо покосилась на хмурого Генриха. Я тяжело вздохнула и, отодвинув охотника с пути, подошла к посетительнице.

– Не бойтесь, – проникновенно сказала я и взяла ведьму за руку. – Институр тоже сотрудник нашего агентства, и он вас не тронет. – Девушка недоверчиво посмотрела на охотника, а тот высокомерно ухмыльнулся и сложил руки на груди. Я

вздохнула, – ни на дюйм ведь не подвинется в принципах! – и повернулась к посетительнице: – Может, вы хотите поговорить в моём кабинете?

Девушка едва заметно кивнула, и я повела её за руку, ощущая в ладони её судорожно напряжённые пальцы, Генрих двинулся следом за нами. Пропустила посетительницу вперёд и, обернувшись к институру, показала ему язык, да захлопнула дверь перед его носом. Кусая губы, едва сдерживала смех, представляя его вытянутую физиономию, – вот тебе за уединение с Багирой! – заперла замок и повернулась к ведьме.

– Так что насчёт любовного зелья? – спросила я достаточно громко, чтобы Генрих расслышал. – Как вы определили, что это именно оно?

Посетительница смущённо потопталась у окна и несмело улыбнулась.

– Это моя специальность, – тихо проговорила она и тут же поправилась: – Не распознавание зелий, конечно, а любовная магия. Я могу сварить любовное зелье, могу приворожить клиента и без зелий… – Голос её становился всё громче и увереннее, словно профессионализм делал её сильнее и смелее. – Так же я вижу ауру влюблённых. Например, я сразу заметила, как сильно вы любите того красавчика!

Я поперхнулась и поспешно отошла от двери, прижимая палец к губам:

– Шшшш…

Рыжие брови посетительницы удивлённо приподнялись:

– Почему?

Я торопливо приблизилась к ведьме и обхватила её холодные ладошки:

– Сначала скажите мне, какая у него аура! Вы видите, что он влюблён?

Дыхание замерло, во рту стало сухо, и каждое мгновение, пока ведьма раздумывала, для меня казалось часом.

– Нет, – наконец ответила она, и у меня внутри словно что-то оборвалось. А посетительница продолжила: – Не могу сказать, какая у него аура. Не вижу, и не понимаю почему…

Я досадливо цокнула языком и, отпустив руки девушки, проворочала:

– Кажется, я понимаю. Это их хвалёная защита от ведьм! Даже тут работает… Вот засада! Как же понять, что он чувствует?!

Посетительница осторожно тронула меня за локоть:

– Так спросите его…

Я зло расхохоталась и покачала головой:

– Спросить?! Легче сразу на костёр отправиться, чем

выслушивать то, что последует за этим вопросом… Вы не знаете девиза институров: не помучил ведьму – день прошёл зря!

Карие глаза посетительницы расширились, а рот забавно приоткрылся, словно она была голодным птенцом и требовала червяка. Я вдруг спохватилась и проговорила:

– Ох, простите! Вы же пришли не для того, чтобы просвещать меня насчёт любовной магии… – Я на мгновение отвлеклась и машинально потёрла нос: – Но всё равно спасибо! Интересно, зачем русалке любовное зелье? К её ногам и так все штабелями укладываются… Ах, да! Присаживайтесь…

Я усадила посетительницу на единственный стул, а сама разместилась на столе.

– Скажите, как к вам обращаться, – деловито проговорила я, отмечая её быстрые пальцы, в которых белел кружевной платочек, и тёмные подпалины под глазами. – И что за дело привело вас в наше агентство?

***

Крайне озадаченная, молча проводила гостью к выходу. Данья то и дело бросала на меня встревоженные взгляды, но я делала вид, словно ничего не замечаю. У двери остановилась и натянуто улыбнулась ведьме:

– До завтра.

Она обхватила мои руки холодными ладошками и пытливо заглянула в глаза.

– Я буду надеяться, что вы согласитесь! – пылко сообщила она и, отдёрнув руки, словно обожглась, выскочила из офиса.

Я машинально прикрыла дверь и повернулась к Забаве: секретарша уже вернулась. Она сидела за своим столом и изо всех сил делала вид, что ей абсолютно неинтересно, что за дело предложила посетительница, но получалось у русалки неважно. Я засунула руки в карманы и раздражённо передёрнула плечами:

– Не нравится мне всё это!

– Что не нравится? – мгновенно отозвалась Забава.

Отбросила ручку и нетерпеливо подалась вперёд, пронзая меня острым взглядом. Я покосилась на закрытую дверь в кабинет институра: видимо, Генрих после моей выходки решил уйти в режим игнора. Да и ладно! Забава не выдержала и дёрнула меня за локоть.

– Что не нравится? – громче повторила она.

– Не знаю, – пожала я плечами. – Но чую, что-то тут неладно… Помнишь, ты вчера в магазине заявила, что кусок мяса в упаковке не стоит брать? Как ты поняла, что оно испорчено?

Теперь пришла очередь русалки жать плечами.

– Не знаю, – скопировала она мой тон. – Может, запах

почуяла, пусть его и завернули плотно… Или цвет не понравился, трудно сказать точно. А та грымза настаивала, что свежее! Зато какое зелёное было у продавщицы лицо, когда я вскрыла пакет… Загляденье!

– Жаль, мысли человека не вскроешь, как пакет, – задумчиво произнесла я. – Если, конечно, не забирать воспоминания… – Я встрепенулась, решительно подошла к двери в кабинет институра и забарабанила: – Выходи, охотник! Дичь заждалась…

– Генрих ушёл, – перебила меня Забава.

– В смысле? – опешила я и машинально повернула ручку: дверь оказалась не заперта, и я, распахнув её, убедилась, что в кабинете пусто. Может, он так мстит? Или ему действительно неинтересно, что такого просит у нас провинциальная ведьма? Я растерянно повернулась к секретарше: – А куда он ушёл?

Забава на миг задумалась и неуверенно произнесла:

– Он сказал, что ему нужно утолить жажду. Может, он в баре внизу?

– Генрих не пьёт, – возразила я и понимающе усмехнулась: – Но, кажется, я знаю, какую жажду ему необходимо утолить. Не завидую сегодня ведьмам без лицензии…

Забава подскочила.

– Он что, изменяет тебе?! – Она прижала руки к щекам, глаза русалки расширились. – Что же ты молчала? Я бы его ни за что не отпустила!

Я присела на краешек стола русалки и запустила руку в пузатую вазу, выуживая красную конфетку.

– Хотелось бы посмотреть, как ты пытаешься удержать институра, – иронично хмыкнула я, шурша обёрткой, – в нос ударил приятный аромат барбарисок, – забросила леденец в рот и с удовольствием прищёлкнула языком, ощущая кисловатую сладость. – Русалка против охотника! Делайте ставки, господа…

– Злая ты, – обиделась Забава. – Я к тебе всей душой, а ты ко мне задницей!

Я не выдержала и расхохоталась:

– Вообще-то задница – это твоя сильная сторона!

Забава на мгновение замерла, её синие глаза маниакально сверкнули. Я подавилась конфетой: ох, зря я это…

– Полагаешь? – восторженно взвыла русалка. Она слегка набычилась и, не сводя с меня жадного взгляда, схватила себя за ягодицы. – А то мне вчера показалось, что они слегка обвисли… Давай покажу!

Нервно откашливалась и махала руками, проклиная слова, что вырвались у меня так не вовремя. Если срочно что-то не придумаю, чтобы остановить приступ эксгибиционизма русалки,

то придётся только применять силу даймонии, да спасаться бегством. Забава, раскачиваясь, медленно приближалась, и по подбородку её уже потекла тонкая струйка слюны. И тут меня осенило:

– Кстати! А зачем тебе любовное зелье?

Подруга застыла так резко, словно её внезапно окатили ледяной водой: рот Забавы приоткрылся, а взгляд вдруг стал затравленным. Русалка одним прыжком отскочила к своему стулу и вжала голову в плечи.

– Так ты знаешь?! – истерично взвизгнула она. – Откуда?

Я нахмурилась: хорошо, что приступ быстро отступил, но с этим любовным зельем явно что-то нечисто.

– Знаю что?

Взгляд Забава забегал по комнате, руки заметно затряслись.

– Я… это… – бессвязно пробормотала русалка, как вдруг подскочила и быстро-быстро закивала: – А! Так это для мамы! Она влюбилась и хочет замуж…

– Что?!

Я поперхнулась и снова закашлялась, да так, что из глаз слёзы брызнули. Стоило мне приставить жирную престарелую русалку под руку с каким-нибудь особо невезучим мужиком, которого опоили приворотным зельем, как стало безумно жаль бедолагу! С трудом откашлявшись, я вытерла мокрые щёки и покачала головой:

– Чудовище! Ты в курсе, что приворот действует совсем недолго? От пары часов до нескольких дней… И то на совсем уж слабеньких личностей. Как ты будешь потом своего отчима из петли вынимать, подумала? Он же после, – кхе! – брачной ночи жить не сможет!

Забава отчаянно покраснела и отвела взгляд, а я решительно подошла к её столу и, решив предотвратить трагедию, вытащила зелье из ящика, но русалка вдруг отчаянно вцепилась в бутылочку.

– Забава! – строго гаркнула я. – Отпусти!

Но это не подействовало: русалка пыхтела и цеплялась за зелье, словно утопающий за спасительную соломинку.

– Мара, пожалуйста, – жалобно взвыла она. – Ради моей дорогой мамочки! Она имеет право на обыкновенное женское счастье…

– За счёт обыкновенного мужского ужаса? – саркастично хмыкнула я. – Тебе не кажется, что в сумасшедшем доме и так полно пациентов?

Русалка с отчаянием помотала головой, и её светлые волосы разлетелись сияющим солнечным веером.

– Я найму тебя, и ты поправишь психическое здоровье жертвы…

Я не выдержала и рассмеялась, выпуская бутылку из рук, а Забава тут же засунула добычу в свою сумочку.

– Жертвы! – смеясь, просипела я. – Наконец-то ты называешь вещи своими именами! И кто этот катастрофически невезучий мужчина? Врач или пациент? На кого запала наша милая старушка?

Забава не ответила: она поспешно застегнула сумку и засунула её под стол. Я махнула рукой и вновь покосилась на открытую дверь в кабинет инститора: куда же тот отправился? И как долго будет отсутствовать? Данья вернётся утром, чтобы получить ответ. Я поёжилась: так не хотелось браться за это скользкое дело! Может, отказать прямо сейчас? Телефон она оставила. Сослаться на то, что Генриха нет на месте, и решить всё самой… Но охотнику явно не понравится то, что я не обсудила это с ним.

Хлопнула входная дверь, и я радостно развернулась, но улыбка тут же сползла с моего лица при виде Лежки.

– А, это ты, – разочарованно протянула я.

– И тебе здравствуй, любимая сестричка, – иронично хмыкнул инкуб. Он заглянул в пустой кабинет охотника и добавил: – Уже выставила и второго жениха? А я-то думаю, откуда сегодня в тебе столько оптимизма! Задыхаешься от долгожданной свободы?

Я заскрипела зубами, Забава встрепенулась.

– Так ты теперь не помолвлена? – Она потёрла ладошки и подмигнула: – Поздравляю! Теперь ты можешь выйти замуж за Вукулу и родить ему ребёночка…

– Скорее уж волчоночка, – игриво подхватил Лежик, но через секунду лицо его посерело, а глаза потемнели: – Что?! Какого ещё ребёночка? – Я нервно сглотнула: безобидный инкуб на глазах превращался в монстра. – Вукула тебя обрюхатил? Да я ему хвост на уши натяну!

– Чёрт, ну и извращённые у тебя фантазии, – фыркнула я. – Боюсь представить процесс натягивания… – Повернулась к русалке и погрозила ей кулаком: – Забава, ни разу не смешно! Ещё раз заикнёшься о моей гипотетической беременности, я собственноручно волью в тебя любовное зелье из твоей зелёной бутылочки, а чьей невестой ты станешь наутро – не мои проблемы!

Щёки Забавы побелели, рот распахнулся от ужаса. С Лежика мгновенно слетел праведный гнев, лицо посерело. Инкуб громко икнул.

– Проклятье! Ох уж эти любовные зелья! – Он с содроганием

склонился к русалке. – Меня мутит даже от названия, сколько пришлось их выпить. Хорошо, что у меня иммунитет лет с десяти, а то скопытился бы давно…

Забава поникла, её жалкий вид мне совсем не понравился.

– Иммунитет? – простонала она.

– Да, – кивнула я и, не отрывая от секретарши настороженного взгляда, пояснила: – Его ещё в школе этой гадостью травили едва ли не каждый день. Мне даже приходилось постоянно таскать с собой активированный уголь. Брата тошнило, он на глазах слабел от этой отравы… Кстати, об отраве! Про мать ты мне наврала, не так ли?

Забава отшатнулась и прижала ладонь ко рту, я бросила на брата многозначительный взгляд, инкуб нахмурился.

– Не может быть, – растерянно покачал он головой, брови его забавно сложились «домиком». – Это же Забава! Просто Забава…

Я хмыкнула:

– Знаю! Русалка для инкуба – существо бесполое… – Резко бросилась к секретарше и схватила подругу за ухо: та вскрикнула от неожиданности и боли. Я прошипела: – А ну, говори, это Аноли не сдаётся, да?

Инкуб вздрогнул всем телом и снова громко икнул, а Забава тоненько заверещала:

– Да! Она умоляла меня спасти её несчастную любовь… и честь!

Я разжала пальцы и обиженно буркнула:

– Ты как маленькая! Дружишь с Аноли потому что та бегает с тобой по ночам, и не замечаешь, что хранительница просто использует тебя?

Забава недовольно потёрла красное ухо и упрямо проворчала:

– Инкуб её первый мужчина! Аноли говорила, что может выйти либо за Генриха, либо за Лежика. Но так как у институра официальная невеста…

Она резко замолчала, и по моей спине пробежался морозец: я же не невеста Генриху! Институр теперь официально свободен, и Аноли снова повиснет на нём. Что же делать?

– И откуда в тебе столько романтики… при твоём-то хобби? – пробормотала я и беспомощно оглянулась на брата: – А вообще идея свадьбы не так уж и плоха…

Лицо Лежика посерело, кадык дёрнулся.

– Мара, – прошептал инкуб. – Что я тебе плохого сделал?

Я ухмыльнулась и приподняла брови:

– Тебе общим списком или расписать по пунктам?

Рот Лежки беззвучно распахнулся, в глазах появилась тоска: брат знал, что если я за что-то берусь, то довожу до конца… каков

бы этот конец ни был. А лично мне идея женить инкуба с каждой секундой казалась всё более и более привлекательной.

– А чем ты недоволен? – с наигранным удивлением уточнила я. – Девица-красавица! Какая разница: одной больше, одной меньше? И вообще, тебе же девственность птички досталась, так что неси ответственность, как настоящий мужик…

Забава поддакнула:

– Вот-вот! А ещё Аноли прилично зарабатывает. Она не призналась, сколько точно, но сказала, что сможет не только прокормить всю Лежкину ораву, но и запросто купит им новый дом в качестве подарка на свадьбу!

Я даже подпрыгнула от радужной перспективы одним ударом решить сразу две проблемы: уберу с пути возможную соперницу, да и брат больше не будет доить меня. Лежик нервно облизал алые губы и затравленно покосился на дверь, медленно отступая к выходу, но я вцепилась в рукав его чёрной рубашки:

– Так она, получается, даже не против других жен? Просто находка! Не жена, а мечта инкуба…

– Лучше убейте, – умоляюще прошептал Лежик. Он попытался вырваться из моей хватки и, не сумев, задрожал всем телом: – Она же чёртов гипнотизёр! Это даже хуже, чем жениться на ведьме…

Я опешила, пальцы невольно разжались: брат, воспользовавшись моим замешательством, тут же бросился к выходу, но наткнулся на Генриха. Сердце радостно подпрыгнуло и тут же сладко замерло при виде его изумрудных глаз, а дыхание невольно перехватило: какой же он эффектный!

– Это кто тут собрался жениться на ведьме? – саркастично уточнил институтор и, не позволив инкубу сбежать, с силой захлопнул дверь: – Может, я попытаюсь переубедить этого сумасшедшего? Хватит и одной трагедии в «Чудо-Траве»!

Я запыхтела и недовольно заскрипела зубами: что он хотел этим сказать? Генрих, не обращая внимания на мои пылающие щёки, подошёл и гордо бросил к моим ногам какие-то бумаги. Я с подозрением посмотрела на листы, заполненные ровным подчерком:

– Что это?

Генрих прислонился к стене и, сложив руки на груди, с улыбкой ответил:

– Решение малого собрания Комитета по спорному вопросу следующей из даймоний.

Я вздрогнула и, с подозрением покосившись на него, медленно опустилась на корточки, протянула руки: пальцы заметно тряслись. Решение Комитета?! И чему, интересно,

инситор так радуется? По спине поползли мурашки: не к добру это…

– Ну что опять? – Раздражённо спросила я: язык едва ворочался, а голова кружилась: – Что Комитету опять от меня нужно? Только не говори, что это официальное приглашение в подземелья…

Генрих фыркнул и посмотрел вверх, словно там был некто незримый, кто разделяет его сарказм. Я начала злиться:

– Так вот какую жажду ты спешил утолить! Решил, что Джерту хватит и глоточка власти, а остальное всё твоё? – Я сжала документы так, что бумага хрустнула под моими пальцами. – И для этого ты держал меня рядышком, а я, глупая, решила, что нравлюсь охотнику! – Я горько рассмеялась и потрясла кулаком с зажатыми листами. – Быстро же ты вернул себе власть, главный комитетчик! Что это? Лицензия на убийство? Мне кого-то нужно уничтожить? Неужели, Джерта? Говори уже!

Улыбка Генриха растаяла, взгляд стал жёстким.

– Ты обвиняешь меня в жажде власти? – прорычал он. – А сама настолько жаждешь свободы, что готова на любые глупости, лишь бы избавиться от статуса невесты! Даже бывшему своему блохастому созданию память стирала…

– Вукула не блохастый! – возмущённо воскликнула я, и на щеках Генриха выступили красные пятна. Стушевалась и пробормотала: – Не понимаю, чем тебе не нравится моё стремление к независимости.

– А должна бы понимать! – нетерпеливо воскликнул Генрих. Охотник на миг прикрыл глаза, шумно выдохнул и тихо добавил: – Иначе, зачем всё это?

– Что «всё это»? – уточнила я и нервно оглянулась на Забаву, но русалка, не желая вмешиваться, поспешно отвернулась.

Кажется, я перегнула палку, обвиняя Генриха в жажде власти, да ещё за Вукулу заступилась… Вот вечно инситор выводит меня из себя!

– Собрание организовал Олдрик, – подчёркнуто холодным тоном произнёс Генрих, и я встревоженно посмотрела в изумрудные глаза инситора: упоминание о моём биологическом отце нервировало ещё больше. Охотник ответил мне колким взглядом и продолжил: – Для того, чтобы официально разрешить неприятную ситуацию с Джертом, я собрал все свидетельства о двойной помолвке, а Олдрик, применив закон об очерёдности наследования, добился решения Комитета об отмене вашей с Джертом договорённости.

Я, не отрываясь, смотрела на Генриха, пальцы мои всё сильнее сжимали смятые листы.

– Наследования? – растерянно повторила я. – Не понимаю… Я вам что, мебель антикварная?!

Генрих иронично хмыкнул:

– Мебель и то лучше соображает… Мы с Джертом братья по отцу, не забыла? По закону младший брат не имеет права претендовать на руку избранницы старшего, если тот жив. – Он вдруг широко усмехнулся и весело добавил: – Джерт, кстати, использовал все возможные лазейки, чтобы обвести Олдрика вокруг пальца, но ему ничего не оставалось, как принять документ. Удалось мне утолить твою жажду свободы? Хотя бы свободы от моего сводного братца…

Судорожно расправила смятые листы и пробежалась взглядом по строчкам: что же это? Теперь я официальная невеста Генриха? Сердце пропустило удар и тут же бешено заколотилось, во рту пересохло. Он мой? Неужели, действительно любит ведьму? А я накричала на охотника, обвиняя во всех грехах… Лицо опалило жаром, на глазах выступили слёзы. От избытка чувств громко рассмеялась, тут же осеклась и глубоко вздохнула:

– Чёрт! Получается, зря я того официанта мучила.

Улыбка исчезла с лица институра, охотник оттолкнулся от стены и, шагнув ко мне, вырвал мятые листы из моих пальцев. Скулы Генриха побелели, глаза сузились, и он, потрясая документом, угрожающе произнёс:

– Ты обещала не выпускать силу даймонии! Что ты сделала? Убила его?!

Я отшатнулась и поспешно помотала головой:

– Нет, конечно! Жив он, жив… Всего-то несколько минут забрала… ну, может часов… максимум несколько дней! Так, на всякий случай. – Я встряхнула волосами и упрямо топнула ногой: – Да какая разница? Это всё неважно, раз есть официальный документ Комитета! – Осмелев, я подошла к Генриху и обняла его за талию: – Ну не злись! Я же не знала… Кстати, а почему ты ничего мне не рассказал? Сюрприз хотел сделать? Я уже подумала, что разонравилась тебе… или вообще не нравилась! Ты же ни разу не обнял меня, не поцеловал.

Генрих решительно расцепил мои руки и, крепко удерживая запястья, отстранился: я нахмурилась, совершенно не понимая поведения институра.

– Этим документом Олдрик благословил нашу помолвку, а взамен потребовал лишь одно: чтобы я не прикасался к тебе до свадьбы.

Я замерла, на мгновение лишившись дара речи, Забава ахнула, инкуб восторженно взвыл:

– А мне уже нравится этот Олдрик!

Я вырвалась запястья из рук Генриха и зло посмотрела на брата:

– А мне нет! – И горячо добавила: – Нет, ну что за наглость? Объявился папочка и сразу права качать! – Повернулась к Генриху: – А ты почему послушался?! Он даже не твой начальник!

Институтор нахмурился и строго сказал:

– Он твой отец, Мара! Даже если ты не чтишь традиции, я институтор, и не могу их не соблюдать…

– Традиции?! – простонала я. Мысль о том, что столько времени мучилась сомнениями об истинных чувствах Генриха из-за Олдрика, подлила масла в огонь. Голова закружилась от гнева, я закричала: – Засуньте ваши традиции… в подземелья Крамора! Я сама буду решать, с кем мне целоваться и кто ко мне будет прикасаться. Никто мне не указ: ни ваш хвалёный Комитет, ни мой новоявленный родитель, ни сумасшедший братец-кролик, ни…

– Твой случайный жених, – резким тоном прервал меня Генрих и коротко кивнул: – Я понял! Твоя жажда свободы сильнее, чем я надеялся. Хорошо, я подарю тебе свободу, ведьма!

Он бросил листы на пол и щёлкнул пальцами, и по коже его рук скользнуло синее пламя. Я испуганно вскрикнула и инстинктивно запрыгнула на стол, а голубая искра сорвалась с кончиков ногтей институтора, и документ мгновенно вспыхнул, на глазах превращаясь в пепел. Я затаила дыхание, с трудом сдерживая внезапный порыв потушить пламя и спасти то, что ещё не сгорело, несмотря на ужас перед синим пламенем.

– Зачем? – одними губами прошептала я.

Генрих, не отрываясь, смотрел на пламя, я – на институтора: по щекам его ходили желваки, губы сжались в тонкую линию. Охотник медленно протянул руку, и огонь, недовольно шипя, медленно растаял. Когда погасла последняя искра, я испытала облегчение и одновременно острую тоску. Забава глубоко вдохнула, словно надолго задержала дыхание, а Лежик бросал косые взгляды то на меня, то на Генриха. Тот молчал, избегая моего взгляда. Мучительное молчание затягивалось, и тут раздался резкий звонок.

– Аноли? – сжимая сотовый, рявкнул Генрих. Смолк, выслушивая хранительницу, и тут же весь напрягся, словно перед прыжком. – Скоро буду!

Я зарычала, а Забава нервно хихикнула и прижала ладонь ко рту. Генрих, не обращая ни на кого внимания, быстро прошёл в свой кабинет, до меня донёсся грохот металла, и я поспешно спрыгнула со стола. Он что, собирает свои чудовищные игрушки? Значит, уйдёт на задание Комитета. Сердце болезненно сжалось:

может, задержать его? Я уныло покосилась на чёрное пятно на полу и тихонечко вдохнула.

– Мара, – растерянно прошептала Забава, недоверчиво поглядывая на закрытую дверь в кабинет институра. – Почему ты ничего не предпримешь?

Я пожала плечами: а смысл? Вернулся Генрих: на плече его висела огромная тяжёлая сумка, на лице написана твёрдая решимость. Не прощаясь, он быстро окинул офис, а я прокричала вслед:

– Ну и катись к своей Аноли! Чтоб вы провалились вместе со всем Крамором!

Хлопнула дверь, и я схватилась за горло, которое словно сжали раскалённые железные тиски, на глаза навернулись слёзы. Ну уж нет, не дождёшься ты моих слёз, главный комитетчик! Тихо рыча и поскуливая, словно побитый пёс, я опустилась на пол и протянула руку к тёмному пятну. Лёгкий сквозняк приподнял полупрозрачные хлопья, и пепел закружился в воздухе. По запястьям заструилась жестокая сила, которую питала боль и разбитая надежда, – даймония оживала во мне.

– Мара! – деревянным голосом произнёс Лежик. – У тебя глаза светятся…

Забава охнула и спряталась за спину инкуба. Я поспешно втянула силу даймонии и простонала:

– О нет! Ещё пара минут, и я бы собственноручно стёрла с лица земли весь этот Крамор! Вместе со столицей…

Глаза русалки стали огромными, Лежик громко икнул и, нащупав стул, осторожно присел.

– Ты не раз рассказывала о силе даймонии, – промямлил он. – Но, признаться, я не особо верил… А вот теперь мне стало жутко.

– Представь, каково мне, – мрачно хмыкнула я. – Знать, что эдакое чудовище внутри и в любой момент может вырваться на свободу, чтобы уничтожить всё, что мне дорого. – Я встрепенулась и помотала головой: – Нет, так не пойдёт! Чтобы ни выкинул институр, это не должно выбивать меня из колеи! Мне нельзя расслабляться… нужно срочно отвлечься. Точно! Дело ведьмы. Я беру его!

– Ты про тухлое мясо? – с любопытством спросила Забава.

Лежик осторожно посмотрел на меня и с облегчением выдохнул:

– Ух, хвала Эросу, твои глаза снова нормальные! – И заинтересованно уточнил: – А что за мясо? И почему тухлое? Я ни разу не слышал о тухлых ведьмах. И такое бывает?

– Ведьма нормальная, – нервно хохотнула я. – Вполне даже в твоём вкусе, если что…

– Но Мара, – перебил меня брат и заметно поморщился: – Тухлое не в моём вкусе!

Я махнула рукой и расхохоталась, с облегчением ощущая, как чудище медленно засыпает во мне, а голова становится ясной, и даже боль в груди слегка притупляется. Как хорошо, что есть любимое дело и друзья, которые всегда рядом!

– Данья не тухлая, – саркастично фыркнула я. – Вполне себе красивая и молоденькая… А ещё знает толк в любовной магии! Зелье приворотное вот с одного взгляда распознала.

– Ужас какой, – передёрнул плечами Лежик. – А что ей нужно?

– Да, – встрепенулась Забава: – Расскажи, наконец, в чём там дело!

Она подошла и протянула мне руку, помогая подняться, а потом нежно обняла, и я с удовольствием вздохнула, ощущая тепло дружеского плеча. Похлопала русалку по спине, благодаря подругу за молчаливое сочувствие, и решительно отстранилась.

– Знаете о местечке под названием Тремдиш?

Инкуб вздрогнул, а лицо Забавы удивлённо вытянулось:

– Так Данья из Тремдиша? Она что, одна из знаменитых тремдишевских ведьм? Вот даже не подумала бы… С виду такая простушка!

Я безразлично пожала плечами:

– А ты представляла себе лысую бородавчатую старуху в развевающемся плаще из паутины и сучковатым посохом в высохшей руке? Традиционный наряд во вкусе Генриха… – Я досадливо скрипнула зубами, – опять я о нём вспомнила! – и торопливо продолжила: – Так вот, Данья – наследница древнего клана Тремдишей, одна из семи ныне живущих.

– Всего семь осталось? – удивилась Забава. – Как так? В честь их фамилии даже город назвали!

Я горько усмехнулась:

– С расцвета Тремдишей прошла уже пара-тройка сотен лет, и за это время ряды клана изрядно проредили ретивые институры, поскольку тремдишевские ведьмы не желали подчиняться новым правилам. Стоять в очередях и получать никчемные бумажки вместо того, чтобы беспрепятственно наслаждаться врождённым могуществом? Я их понимаю! Мало кто из древних сумел скрыться от разящего синего огня, и, как правило, остались в живых не самые сильные представительницы рода. Поэтому ныне живущие наследницы Тремдишей особо не отличаются от обычных ведьм…

Лежик громко зевнул, и я поняла, что лекция по истории затянулась, раз у брата сработал засыпательный инстинкт.

– Так вот! – я потянула инкуба за ухо, и тот недовольно поморщился, но глаза открыл: – Данья рассказала про свою близкую подругу, которая одновременно и дальняя родственница, тоже из Тремдишей. Та влюбилась в некого заезжего мага. Да так влюбилась, что искры из глаз и мозг на вынос! А через неделю после скоропостижной помолвки она бесследно исчезла…

– Помолвка! – с энтузиазмом воскликнула Забава, и я недовольно скривилась: – Так вот почему тебе не хотелось браться за это дело! Проехались по твоей любимой мозоли…

– Когда Данья начала разыскивать подругу, – громко продолжила я, – то выяснилось, что так же бесследно исчезли и все другие наследницы древнего рода. По сведениям ведьмы перед исчезновением все девушки получили предложение руки и сердца от красивого незнакомца.

– Так эта ведьма осталась одна, тогда как все остальные Тремдиши исчезли? – вдруг заинтересовался Лежик, и я кивнула, довольная, что брат услышал главное: – Не кажется ли тебе, что предложения девушкам сделал один и тот же маг?

– Рыбак рыбака! – хохотнула я и хлопнула Лежку по плечу: – Сразу почуял собрата-многоженца? Только вот ты не прячешь своих жён, а тот, похоже, похищает девчат.

– Или убивает, – мрачно добавила Забава.

В офисе воцарилась тревожная тишина, и я ощутила, как шею сковал морозец дурного предчувствия. Передёрнула плечами, – всё лучше, чем поддаваться ревности и гневу! – и весело проговорила:

– Вот поэтому Данья и обратилась к нам! Она хочет защитить себя… ну а если мы найдём её подругу, то обещала заплатить в десять раз больше.

– В десять раз больше, чем сколько? – деловито уточнил Лежик.

– Найдём девчонку – закроем ипотеку, – подмигнула я.

– Отлично! – Инкуб даже подпрыгнул от воодушевления: – Я рад, что ты решилась взяться за это дело!

– Ага, – хищно улыбнулась я: – И вы оба едете со мной!

Забава с энтузиазмом кивнула, а вот Лежик сник.

– Но Мара, – простонал он. – Ты же знаешь, что на трассе меня жутко тошнит…

– Хорошо, – невинно ответила я. – Оставайся! А я, пожалуй, перед отъездом позвоню папуле, – благо он остался в Краморе! – и попрошу передать Аноли, что ты в восторге от зелья и хотел бы принимать его на завтрак вместо кофе… причём прямо из её прекрасных ручек! Традиции превыше всего!

Кожа на лице Лежика позеленела, инкуб беззвучно открывал

и закрывал рот, Забава тихонечко хихикала. Брат, взяв себя в руки, судорожно вдохнул и угрюмо пробормотал:

– В Тремдиш, так в Тремдиш.

Глава 2. Головокружительная встреча

Дорога грязной серой речкой текла между зелёных берегов полей, в приоткрытое окно влетал озорной ветерок, он легонько трепал мои волосы, обдавая запахами скошенной травы и разгорячённого асфальта. Я покосилась на заднее сидение, где сладко посапывала симпатичная ведьма, а рядом недовольно нахохлился мой братец, и усмехнулась:

– Всё ещё дуешься?

– Злая ты, – проворчал Лежик и демонстративно отвернулся.

Я пожала плечами: ну злая. Да и кто бы остался добреньким после того, что выкинул институтор? Сердце заныло, в горле образовался комок, и я прикусила губу, чтобы не дать слезам вырваться.

– Жалеешь? – тихо спросила Забава, и я невольно вздрогнула.

Покосилась на русалку и криво ухмыльнулась:

– О чём мне жалеть? Это моя работа! Конечно, Тремдиш не ближний свет, но зато денежки посулили хорошие…

– Я не о деле, – нетерпеливо отмахнулась Забава и, склонившись ко мне, прошептала: – Жалеешь, что оттолкнула Генриха? Ты же любишь его…

– Я не отталкивала! – прошипела я и невольно вдавила в пол педаль газа: машина взревела и рванулась вперёд так, что деревья на обочинах превратились в зелёные стены. – Это он сжёг документы и расторгнул нашу помолвку! Я не нужна институтору, да и он мне не нужен!

– Ну да, ну да, – иронично покачала головой Забава. – Он тебе настолько не нужен, что готова разбиться? Куда так несёшься? – Я скрипнула зубами и с усилием потянула стопу на себя, зелёные полосы в окне снова приняли очертания деревьев. Забава вздохнула: – Генрих наверняка считает, что у тебя фобия, связанная со свадьбой. Ты ведь столько раз стирала память Вукуле…

– Забава, прекрати, – простонала я. – Чего ты добиваешься?

– Чтобы ты призналась себе, настолько тебе дорог Генрих! – неожиданно рявкнула русалка. – Ты же сама себя мучаешь. Подумай: разве стал бы Генрих заморачиваться с этими документами, если бы ты была ему не нужна? А? Ему что, делать нечего? Прикинь, сначала поднять на уши Комитет, чтобы доказать своё право называться твоим женихом, а потом за секунду сжечь все плоды своих усилий… Зачем?! Чтобы тебя

подразнить? Не кажется тебе, что это немного… чересчур?

– То есть, – сердце дрогнуло, и я прошептала: – Ты считаешь, что институтор реально собирался жениться на мне?

– Нет, блин! – рассмеялась Забава. – Он нереально хотел жениться! Ну ты даёшь, подруга! Прикинь, мужик не прикасался к тебе, держал слово, которое дал твоему отцу… Как ты думаешь, Генрих просто волю тренировал? Думаешь, он не хотел тебя? Да я как помню, какие искры между вами летали, так самой аж хочется найти свою вторую половинку!

Я мрачно усмехнулась:

– Ага! Летают искры… синие! У меня едва сердце не остановилось, когда он сжёг те документы магическим огнём.

Голос оборвался, в носу стало мокро, и я невольно всхлипнула.

– Ты же знаешь, что Генрих жутко вспыльчивый, – миролюбиво произнесла Забава. – Наверняка, он уже жалеет о том, что сжёг документы. И о том, что напугал тебя синим пламенем. Но ты сама довела его, Мара. Во всём виноват твой строптивый характер!

В груди кольнуло, и я недовольно покосилась на русалку.

– Нет! – упрямо возразила я. – Во всём виноват Олдрик! Всё из-за него… Привет, я твой папочка! Через столько лет явился, и нате вам традиции. И сверху воздержание для полного комплекта! – Я всё больше распалялась: – Оно мне надо? Меня Лежка вырастил, инкуб мне больше отец, чем хранитель. А у того человека нет никаких прав, чтобы требовать от Генриха такое. Я, дрить твою за ногу, не послушная девственница, как Аноли! Эх, надо было прирезать старика, когда просил…

– Что?! – лицо Забавы вытянулось так, что я усмехнулась: – Ты же это несерьёзно?

Я вздохнула и переключила передачу: разумеется, несерьёзно! Придавить силой могу, даже окунуть в боль и ужас… Но пронзить мечом – нет. Тошнить начинает, стоит представить это. По спине пробежались мурашки: а вот нечто, что живёт во мне, не задумываясь сделает ещё и не такое! Я вспомнила седого Вукулу и окровавленный меч… Нельзя давать волю даймонии! А сила эта едва не вырвалась на свободу после выходки Генриха. Лучше быть одной, тогда никто не пострадает… И институтор в том числе.

– Всё, что ни делается – всё к лучшему, – уверенно проговорила я и покосилась на хмурое лицо русалки: – Честно, подруга! Свобода мне дороже всех парней на свете!

Забава хотела возразить, но я её перебила:

– А вот и Тремдиш! Смотри, там указатель…

Русалка прищурилась, разглядывая окрестности, я крикнула:

– Ей, Данья! Куда дальше?

Ведьма коротко всхрапнула и потёрла лицо, её опухшие от неудобного сна веки словно не желали подниматься.

– Прямо пока, – прохрипела она. – До главной площади, а потом покажу…

– Что? Где я? – встрепенулся Лежик: кажется, и инкуба сморило долгой дорогой, даже хвалёная тошнота отступила.

– Кто здесь? – изображая испуг, подхватила я.

Забава невольно рассмеялась, Лежка насупился, а ведьма усиленно потёрла глаза. Домов становилось всё больше, но даже вдалеке я не смогла заметить ни одного высокого здания. Похоже, Тремдиш не поднялся выше третьего этажа. Даже главную площадь, которая была похожа на огромный масляный блин, окружали двухэтажные особняки. Данья махнула рукой в сторону одной из узких улочек, разбегающихся от сверкающего жёлтой плиткой «блина» в разные стороны, и я послушно свернула туда.

Мы остановились рядом с весёлым домиком, больше всего напоминающим пузатого жизнерадостного поросёнка: весь ярко-розовый, с круглыми окошками и «копытцами» лавочек в небольшом дворе. Лежик растерянно ходил вокруг клумбы в форме сердечка, а Забава со знанием дела осмотрела огромный дуб с вырезанными на коре многочисленными знаками «плюс», соединяющими одинокие буквы.

– О! – заметив её интерес, понимающе улыбнулась Данья. – Это волшебное дерево!

– Живое? – насторожилась я и на всякий случай отступила на шаг: вдруг это родственник дубов из Рощи, схватит ещё за ноги корнями…

– Дерево влюблённых, – щурясь от удовольствия, продолжила Данья. – Пара, которая оставит на его коре свои инициалы, навеки соединится в своей любви! Если я поставлю между ними «плюсик», конечно… – Я невольно вздрогнула, заметив пару «минусов», а ведьма повернулась к Лежику, который с удовольствием вдыхал сладкий цветочный аромат, и добавила: – И клумба тоже волшебная… Одинокие сердца сажают на ней зёрнышко, а цветок я потом добавляю в любовное зелье.

Лежка с ужасом отшатнулся и закашлялся, я почесала кончик носа и задумчиво пробормотала:

– А неплохо ты зарабатываешь, раз домина такой…

Забава пихнула меня локтем в бок и шепнула:

– Может, и тебе переквалифицироваться, а? Подучись у Даньи, пока мы здесь!

Я брезгливо скривилась:

– Не по мне это всё… Уж прости! Волосы дыбом от всех этих няшностей.

– Конечно, – обиженно буркнула Забава: – По тебе только ужасы, кровь и кишки…

– Кишки – это хорошо, – хищно ухмыльнулась я, делая вид, что рассматриваю живот русалки. – Мясо! Свежее мясо…

Забава сделала испуганный вид и спряталась за спину Даньи:

– Не ешь меня, страшная ведьма! Я тебе ещё пригожусь! К тому же, говорят, русалки пахнут рыбой! А рыба не мясо…

Лежик осторожно понюхал её волосы и покачал головой:

– Враньё!

– Проголодались? – с сочувствием уточнила Данья, принимая наше дурачество всерьёз. – Проходите в дом, я сейчас что-нибудь приготовлю.

Через полчаса перед нами стояли широкие чашки сладкого чая, а стол ломился от огромного количества пирожных и конфет. Я обвела унылым взглядом всё это цветастое великолепие, и в животе громко заурчало. Так, словно мой организм предупреждал, что уже заранее готов слипнуться. Я простонала:

– А мяска у тебя нет?

Выражение лица у Даньи стало несчастным, я невольно вздохнула и нехотя цапнула пирожное, единственное, на котором не было цветочков. Лежка убрал руки со стола и проговорил тоном умирающего:

– Я же на диете!

– Зачем? – искренне удивилась Данья, и я подавилась от смеха, а Забава сочувственно похлопала меня по спине.

– Лежик всегда на диете, – пояснила она и тихо хихикнула: – Но если мы отвернёмся, половина пирожных таинственно исчезнет!

Инкуб гордо сделал вид, что не услышал этих слов. Осторожно покосился на полные тарелки и поморщился, на белоснежном лице появился ужас перед калориями, словно те готовились наброситься на него и задавить количеством. Данья виновато улыбнулась и пододвинула к нему чашку с чаем, но Лежик отшатнулся так, словно ведьма предложила любовное зелье. Я усмехнулась: подозреваю, что брат так и подумал.

– Пойдём, страдалец! – решительно поднялась я. – Поищем симпатичный ресторанчик…

– Так скоро же стемнеет, – возразила Данья.

Я покосилась на ещё светлые окна и пожала плечами:

– Время детское, даже восьми нет.

Ведьма мягко улыбнулась и пояснила:

– В Тремдише рабочий день до пяти, редко кто работает до

шести. А в это время люди уже ложатся спать.

Я недоумённо обернулась:

– И что? У нас ресторанчики работают допоздна, а некоторые и всю ночь.

Данья слегка поморщилась:

– Так то столица! Можете зайти в магазин на главной площади, он работает аж до девяти…

– Уже что-то, – проворчала я и, передёрнув плечами, недовольно покосилась на перламутровые обои и золотые подушки на диване в виде сердечка. – А гостиница в Тремдише есть?

– А чем вам у меня не нравится? – обиженно уточнила Данья. Ведьма надула пухлые губки и резко добавила: – Есть одна, но там вам будет неудобно…

– Почему? – подал голос Лежик.

Данья скривилась и искоса глянула на инкуба:

– Это очень старое здание, бывший замок Тремдишей. Там очень сыро, ведь он построен в овраге, на окраине города… Жёсткие кровати, каменные полы, перебои с электричеством. А ещё говорят, что там есть привидения!

– Круто! – аж подпрыгнула Забава. – Никогда не видела привидений! – Но тут же приуныла: – А вот жёсткие кровати – это плохо! Всё тело будет болеть…

Я хмыкнула:

– С чего бы? Ты же не спишь по ночам! Так и скажи, что тебе приглянулось деревце во дворе. И это хорошо, кому-то надо остаться и охранять Данью.

Забава оживилась и пододвинулась к молодой ведьме:

– Я бы могла расположиться на том дубе, чтобы наблюдать за всем, что происходит. Ведь сверху видно всё! Можно, да? А у тебя много посетителей? Мужчин, я имею в виду…

Данья растерянно моргнула и посмотрела на меня, взгляд её стал жалким:

– Но почему вы уходите? Я приготовлю вам лучшие комнаты и мягкие кровати! Вы обещали защитить меня…

Я перебила ведьму:

– А ещё взялись найти твою подругу, а сидя дома это сделать затруднительно. Не волнуйся! Забава позаботится о тебе: русалке не нужно спать, и это наше преимущество. А мы с братом переночуем в гостинице, а утром вернёмся. – Я повернулась к сияющей подруге и кивнула: – Если что – сразу звони!

Лежик уже несколько минут нервно топтался у двери, явно желая поскорее покинуть опасно-сладкое обиталище Даньи, да и я не горела особым желанием оставаться здесь, поэтому

подхватила свою сумку и решительно направилась к выходу. Лежик с опаской обошёл яркую клумбу и забрался в машину, а я покосилась на толстый ствол дерева и замедлила шаг. Что-то не давало мне покоя, словно маленький звонкий сверчок за печкой, привлекало внимание, и я подошла к дереву, провела пальцами по шершавой коре, израненной ножом. Сколько же людей соединила Данья! Какие-то надписи уже потемнели от времени, иные были совсем свежи… Но что же мне не даёт покоя? Я задумчиво понюхала пальцы, от которых исходил аромат свежесрезанной стружки.

– Мара, ты идёшь? – напряжённо уточнил Лежик.

Я пожала плечами и направилась к машине.

– Поезжай в гостиницу, – попросила я брата. – Мой кошелёк у тебя, оплати ночлег и закажи нормальный ужин. А я прогуляюсь немного, да послушаю город…

Инкуб понимающе кивнул:

– Только не заслушивайся допоздна, а то здесь ведьмы пропадают…

– После помолвки, – усмехнулась я и подмигнула: – А ты в курсе, как я к этому отношусь!

– Да уж, – фыркнул Лежик. – Не завидую несчастному, который рискнёт сделать тебе предложение! Если сразу не прибьёшь, так Генрих потом допинает…

Сердце замерло на миг, и я проворчала:

– Вот обязательно было о нём сейчас вспоминать?

– Вот обязательно было доводить мужика до белого каления? – подхватил Лежик.

Инкуб посмотрел на меня так сочувственно, что я ощутила першение в горле и резко отвернулась.

– Кстати, о помолвках, – не глядя на брата, нарочито весело проговорила я, – ты уж постарайся никого тут не подцепить! А то меня потом твои жёны живьём сожгут!

И, помахивая сумкой, энергично пошагала по улице. Рёв автомобиля растаял позади, и я, мазнув взглядом по высоким заборам и закрытым окнам, замедлила шаг. Небо немного потемнело, лиловые оттенки заструились по стенам молчаливых домов. Звук моих шагов отдавался эхом, и я старательно прислушивалась, но не могла расслышать даже намёка на людские голоса. Такое ощущение, что город был совершенно пуст, хотя в это время в столице жизнь только начиналась… По спине поползли мурашки. Я уже пожалела, что решила прогуляться.

Краем глаза заметила некое движение и быстро оглянулась, но это оказалась лишь тощая разноцветная кошка. Та испуганно

сверкнула круглыми глазами, словно впервые увидела человека, да исчезла за углом. По какой-то причине я бросилась следом за животным и столкнулась с кем-то. Ударившись лбом и коленом, отлетела к стене.

– Дрить твою, – простонала я, прижимая ладонь к ноющему лбу.

– Вы в порядке? – услышала в ответ приятный мужской голос. – Вы так быстро бежали… Вас что, преследуют?

Невольно хмыкнула и прогнусавила:

– Скорее это я преследовала.

Опустила руку и с любопытством уставилась на высокого молодого человека с букетом ярко-жёлтых роз в руках. На лице незнакомца играла лёгкая улыбка, синие глаза иронично сощурены. Возникло ощущение, что при столкновении пострадала лишь я, а для парня это было лишь лёгкое прикосновение.

– И кого же вы преследуете? – незнакомец приподнял густые брови и медленно оглядел пустынную улицу.

– Кошку, – ответила я, разглядывая его небритые щёки и аккуратный костюм: не иначе, как на свидание направился! – Но, кажется, упустила.

– А зачем вам кошка? – полюбопытствовал незнакомец.

– Есть хочу! – брякнула я и, заметив, как удивлённо вытянулось его лицо, рассмеялась: – Я пошутила! Я действительно не против перекусить, но кошками не питаюсь. Просто это была первая живая душа в Тремдише, не считая тех, что приехали со мной. Странный городок…

Незнакомец широко улыбнулся и слегка поклонился:

– Позвольте представиться – душа живая вторая, – весело проговорил он и лукаво добавил: – И я намного аппетитнее кошки, не правда ли?

Я невольно нахмурилась, – что он хотел этим сказать? – а незнакомец расхохотался:

– Я тоже пошутил!

Я посмотрела на него, и по спине побежали мурашки. В пустом странном мёртвом городе встретить мужчину в строгом костюме и с букетом цветов: действительно ли это случайность? Руки затряслись, а я всё не могла оторвать взгляда от лица незнакомца: теперь за внешней красотой чудилась мертвенная холодность, а в синих глазах мерещилась тень смерти…

Сердце замерло. Что далеть, если это тот самый маг, который и похищал девушек? Неужели я столкнулась с преступником, когда тот шёл к Данье? С цветами, при параде… Теперь понятно, что это за свидание!

– Вы… – прохрипела я и, сцепив руки за спиной, попыталась улыбнуться, но губы не слушались. Прокашлялась и продолжила как можно увереннее: – Вы действительно гораздо аппетитнее кошки. – Чёрт! Что я несу? Нервно хихикнула и зачем-то добавила: – И, безусловно, красивее…

Незнакомец пристально посмотрел на меня, взгляд его словно пронзил ледяными иглами, уголки губ опустились. Спина похолодела: я уже не сомневалась, что передо мной тот самый преступник. Но знает ли он, что я догадалась? Но пролетело мгновение, и молодой человек, протянув мне букет роз, снова расплылся в улыбке.

– Благодарю за самый оригинальный комплимент в моей жизни! – весело проговорил он

Не отрывая взгляда от его приветливого лица, машинально приняла цветы. А может, показалось и я придумала этот могильный холод? Просто обстановка навеяла: все эти разговоры о пропавших ведьмах, пустой город и нежданный красавчик с цветами… Пожала плечами, уткнулась носом в ярко-жёлтые лепестки, вдыхая нежный аромат, и голова моя слегка закружилась, ноги стали ватными, тело покачнулось.

– Эй, девушка! – Услышала заботливый голос незнакомца. – Вам плохо?

– Нет, – промямлила я, ощущая лёгкую эйфорию, словно после пары бокалов хорошего вина натощак. – Мне хорошо!

Ощутила на плечах тёплые руки и подняла глаза: он что, обнял меня? Или подхватил, когда я упала? А я упала? В ушах зашумело, перед глазами всё поплыло. Неожиданное опьянение развеселило меня, и я, потянувшись к красавчику, вцепилась пальцами в его уши.

– Ты прелесть, – хихикнула я, переступая, чтобы устоять на ногах. – Симпатичный…

Под подошвами захрустели жёлтые розы, которые в какой-то момент успела уронить. Я держалась за уши незнакомца так отчаянно, что тот невольно поморщился от боли, но высвободиться почему-то не пытался. Я же привстала на носочки и, вытянув губки трубочкой, потянулась к его лицу, маг замер в ожидании поцелуя, но я лишь чмокнула его в гладкую щёку.

– Но Генрих всё равно лучше! – добавила я и отпустила красные уши незнакомца.

– Кто такой Генрих? – растерялся тот.

Я покачнулась и, с трудом сфокусировав взгляд на его недовольном лице, смущённо зарделась:

– Мой жених! – Тут же нахмурилась и, едва ворочая языком, добавила: – Или не жених… Какая разница? Всё равно люблю

инститора!

Маг зло выругался, а я рассмеялась, ощущая себя так, словно выпила целую бутылку коньяка на пустой желудок… И хоть желудок действительно пустой, спиртного не пила. Стало грустно: и почему же себя так странно чувствую? Обхватила гудящую голову и пробормотала:

– Может это зелье? Но как? Неужели, Данья добавила что-то в чай? Да нет! Зачем ей это… – Покачнулась и схватила мрачного незнакомца за грудки. Глядя снизу вверх в его синие глаза, грозно рыкнула: – А ну признавайся, приятель! Ты преступник? И не смей отпираться, я знаю, что ты – маг!

– Некромаг, – холодно поправил тот.

Неожиданно раздался рёв автомобиля. Обернувшись, с удивлением посмотрела на машину Лежки, которая приближалась, ослепив меня ярким светом фар. Взвизгнули тормоза, инкуб высунулся из открытого окна.

– Мара, брось эту несчастную кошку! – крикнул брат. – Я нашёл приличную гостиницу, и там есть нормальная еда. Поехали!

– Мясо! – сглотнув слюну, с удовольствием проговорила я. Обернулась к магу, но не увидела его. Казалось, только что сжимала лацканы его пиджака, но сейчас в руках держала невесть откуда взявшуюся кошку. От удивления пальцы разжались, и кошка, вопреки всем законам, шлёпнулась на асфальт боком. Животина тут же подскочила и бросилась наутёк, я потёрла веки и растерянно пробормотала: – Что это было?

Лежик вышел из машины и обнял меня за плечи:

– Мара, тебе плохо? Тебя уже шатает от голода!

– Ага, – испуганно огляделась я в поисках загадочного мужчины. – А ещё у меня, по ходу, галлюцинации!

Лежка бережно отвёл меня к машине и усадил на заднее сидение. Я ощутила, как медленно отступает странное состояние опьянения, накатившееся после того, как приняла от незнакомца букет… Вздрогнула и обернулась к месту, где только что стояла, и кожу на затылке стянуло от ужаса: на сером асфальте яркими жёлтыми пятнами пестрели лепестки роз.

Нащупала в кармане сотовый. В глазах всё ещё двоилось, поэтому попросила Лежку набрать номер.

– Забава? – хрипло проговорила я. – У вас там всё в порядке? Посетителей нет? И хорошо… К Данье никого не пускай! Особенно красивых мужиков с синими глазами и жёлтыми розами… Да-да! Все синеглазые с розами – твои!

Отключила телефон и облегчённо откинулась на спинку сиденья. Если тот человек – не галлюцинация, дальше дуба он

точно не пройдёт. Правда, если за ночь не появится ни одного синеглазого, Забава будет жутко разочарована…

***

– Зачем столько?! – возмутился Лежик. Он с ужасом смотрел на стол, сплошь уставленный тарелками, и по мере того, как единственная официантка гостиницы Тремдиша приносила новые блюда, глаза инкуба становились всё больше и больше. – Я же на диете…

– Вот именно! – оборвала я праведный гнев брата и хлопнула инкуба салатной ложкой по кисти. – Запомни это хорошенько и не тяни свои лапы к моей еде!

– Твоей?! – раздражённо взвизгнул Лежка. Он подул на руку, смерил меня придирчивым взглядом и саркастично добавил: – Если ты собираешься всё это съесть, то можешь забыть о замужестве…

– Это ещё почему? – с набитым ртом прошамкала я.

– Растолстеешь так, что никто на тебя и не посмотрит, – рявкнул Лежка, пытаясь отобрать у меня кусок мясного рулета с ароматной подливкой.

Я вырвала вилку и треснула ей брата по лбу, рулет сорвался и, пролетев пару метров, шлёпнулся у порога небольшой провинциальной столовой. Вошедший в это время посетитель отшатнулся и, секунду помедлив, направился прямо к нашему столу. Я с сожалением облизала вилку и сердито набросилась на брата, лишившего меня вкусного кусочка:

– Вот и хорошо! Хватит в нашей семейке одного чокнутого инкуба, готового жениться на каждом, кто носит юбку. Как посмотрю на тебя, так тошнить начинает…

– Вот и хорошо! – тем же тоном проговорил Лежик: – Похудеешь! Ты уже съела булочку и салат… не говоря о пирожном в доме Даньи. Положи котлету! Мара, я тебе уже тысячу раз говорил, как несексуально жрать всё, что не приколочено гвоздями!

– Ты не прав, приятель, это очень сексуально! – Услышав рокочущий мужской голос, я подавилась котлетой. Пытаясь откашляться, обернулась к вошедшему с намерением высказать всё, что думаю о невежах, влезающих в семейный разговор, да так и замерла с открытым ртом, забыв при этом, как дышать. Посетитель, в которого я едва не попала куском мяса, оказался… Генрихом! Институтор стянул с головы капюшон и криво ухмыльнулся: – Я тоже рад тебя видеть, Мара. Закрой рот и ешь…

– Не получится, – флегматично отозвался Лежик. Он протянул Генриху руку для рукопожатия и иронично покосился на меня: – Есть с закрытым ртом несколько затруднительно… и

поэтому ход твоих мыслей мне очень нравится! Не дай Эрос, глядя на сестру, все решат, что я тоже обжора!

Оправившись от изумления, я аккуратно положила вилку, чтобы не поддаться искушению и не проткнуть ей глаз охотнику или инкубу. Окинув Генриха подозрительным взглядом, прошипела:

– Следишь за мной?

– Ещё чего, – равнодушно ответил тот, и я растерянно проследила, как инситор беспардонно подхватил мою вилку и сунул себе в рот кусочек нежнейшего паштета… моего паштета!

– Каким же ветром тебя занесло в Тремдиш? – усаживаясь на место, спросил инкуб.

– По срочному делу Комитета, – спокойно отозвался Генрих, с удовольствием поглощая салат. Я, не выдержав подобной наглости, попыталась отобрать вилку, но инситор оказался сильнее. Яростно заскрипела зубами, а он, сощурив глаза, саркастично добавил: – Заодно решил убедиться, что Мара не стёрла этот симпатичный городок с лица земли.

– Когда я что-то стирала? – вскочила я.

– Хороший вопрос! – восхитился Генрих и демонстративно понюхал меня.

Щёки опалило жаром. Смутившись, я оттолкнула инситора и зло буркнула:

– Спасибо! – Выбралась из-за стола. – Аппетит окончательно испорчен!

– Правда? – обрадовался Лежик. Повернулся к инситору и расцвёл в благодарной улыбке: – Спасибо, брат!

Я схватила инкуба за ухо:

– Какой он тебе брат?!

И потащила за собой: Лежка взвыл и схватился за мои руки, едва успевая переставлять ноги, чтобы поспевать за мной и не остаться без уха.

– Мара… Ай! – кричал он. – Пусти!

– Спасибо за ужин! – донеслось нам вслед. – Увидимся утром.

– Может, действительно стереть этот Тремдиш с лица земли? – сквозь зубы прошипела я и, пнув дверь, распахнула её: – Вместе с треклятым институтом! Не зря же он тащился в такую даль! Дела Комитета? В этой глуши? Не смешите меня!

– Мара, – захныкал Лежик, извиваясь в моих руках. – Я-то тут при чём? Иди Генриху уши надери! Злишься на него, а страдаю я. Я вообще не хотел в Тремдиш ехать!

– Страдалец, блин! – высокомерно фыркнула я, отпуская брата. – Мы здесь по делу… реальному, в отличие от инситора, так что сопли подбери и топай спать! С утра займёмся поисками

пропавшей ведьмы…

Затолкала инкуба в маленькую комнатку, одну из двух, которые нам выделили в местной гостинице, а сама быстро зашла в дверь напротив номера брата. Прижалась к прохладной деревянной поверхности и прислушалась. Сердце колотилось, перед глазами плясали пятна. Минута, две… десять. Кажется, Генрих действительно остался в столовой. Испытав смесь облегчения и разочарования, тяжело вздохнула и включила свет.

Свободных комнат в гостинице оказалось всего две. Одна из них – та самая каморка, где помещалась лишь кровать, да тумбочка, вторая же тянула на двухместный люкс. Затравленно покосилась на огромную кровать, над которой угрожающе навис бордовый балдахин, и содрогнулась. Надо было поменяться с братом, не смогу уснуть на этом…

На высоком резном столике стояла ваза с фруктами, и я, цапнув аппетитное красное яблоко, вгрызлась в ароматную мякоть и подошла к окну… которого не оказалось. За тяжёлой занавеской обнаружилось нечто вроде бойницы, но даже та была заложена кирпичами.

– Вид просто обалденный! – восхитилась я и задумчиво провела кончиками пальцев по холодному шершавому кирпичу. Поёжилась от сырости и покосилась на кровать: – Ну ладно, рискнём.

Отбросила огрызок и, содрогаясь от холодного соприкосновения с тяжёлым одеялом, нырнула в постель, взгляд упёрся в тёмную громаду балдахина. Возникли жуткие ассоциации с крышкой гроба, и я повернулась на бок, прижимая щеку к подушке, да поспешно прикрыла веки. Но сон не приходил.

Розовые лепестки ядовито-жёлтого оттенка на сером асфальте… Не привиделось же мне это! Пусть мужчину в костюме Лежик не увидел, но розы то заметил? Или нет? Надо было спросить. Перевернулась на другой бок и тяжело вздохнула. Некромаг… Был ли это тот самый преступник, который похитил девушек? Смазливый, девчонки на таких ведутся. Но не я! Слишком зализанный, скользкий, словно холодная змея… А какое у него стало лицо, когда я заявила про Генриха! Тихо хихикнула и осеклась: а зачем я вообще начала говорить про инститора?

Решительно откинула одеяло и босиком пошлёпала по холодному полу, направляясь к стулу, на котором бросила одежду, выудила сотовый и, приплясывая от сырости, набрала русалку.

– Забава, у вас там всё в порядке?

– Блин, достала! – раздражённо ответила та, и челюсть моя

отвисла: с чего бы она такая взвинченная? – Всё хорошо, Мара! Не звони больше… Если случится что, сама наберу.

Раздались короткие гудки, я изумлённо посмотрела на телефон: пирожных что ли объелась? С чего такая злая? Отвлекла от процесса самолюбования? Но, если верить словам Даньи, в Тремдише по ночам не принято шататься. Пожала плечами и положила сотовый на стол. Обхватила себя и потёрла плечи, – холодно! – да прыжками вернулась в кровать.

Накрылась одеялом с головой и, пытаясь забыть о чудовищном балдахине, зажмурилась. Но шло время, а сон всё не приходил, в голове постоянно крутились мысли о незнакомце с розами. Может он действительно направлялся к своей девушке, а мне просто подурнело от голода? Да так, что не заметила, как схватила кошку…

Застонала и, откинув одеяло, заметила в темноте противоположной стены едва контур низкой дверцы. Заинтересованно приподнялась: тут есть запасной выход? Или это кладовка? Выскользнула из постели и быстро приблизилась, но дверь оказалась заперта. Несколько раз подёргала за ручку и, смирившись, побрела обратно. В животе заурчало, и я замерла около стула с одеждой. Нет, так не пойдёт! Это Лежик думает, что девушке на ужин должно хватить одной котлеты и ложки салата, я же наверняка заснуть не могу от голода!

Быстро оделась и выскочила за дверь, на цыпочках прокралась мимо двери брата и понеслась в сторону столовой, молясь, чтобы они не успели выбросить заказанную мной еду. В щели приоткрытой двери мягко золотился свет, и я прибавила скорости, как вдруг услышала голос брата:

– Ну, за любовь!

Раздался звон стекла, и я поспешно затормозила у самой двери, гневно глядя на брата, который в этот самый момент опустошал бокал вина. По спине поползли мурашки: инкубу нельзя пить, иначе к утру вся гостиница станет его местным гаремом! Зло прошипела:

– Ах ты стервец! – И, закатывая рукава, шагнула в столовую.

– Странно это слышать!

Сердце замерло, тело напряглось, я быстро прижалась к стене, молясь, чтобы Генрих меня не заметил. Почему он всё ещё в столовой? Ладно Лежка, – по ночам его порой тянет на спиртное, – но что здесь делает институтор, который вообще не пьёт? Хлопнула себя по лбу: так свободных комнат оставалось лишь две, и мы с братом заняли обе. Осторожно вытянула шею, рассматривая множество тарелок на столе, невольно сглотнула.

– Ты не веришь в любовь? – покачивая в пальцах пустой

бокал, икнул Лежик.

– Почему же? – Генрих слегка приподнял брови и криво усмехнулся: – Я не верю в любовь инкуба. Ты напоминаешь петуха, который топчет всех кур подряд… И это, по-твоему, любовь?

Лежик откинул голову и рассмеялся, его чёрные волосы изящно скользнули по плечам.

– Думал, я обижусь? – весело спросил он. Затем смех оборвался, инкуб серьёзно посмотрел на инситора. – Любовь это прежде всего забота. Вот ты сравнил меня с петухом, и отчасти это верно. Петух защищает курятник!

– Собака тоже сторожит курятник, – саркастично фыркнул Генрих. – Как и самого петуха… Что же ты не называешь это любовью? Забота? Это просто чувство долга! Хотя, надо отдать тебе должное, ты единственный инкуб, у которого я встретил это чувство.

Рот наполнился слюной: я бы сейчас не отказалась от курочки… жареной! А эти два идиота болтают о всякой ерунде, перекрыв мне путь к нормальному ужину! Что же делать? Отступила от двери, размышляя, можно ли попасть на кухню через окно. А Лежка пусть пьёт! Институр не допустит, чтобы он наделал глупостей. Тихонько двинулась к выходу из гостиницы, но услышала голос брата:

– А что ты называешь любовью?

Замерла на месте. Сердце загрохотало так, что прижала руки к груди, боясь, что его стук будет слышен даже в столовой.

– Любовь, – медленно произнёс Генрих, и от его горького тона защипало глаза. Услышала глубокий вздох и невольно прижалась к двери, чтобы не пропустить ни слова. – Пытка страшнее любой из тех, которые я изучал в Краморе. Когда не вижу её, такое чувство, словно меня наизнанку выворачивают, а когда вижу – грудь взрывается, мозги затуманиваются… Злюсь и раздражаюсь по любому поводу. Да и без повода тоже!

Я даже подпрыгнула от избытка чувств: ладони вспотели, а из груди со свистом вырвался выдох: да-да! Генрих постоянно при мне злится! А если не раздражается, то либо подначивает, либо ёрничает. Уже весь мозг себе сломала, пытаясь понять, как общаться с институром.

– Это не любовь, – услышала я насмешливый голос брата. – Эта пытка называется – воздержание! Когда мои жёны злятся и устраивают мне секс-игнор, я уже через сутки ощущаю себя так, как ты расписал…

– С одной лишь существенной разницей, – жёстко перебил его Генрих. – Мара для меня единственная! – Я прижала ладони к

губам. Ноги внезапно стали ватными, и я слабо опустилась на колени, да прижалась разгорячённым лбом к прохладному косяку. – А она мучает меня: то поманит, то оттолкнёт! Уже ничего не понимаю! Но одна мысль о том, что ведьма играет со мной, режет больнее меча.

– Хм, – отозвался инкуб. – А как часто ты говоришь это Маре?

– Что? – раздражённо отозвался институтор. – Что она для меня – сущее наказание? Да каждый раз, как вижу!

Я услышала смешок инкуба.

– А лучше бы говорил, что она любимая и единственная! Больше пользы – меньше игр.

Сердце сладко замерло, затем заколотилось быстро-быстро. Хотелось ворваться в столовую и броситься на шею институтору, но не менее сильно хотелось убежать и забиться в самый тёмный уголок гостиницы. Ответа Генриха ждала с таким нетерпением, что тело затряслось от напряжения.

– Я и говорил, – устало отозвался институтор.

– Сколько раз? – педантично уточнил Лежик. – Готов поспорить, что это было раз… ну, максимум, два!

– Ну да, – удивлённо ответил Генрих. – А зачем больше?

Инкуб рассмеялся и покровительственным тоном проговорил:

– Женщины хотят это слушать постоянно! Фишка в том, что если ты не твердишь, что любишь, сразу начинают сомневаться во всём на свете: в тебе, в себе, в ваших отношениях. Могут свести себя с ума всеми этими мыслями. Признания вселяют уверенность, и тогда игры уже не нужны… Ты словно неофит, честное слово!

– Это мои первые отношения, – нехотя буркнул Генрих.

– А как же Аноли? – удивился Лежик. – Она же была твоей невестой…

– А её девственность досталась тебе, – холодно рассмеялся Генрих. – Живи ты в Краморе, вас тут же поженили бы!

– Неужели в Краморе секс автоматически означает свадьбу? – растерянно покачал головой инкуб.

– Ну, если по правилам: сначала свадьба, потом секс. Конечно, бывает и наоборот, но в таком случае хранители могут наказать временным отстранением. Традиции институторов незыблемы…

– Погоди, – растерянно перебил его Лежик. – В агентстве ты тоже говорил о традициях. Генрих, ты что… девственник?!

Я икнула и нервно хихикнула: девственник?! Это Генрих-то? Да вспомнить только какие слова он говорил, как измывался… Как целовал! Брат сморозил глупость. Но в столовой было тихо, и по спине поползли мурашки: так это что, правда?!

Поднялась и, держась за стену, медленно отступила от двери. Надо валить, пока меня не обнаружили! И так услышала больше, чем должна. В спину что-то больно ткнуло, и я подпрыгнула от неожиданности, раздался гром металла и звон стекла, кто-то тоненько взвизгнул, и по моим плечам растеклось нечто горячее и липкое. Испуганно бросилась вперёд, и свет столовой ослепил меня, в спину понеслись ругательства.

– Мара? – взволнованно вскочил Лежик.

– Что с тобой? – звенящим голосом спросил враз побледневший Генрих.

Я посмотрела на свои руки и вздрогнула: они были в крови! Кровь была везде: на плечах, одежде, тягучими каплями она оседала на пол… а голову кружил сладкий ягодный аромат. Хмыкнув, лизнула пальцы и скорчилась от приторного вкуса.

– Это кисель? – воскликнула я и простонала: – Фу! Я вся в этой гадости!

Лежик схватился за сердце и театрально выдохнул:

– Напугала!

Генрих двинулся ко мне:

– Что произошло? Я думал, ты уже спишь. Что ты здесь делаешь?

Я замялась, не смея поднять на инститора взгляд. Щёки мои опалило жаром.

– Не могла заснуть, – промямлила я. – От голода. Пришла перекусить…

В дверях показалась та самая официантка, что обслуживала нас, и её лицо просто пылало от злости.

– Подслушивала она! – громко заявила женщина, и Генрих вздрогнул, а я невольно зажмурилась. – А как меня увидела, заметалась как кошка, которую застукали за кражей сметаны! Целый бак киселя! Коридор теперь выглядит так, словно там подрались волколаки…

Почему-то слово «волколаки» придало мне смелости, и я вскинула взгляд на мрачного Генриха.

– Да ничего подобного! – нагло заявила я и, схватив салфетки, принялась вытирать с рук кисель. – Ничего я не подслушивала! Я шла поесть, но вспомнила, что оставила телефон в комнате, и бросилась за ним! А тут эта с котлом…

– Зачем же тебе так срочно понадобился телефон? – сощурился Генрих.

– А вдруг Забава позвонит! – торжествующе проговорила я и, многозначительно поглядывая на Лежика, добавила: – Мы её оставили охранять… клиента!

Официантка, ворча, подхватила тряпку и двинулась к

коридору. Генрих проводил её взглядом и, убедившись, что женщина скрылась за дверью, повернулся ко мне. Я настороженно покосилась на его серьёзную мину и с вызовом спросила:

– Что?

Не верит мне? Конечно! Но что охотник сделает? Я подбоченилась, а институр неожиданно улыбнулся, и по спине поползли мурашки: обычно, за таким вот нежным оскалом следует нечто неприятное или унизительное.

– Ваш клиент – ведьма Данья? – мягко уточнил он и приподнял брови: – Я прав?

Я молча буравила его недоверчивым взглядом: может, «дело», с которым институр приехал в Тремдиш, не такое уже и мифическое? Бросила грязные салфетки и осторожно спросила у охотника:

– Не хочешь ли ты её сжечь? – Улыбка его стала ещё шире. Содрогнулась и покосилась на Лежика: – Нет, это не Данья, а совершенно другой человек! И даже не ведьма! И вообще – это парень!

– Какой ещё парень? – пальцы Генриха сжали моё плечо так, что я невольно сжалась от боли. Институр отдёрнул руку, и, слизнув с пальца каплю киселя, холодно проговорил: – Впрочем, всё равно! Лучше расскажи мне про ведьму, которая приходила в наш офис. О чём вы говорили?

Я заставила себя улыбнуться и, надеясь, что улыбка не выглядит кривым оскалом, подошла к столу и, потянувшись к Лежику, одними губами произнесла: «Молчи!». Вырвала вилку из его пальцев и, насадив на неё что-то съестное, не глядя, отправила в рот. Повернулась к Генриху и прошамкала:

– Она предлагала приобрести любовные зелья! Хотела наладить через нас поставку подобных снадобий в столицу. А что?

Генрих выглядел слегка разочарованным.

– И что? – уточнил он. – Ты согласилась?

Равнодушно пожала плечами:

– Ты знаешь, как я отношусь к зельям. А Лежку вообще тошнит от одного их вида. Разумеется, отказалась!

– Тогда зачем вы здесь? – допытывался Генрих. – И кто этот клиент?

Я погрозила ему вилкой:

– А вот это не твоё дело! Ты ушёл, помнишь? Собрал свои вещички и свалил, ни слова не сказав! Всё! Финита! Не суй свой нос в мои дела…

Генрих схватил мою руку с зажатой в пальцах вилкой, притянул меня к себе.

– Твои дела? – прошипел он. – Вот уж нет, ведьма, это и мои дела! Я ещё четыре месяца твой компаньон! Забыла про договор?

Инкуб тихонечко поднялся с места.

– Я, пожалуй, вас оставлю…

Мы с Генрихом повернулись к Лежику и слаженно рявкнули:

– Стоять!

– Ты же выпил! – обвинила я. – Забыл, что тебе нельзя? Приключений захотелось? Жди, пока я не примотаю тебя скотчем к кровати!

Лежик ехидно покосился на Генриха и подмигнул:

– Ты лучше его прикрути! А то у бедняги тестостерон уже из ушей валит! – Охотник разжал пальцы, я отпрянула от институра, а инкуб не унимался: – Иначе, ребята, у вас ничего не получится… Вообще беда, а не традиции! Секс до свадьбы не разрешается, а свадьбы с таким подходом и не предвидится. Зато, как я понял, после ночи любви от кольца не отбрыкается даже моя упрямая сестричка!

Генрих подошёл к инкубу и подхватил Лежку за локоть.

– Я помогу, – проворчал он. – Будешь приматывать, не забудь ему рот заклеить…

– Хорошая мысль, – кивнула я. – Тащи его в мою комнату, там места больше.

Скотча не нашлось, и Генрих предложил порвать на верёвки тот самый жуткий балдахин, чтобы связать Лежика. К счастью, инкуба уже сморило, и он мирно похрапывал вместо того, чтобы уговаривать нас с институром немедленно заняться любовью, так что кляп вставлять не пришлось.

Я вытерла пот со лба и оценила крепость узлов.

– Надеюсь, удержит, – проговорила с сомнением и зевнула. – Придётся всю ночь сторожить, чтобы не сбежал! Вот зачем ты позволил ему пить? Он ещё неделю ворчать будет, что съел годовой запас калорий!

– Я же не знал, – копошась в своей сумке, буркнул Генрих.

Я боязливо покосилась на торчащие железки и по спине поползли мурашки: так институр действительно приехал в Тремдиш по душу Даньи? Ведьму надо срочно спасать, а то не видать нам гонорара, как Забаве своей задницы!

– А вообще, – безразличным тоном проговорила я, – ты виноват, тебе и расхлёбывать!

– В смысле? – нахмурился Генрих.

Я усмехнулась и кивнула на храпящего инкуба:

– Сторожить его будешь ты, а я ни в чём не виновата, поэтому буду мирно спать в комнате Лежки. – Подошла к своей сумке и, вытянув чистую футболку, добавила: – А если не уследишь, и

инкуб сбежит, то сообщу Комитету, что брат превратил Тремдиш в Содом по твоей вине!

Генрих выругался и наклонился к свёртку, расправляя спальный мешок, а я спокойно подошла к столу и цапнула свой телефон: на экране высветился пропущенный от Забавы, и кожу на голове сжало от ужаса.

– Что? – насторожился Генрих.

Я взяла себя в руки и зло прорычала:

– Да времени уже! Жрать не дают, спать не дают… Монстры! Зато ты можешь отдыхать спокойно: ведьма измучена до полусмерти, и день прожит не зря!

Выскочив из комнаты, с силой хлопнула дверью и облегчённо вздохнула. Телефон запрыгал в моих дрожащих пальцах, я едва попадала по кнопкам, но в ответ лишь узнала, что телефон абонента недоступен. Досадливо скрипнула зубами и нерешительно посмотрела на закрытую дверь. А вдруг тот некромаг с цветочками добрался до последней тремдишевской ведьмы? Может, попросить помощи у инситора? Помотала головой: нельзя! Во-первых, Лежка не в том состоянии, чтобы оставить его. А во-вторых… инситор спасёт Данью лишь для того, чтобы сжечь собственноручно.

Сунув телефон в карман, решительно направилась к номеру Лежки: нужно быстро привести себя в порядок и самой бежать к дому Даньи. Чего бояться? Я же даймония, дочь великой и ужасной Кики… Сама справлюсь!

Глава 3. Смертельная западня

Машина петляла по тёмным пустынным абсолютно одинаковым улочкам. Я тихо материлась за рулём, понимая, что совершенно заблудилась в незнакомом городе, и даже спросить дорогу банально не у кого. Казалось, что до дома Даньи добраться проще простого, но сейчас не могла найти даже центральную площадь! Отступать, впрочем, тоже не имело смысла, поскольку вернуться в гостиницу не могла. И гордость тут ни при чём: просто не понимала, где она находится.

В сердцах нажала на тормоза, машина остановилась. Я выскочила на улицу с намерением проникнуть в первый попавшийся дом и добыть себе проводника, как вдруг заметила с той стороны дороги пятнистую кошку. Замерла: это та же самая или просто похожа? Говорят, ночью все кошки серы, но рыжие пятна этой как будто слегка светились. При первом же моём шаге, животное подскочило и бросилось наутёк, а я зачем-то метнулась следом.

Уже на бегу додумала, что хочу убедиться в том, что кошка эта самая обычная, а никакой не оборотень с холодными синими глазами мертвеца. Никогда не слышала о том, что люди могут оборачиваться в кошек, но волколаки же существуют! Возможны и не такие чудеса… Это было бы простым объяснением всей той чертовщине с жёлтыми розами.

Свежий ветерок обдувал лицо, каблуки звонко стучали по асфальту, звук множился в тишине пустынной улицы, а бездонное небо над головой колыхалось миллиардами звёзд… Когда я вновь посмотрела вперёд, кошки там уже не было. От удивления встала, как вкопанная. Едва переводя дыхание, внимательно осмотрелась: куда же шмыгнула эта проныра? Может, в эти ворота? Медленно приблизилась и коснулась приоткрытой створки: кошка вполне могла пролезть в эту щель.

Решив не отступать, громко постучала и потянула створку ворот на себя. Раздался мерзкий скрип, и я невольно вздрогнула: передо мной стояло то самое, исполосованное рубцами инициалов влюблённых, дерево. Спина похолодела, плечи напряглись. Это же дом Даньи! Ворота не заперты, на ветвях дуба никого нет, между корней сидит пятнистая кошка. Сердце отчаянно заколотилось. Пересилила страх и, медленно опустившись на корточки, протянула руку, пальцы прикоснулись к мягкой шёрстке: она реальна! Кошка подняла мордочку, круглые глаза сверкнули в темноте холодным золотом. Появилось противное ощущение, что меня заманили.

– Спокойно, – прошептала я, ощущая, как слегка шевелятся волосы на затылке. – Сначала проверим дом… Может, все спят.

Понимая, что русалка не нуждается во сне, натянуто улыбнулась и крадучись приблизилась к входной двери поросячьего домика. Кошка вдруг бросилась мне в ноги и, потёршись о щиколотки, прыгнула на крыльцо. Я покосилась на поблёскивающее окно и содрогнулась: в темноте ночи розовые стены навевали воспоминания о фильмах ужасов. Сглотнула и медленно потянула за ручку: дверь поддалась с нудным скрипом. Шею сковал морозец, по запястьям заструились серые вихри. Я остановилась и глубоко вдохнула, усмиряя силу даймонии, а потом резко распахнула дверь и быстро осмотрела пустую комнату.

– Забава? – позвала я, голос мой дрогнул. Минуту послушав тишину, крикнула: – Данья!

Голова вдруг закружилась, и я со стоном опустилась на стул, растерянно разглядывая неубранные тарелки с пирожными. Кошка бесцеремонно запрыгнула на колени и, поставив передние лапки на край стола, вытянула шею, блестящий нос её смешно задёргался.

– Похоже, здесь никого нет, – объяснила я кошке и хотела погладить её по мягкой шёрстке, но вовремя заметила, что на запястьях ещё дымятся магические вихри. Усмехнулась и, втянув силу даймонии, насмешливо проговорила: – Я едва не лишила тебя воспоминаний, как минимум. Не лезь к ведьмам. Чревато!

Кошка, не обращая на мои слова внимания, активно слизывала взбитые сливки с пирожного: уши её подёргивались. Облизнув пересохшие от волнения губы, я потянулась к чашке и, одним глотком выпив остывший чай, откинулась на спинку стула. Внезапно навалилась такое безразличие, что стало всё равно, куда делись девочки, и что я делаю в абсолютно пустом доме. Ноги ныли от долгого бега, спину ломило от усталости, веки словно налились свинцом.

Раздался грохот. Я вздрогнула, по телу прокатилась волна жара, сонливость словно испарилась. Кошка замерла, повернула мордочку в сторону шума, да и я затаила дыхание, напряжённо прислушиваясь, но ничего больше не происходило. Осторожно вытащила сотовый и едва не ослепла от болезненной яркости экрана. Сощурившись, набрала брату смс, предупреждая, что в доме Даньи никого и я слышу странный шум, а потом решительно поднялась.

Кошка неохотно спрыгнула на пол, а я остановилась, осознав, что перед глазами лишь темнота и очертания экрана сотового. Чертыхнулась, ибо придётся снова привыкать к темноте, и

пошарила вокруг в поисках спинки стула, но руки лишь проваливались в пустоту. Повернулась и шагнула к столу, рискуя вляпаться пальцами в сладкую массу какого-нибудь пирожного, но и тут, казалось, ничего не было. По шее пробежался морозец.

Глубоко вдохнула, молясь, чтобы зрение быстрее привыкло к темноте, но ничего разглядеть так и не смогла. Впрочем, контура от экрана сотового я теперь тоже не видела. Встрепенулась, – сотовый! – и включила фонарик, вырывая из темноты мутное белесое пятно под ногами. Вытянула руку и повела луч в сторону, но ни стола, ни стула так и не увидела. Ни мягких диванов, ни подушек-сердечек, ни даже розовых стен!

Ноги что-то коснулось, и я, с трудом удержавшись от крика, резко опустила руку: луч высветил пятнистый бок животного.

– Упорно надеюсь, что ты обычная кошка, – деревянным голосом проговорила я, заглядывая в круглые зелёные глаза. – Хотя надежда тает быстрее, чем количество конфет в нашем офисе! Что дальше?

То, что кошка двинулась вперёд, не удивило, лишь усилилось неприятное чувство: значит, интуиция меня не подвела – это ловушка! Она сработала, и скоро я познакомлюсь с её хозяином. Так как делать было нечего, то последовала за животным, стараясь не потерять в темноте её рыжий хвост. Темнота вокруг то сгущалась, то отступала, словно волны тумана, и кончилась так же внезапно, как и началась.

Я растерянно уронила руку с телефоном, не в силах оторвать взгляда от освещённой лунным светом каменной плиты, что стояла передо мной. Кошка обогнула её слева и исчезла в тени второй такой же.

– Издеваетесь? – простонала я. Звук моего голоса спугнул ворону, птица взметнулась в воздух и пролетела над моей головой, мстительно задев крылом. Я поморщилась от оглушительного карканья и прошептала: – Разумеется, кладбище!

А где же ещё искать некромага? Похоже, что меня пригласили… А похищенные девочки тоже здесь? В любом случае, узнать всё это я могу лишь встретившись с самим магом. Решительно кивнула и, стараясь не обращать внимания на сумасшедше-бьющееся сердце, двинулась вперёд, да тут же запнулась за что-то и, чтобы не упасть, схватилась за холодный скользкий камень памятника. Хотела подсветить себе путь, но оказалось, что фонарик съел остатки заряда, и сотовый теперь абсолютно бесполезен. Сунула телефон в карман и, осторожно нащупывая путь носком туфли, двинулась в ту же сторону, куда скрылся пушистый проводник.

Кошка обнаружилась на третьей могиле: наглое животное,

развалившись на жухлых цветах, вальяжно вылизывалось, но, заметив меня, тут же бросила это занятие и спрыгнула на землю. Я осторожно оглядывалась в поисках тёмного силуэта, но вокруг не было ни души. Луна скрылась за облаком, и пришлось передвигаться практически наощупь, ибо ничего не было видно… кроме разноцветной кошки. Я задумчиво прикусила губу: сейчас она вроде не светится, но я её свободно различаю. Кроме, разве что, единичного случая с туманной мглой, и то не уверена: может, я была слишком напугана, чтобы смотреть на кошку. Интересно всё же, куда она меня ведёт?

Луна освободилась от вуали облака, и на кладбище пролился мертвенный свет. Я остолбенела, заметив в окружении корявых деревьев без листьев контуры невысокого здания.

– Это дом кладбищенского сторожа? – прошептала я. – Или обиталище некромага?

Но чем ближе мы подходили, тем быстрее таяла надежда на мою первую, такую желаемую, версию. Перед домом я заметила открытые каменные склепы, – ровно семь штук! – расставленные так равномерно, словно некто вымерял расстояние между гробами линейкой. Возможно, так оно и было…

Кошка проскользнула между склепами и запрыгнула на невысокое крыльцо, а я заглянула в один из каменных ящиков и остолбенела при виде молодой девушки в белоснежном платье. Лицо несчастной было смертельно бледным, глаза закрыты, а губы подведены ярко-красной помадой. Я быстро склонилась над «невестой» и протянула руку, кончики дрожащих пальцев прикоснулись к гладкой и ледяной на ощупь коже. Шею словно пронзили тысячи маленьких игл животного страха.

– Ну вот вы и нашлись, – ровным голосом проговорила я и, пересчитывая «невест», обошла гробы. – Шесть… – Поцокала языком: – Для ровного счёта одной не хватает! – Осторожно покосилась на кошку, которая активно вылизывалась на крыльце: – Уж не тебя ли? Ты же Данья? – Кошка, не прерывая занятия, не обращала на мои слова внимания. Я постучала указательным пальцем по губам и предположила: – Или ты некромаг? Если предположить, что тот красавчик с розами, в которого я врезалась во время погони за кошкой, и есть этот маг смерти, то…

Кошка не делала вид, что собственная гигиена ей важнее, и все ведьмы животному до лампочки. Может, я ошиблась, и она совершенно обыкновенная? И тут дверь в дом медленно приоткрылась, – от жуткого скрипа мне подурнело. Попятилась и, наткнувшись на пустой гроб, едва туда не свалилась. Взвизгнув от ужаса, бросилась прочь от страшного дома: ляд с ними, с

деньгами! Мне с самого начала не понравилась вся эта затея с «невестами»!

Быстро оглянувшись, я увидела, что за мной никто не гонится, более того из двери так никто и не вышел, и даже кошка так и сдвинулась с места. Нет, всё равно нужно убираться! Расскажу всё Генриху, пусть Комитет разбирается с некромагом… И тут врезалась во что-то с такой силой, что меня отбросило на могильную плиту. Застонав от боли, осела на землю. Не в силах даже вдохнуть, слабо вцепилась пальцами в землю, как вдруг та задрожала, местами взбугрилась и зашевелилась так, словно кто-то пытается вылезти из глубины. Не помня себя от ужаса, я вскочила и бросилась наутёк, но тут же снова врезалась в невидимую преграду. Хвала небу, не так сильно, как в первый раз.

Выпрямилась и судорожно вдохнула: воздух с трудом, словно разрывая, наполнил сжавшиеся от страха лёгкие. Протянула руки: дрожащие пальцы нащупали скользкую поверхность, которую не видел глаз. Я положила на неё ладони и, привстав на цыпочки, подняла руки, проверяя, насколько высока преграда, и даже подпрыгнула, но это мне ничего не дало, – стена уходила и дальше, чем я могла дотянуться. Тогда я, не отрывая ладони от магического забора, пошла вдоль него.

Пальцы скользили по неприятно-холодной поверхности, больше всего напоминающей лёд, быстро теряя чувствительность, и я невольно отдёрнула покрасневшую ладонь и, прижав ко рту, попыталась согреть дыханием. Что это? Окружает ли эта преграда дом, или просто стоит одинокой стеной? Я покосилась на кошку: та, развалив задние лапы, с усердием лизала свой живот. Дверь дома оставалась приоткрытой, в проёме никого не было видно. Я опустила глаза, – земля вроде не шевелится, – как взгляд наткнулся на палку с закруглёнными сучками на концах.

Подхватив её, я ткнула толстым концом в невидимую стену и, осторожно ступая между могил, пошла вдоль преграды. Над головой с оглушительным карканьем проносились вороны, ветер остервенело раскачивал высохшие деревья, и те жалобно скрипели, роняя на чёрную землю обломки веток. Серебряные блики лунного сияния скользили по мрамору плит то тут, то там, и мне постоянно казалось, что это чьи-то глаза…

Палка, упирающаяся в преграду, двигалась абсолютно бесшумно, а вот у меня под ногами то трещала сломанная ветки, то хрустела прошлогодняя листва, то что-то противно чавкало. Рука уже ныла от усталости, а конца преграде всё не было. Я постоянно посматривала на молчаливый дом, понимая, что и эта моя версия, увы, верна, – магический «забор» окружает дом. Расстояние до него навскидку оставалось всё тем же, но крыльца

с наглой кошкой видно уже не было, зато взору моему открылись чёрные квадраты окон, напоминающие две зияющие пустотой глазницы в черепе.

Я содрогнулась и опустила руку с палкой, как вдруг услышала тихий вой. Напрягла слух: вроде не собачий… да и не волчий, – уж как воет Вукула, я никогда не забуду! И вообще, более всего этот вой походил на тоскливый плач отчаявшегося существа. Опять ловушка? Возможно… Но, как говорит, Генрих, любопытство-то терзает! На всякий случай, чтобы вновь не наткнуться на что-то невидимое, я выставила перед собой палку… ну и так, в качестве устрашения и средства самообороны заодно, – если кто вдруг выскочит, то огребёт дубиной быстрее, чем успеет сказать «мяу»!

Звук становился всё отчётливей. Показалось, что я его даже узнаю! Но кто так может выть? Не человек точно: люди так не плачут. Может, какая-нибудь животина по ночам так призывает своего самца, а тут я, да с дубиной… Нате вам брачные игры!

Нерешительно остановилась и осмотрелась: кажется, звук доносится со стороны вон того круглого склепа, окутанного вьючным растением типа винограда. Задумчиво почесала затылок: а почему, интересно, мне не пришло в голову, что это может завывать призрак? Кладбище же! Кто угодно, оказавшись на моём месте, уже лежал бы в глубоком обмороке. Но я никогда не верила в призраков, потому что никогда их не встречала. И даже того, кто бы их встречал. А значит, их нет! Опасливо покосилась на склеп: если я не права, и призрак появится, то, пожалуй, даже извинюсь…

И решительно шагнула в сторону склепа, впрочем, не опуская палки. Призрак там или животина, если попытаются напасть, то по башке огребут одинаково! Ветер шуршал круглыми листьями растения, которое почти полностью скрывало склеп, а лунные лучи вырывали из темноты блестящие куски камня… Но при приближении я поняла, что ошиблась: это не камень, а дерево, а блестит оно от влаги. Колодец?

И тут палка едва не выпала из рук: я вдруг вспомнила, как Лежик рассказывал сказку о демоне, живущем в колодце. А вот в демонов верю! Вспомнить хотя бы энтукку, которая едва не угробила меня. О чём же говорилось в той злополучной сказке? Вроде про чужие далёкие страны… Как демон приманивал путников и утаскивал на дно колодца, где несчастные погибали в страшных мучениях.

Перехватив палку двумя руками так, что пальцы рук заныли от напряжения, я решила всё же не сдаваться без боя. Осторожно, бочком, приблизилась и, не сводя пристального взгляда с

распахнутого «рта» колодца, покачала палкой, словно приноравливаясь. Сначала я его дубиной по маковке, а если гад вывернется и потащит на дно, то и силу даймонии применю! Он у меня узнает, почём фунт лиха…

– Впервые жалею, что рядом нет Лихо, – пробормотала я и, вспомнив про саркастичного полицейского, который оказался предателем, вздохнула: – Точнее, его револьвера! Надо прикупить, хорошая вещь… полезная!

Вой вдруг прервался, и я приготовилась нанести твари самый мощный удар, на который только способна.

– Мара?

От звука слабого, едва различимого на фоне шелеста листьев, голоса у меня задрожали руки, палка опустилась. Демон знает моё имя? Даёт ли это ему преимущество? Некоторые ведьмы могут проклясть, зная лишь имя. Тем более стоит избавиться от демона! Вновь подняла палку и решительно шагнула к колодцу:

– Допустим, Мара! А ты кто?

– Забава… – Донеслось едва слышно.

– Забава? – ахнула я. Помотала головой: – Нет, это неправда! Этого просто не может быть, – русалка до смерти боится воды. Ты не проведёшь меня, демон! Хочешь утащить на дно? Ну выходи, посмотрим, кто кого!

– Мара, это я, – голос прозвучал громче, так, словно бы русалка собрала все силы и попыталась закричать, и я вновь нерешительно опустила дубину. – Твоя секретарша и эксгибиционистка в одном флаконе!

– Скорей, в одном колодце, – растерянно брякнула я, заглядывая в чёрный зев, но в абсолютной темноте ничего так и не смогла разглядеть. – А что ты тут делаешь?

– Вишу… – прошипела она и поправилась: – Или висю… Неважно! Мне плохо, Мара! Спаси меня!

Я отбросила дубину и судорожно вцепилась в края колодца.

– В смысле висишь? Как? А, чёрт, ничего не видно! – Я с силой начала срывать лозу: длинные упругие ветви тянулись, роняя круглые листья и не желая подчиняться. Но я не сдавалась, и вот лунный свет хлынул в глубину колодца, в темноте угадывались очертания стройного девичьего тела. Я попыталась улыбнуться, но непослушные губы задрожали: – Теперь я знаю, как воет запуганная до смерти русалка. Можешь протянуть руку?

Я шарила по краю колодца, пытаясь найти верёвку или цепь, к которой должно крепиться ведро, но ничего не было. Русалка слабо покачнула головой:

– Он сковал меня, я не могу даже пошевелиться…

Кожу на голове стянуло от ужаса, и я спросила деревянным

голосом:

– И кто это «он»? Некромаг?!

Забава, видимо, потратив последние силы, безвольно откинула голову, глаза её белесо закатились. Ощутив, как злость наполняет меня, бурлит в дрожащих руках, взрывает грудь, я подхватила дубину и широкими шагами направилась к дому. Ну не зря же всю ночь таскала с собой эту тяжесть? Кто-то должен огрести, и даже знаю, кто!

Я сломя голову бежала к дому, под ногами хрустели ветки, перед глазами словно стояло бледное лицо Забавы. Как он посмел так поступить с моей подругой? Засунуть русалку в колодец – практически то же самое, что запереть меня в зеркальном кубе! Невольно содрогнулась и замедлила шаг… Ловушка ведь! Покосилась на окно и зло усмехнулась: мышка, пожалуй, не полезет через главный вход, а найдёт иной путь! Перехватив дубину двумя руками и сжав её покрепче, приблизилась и заглянула в чёрный проём. Но в стеклянной поверхности разглядела лишь своё расплывшееся отражение.

Отступила на шаг и, резко замахнувшись, изо всех сил ударила по окну: раздался звон, и на землю призрачным дождём посыпались осколки, под ногами, встревоженные битым стеклом, зашуршали старые листья. Не теряя ни секунды, я парой резких движений сбила зигзаги оставшегося на окне стекла и, торопливо забравшись на подоконник, спрыгнула в темноту и поспешно выставила вперед собой палку.

После улицы, залитой лунным светом, мне показалось, что здесь невозможно что-то разглядеть. Покачала головой, жалея, что села батарея на сотовом, как вдруг подпрыгнула от внезапной вспышки. Сощурившись, я с трудом разглядела в свете тысячи свечей тёмную фигуру, и с криком ярости бросилась на злодея, который посмел обидеть мою подругу.

Дубина обрушилась на голову противника, а тот даже не пошевелился! Наверняка, я застала его врасплох. Взвизгнув от злой радости, я добавила удар с разворота, а потом ещё и пнула его в челюсть. Глаза уже привыкли к яркому свету, и я разглядела серую кожу, чёрные подпалины под алыми глазами и безобразно-кривую ухмылку… или я ему челюсть разворотила?

– Ну и урод, – пропыхтела я и, переводя дыхание, приготовилась выдать мощный удар в ухо. – Некромаги все такие страшные или мне так чертовски повезло? Теперь понятно, почему вы в хламидах ходите… В ней тебя и похоронят, гад!

Замахнулась…

– Жору уже в ней хоронили, – раздался насмешливый голос.

От неожиданности я вздрогнула, промахнулась и, расставив

руки, едва устояла на ногах. Повернулась на голос и замерла: в дверях, привалившись к косяку, стоял тот самый синеглазый незнакомец, который всучил мне жёлтые розы. Я нервно оглянулась на неподвижное создание с горящими глазами и растерянно промямлила:

– Жору?

Некромаг кивнул и снова ухмыльнулся:

– Давать мертвякам имена излишне сентиментально, знаю. Но ничего не могу с собой поделать, ведь я практически дарую им вторую жизнь… полужизнь… ммм…

Он замолчал, устремляя задумчивый взгляд к потолку. Я мрачно проследила за дирижёрским взмахом его кисти и проворчала:

– Нежить и есть нежить! Нечего и пытаться подобрать красивые слова. Так значит это, – я покосилась на живой труп и гадливо скривилась: – Жора! Я запомню… А тебя как зовут? – Я медленно обхватила дубинку двумя руками и слегка согнула колени: – Нужно же будет что-то написать на твоей могиле…

И, замахнувшись, бросилась на него, как вдруг врезалась в невидимую стену. Дубина отскочила в сторону, а я отлетела прямо на нежить и, чтобы удержаться, инстинктивно схватила его за шею. Руки ощутили холод его кожи, которая уже расползалась под пальцами. Взвизгнула от ужаса и омерзения, я вскочила с колен мертвеца. Услышав за спиной тихий смех, ощутила такой взрыв ярости, что схватила первое, что попалось под руку, и зло покосилась на некромага.

Стеной себя окружил! Значит, и внешняя преграда его рук дело! Или не рук… Не знаю, чем он там строительство ведёт. Ладно, раз до него не добраться, то попробуем иначе.

– Сентиментален, говоришь? – прошипела я. – Любимца себе откопал! Сейчас я твою зверушку по запчастями раскрою! Ему даже могила не понадобится – в коробочку уберётся… Ты только не плачь!

Посмотрела на тяжёлый подсвечник в руке и, нетерпеливо стряхнув горящие свечи, занесла его над головой неподвижной нежити с намерением как минимум снести Жоре башку.

– Думаешь, я посадил его для украшения? – безразлично проговорил некромаг. Я замерла на миг и искоса посмотрела на синеглазого, а тот слегка склонил голову набок и сощурился. – И даже не защитил никак… Просто, чтобы доставить тебе удовольствие отработать удары на трупе?

Я помотала головой: нет, не поддавайся! Зачем мертвецу защита? К тому же, всё равно другого выхода нет, так что стоит хотя бы попытаться насолить некромагу! Резко выдохнула и снова

замахнулась, а красавчик резко оттолкнулся от косяка и быстро проговорил:

– Колотишь ты Жору, а удары получает тот черноволосый парень, с которым ты приехала в Тремдиш! Как тебе такой фокус?

Подсвечник выпал из моих ослабевших рук и, гулко зазвенев, покатился по полу. Я медленно опустила взгляд на труп и, с ужасом отмечая вмятины на черепе, прижала ладони к губам. Неужели это правда, и некромаг использовал нежить, словно куклу для чёрной магии?

– Лежка, – прошептала я и, боясь даже представить, как сейчас плохо брату, содрогнулась от ненависти к некромагу. Уронив руки, подняла на него глаза и прошипела: – Я тебя в порошок сотру!

Тот приподнял густые брови и хмыкнул:

– Приступай!

Я, не отрывая яростного взгляда от глаз некромага и забыв про стену, шагнула, мечтая вырвать эти противные гляделки и насладиться агонией врага, который посмел причинить боль моей семье. Но, наткнувшись на преграду, зло заскрипела зубами и ударила кулаком по защите.

– Трус! – прошипела я, уничтожая противника взглядом. – Немедленно убери это!

Некромаг медленно приблизился почти вплотную ко мне и слегка наклонился так, чтобы наши глаза оказались на одном уровне. При взгляде в его кроваво-бордовые зрачки, окружённые неестественно-яркой радужкой, шея оледенела.

– Интересно, – проговорил некромаг, разглядывая меня с любопытством учёного, наблюдающего за мышкой в лабиринте: – Почему же ты не пользуешься своей силой? Ты же вроде даймония…

Я вздрогнула, невольно отшатнулась и, не сводя с некромага растерянного взгляда, прошептала:

– И правда… Даже мысли не возникло! – Ощутила прилив уверенности, и губы мои растянулись в хищной улыбке. – Я же даймония!

Странно, почему мне самой не пришло в голову, что так проще и быстрее справиться с некромагом? В доме никого, кроме нежити и него самого… кошка ещё где-то бегала, но так ей и надо! Если полезет в дом. Забава не пострадает, если я выпущу свою силу… Хоть какой-то положительный момент от жуткой выходки с колодцем! А вот этот гад пострадает, и ещё как! Я представила, как вздуваются жилы на его бледном лице, как синие глаза вылезают из орбит, и громко рассмеялась, не обращая внимания на то, насколько жутко звучит мой смех.

Некромаг не двигался с места, словно и не подозревая, какие мучения ему сейчас предстоят. Надеется на защиту? О, какое легкомыслие! Для силы даймонии эти стены – не более чем мыльные пузыри.

– Так как тебя зовут? – угрюмо спросила я и, на мгновение сжав кулон со свои детским воспоминанием, тут же добавила: – Впрочем, неважно! В могилу укладывать будет нечего.

Разжала пальцы, и когда амфора соскользнула в декольте и похолодила ложбинку, медленно подняла руки. На лице некромага не дрогнул ни один мускул, он смотрел на мои ладони с откровенным любопытством. По запястьям заструились серые вихри, они слетали с кончиков пальцев и устремлялись к цели, проникая сквозь защиту, словно невидимой стены и не было. Некромаг восхищённо присвистнул, а я, наблюдая, как смерчи силы впиваются в тело синеглазого, довольно рассмеялась.

Но вихрь за вихрем пронзали некромага, а он стоял так, словно ничего и не происходит. Я зло зашипела и раскрутила вокруг себя воронку такой мощности, что подсвечники повалились один за другим, и тело нежити, словно манекен, слетело со стула. Темнота сгущалась, и сквозь туманные ленты силы даймонии изредка прорезались язычки свечного пламени.

Я ощутила, как стопы оторвались от пола, тело наполнила лёгкость, а чувства вытекали из меня, словно вода из дырявого кувшина. Ещё немного, и сила завладеет мной, ведь рядом нет Генриха, который остановит это безумие…

Генрих! Сердце пронзила короткая, но острая боль так, если бы в меня вонзили тонкий меч. Я вздрогнула, рухнула на пол и, прижав холодные ладони к груди, застонала, ощущая под пальцами частое биение собственного, ещё человеческого, сердца. Сила даймонии медленно и неохотно втягивалась в дрожащее тело, по щекам от боли и бессилия катились слёзы.

– Генрих, – шепнула я.

Он опять спас меня! Даже не находясь рядом, не дал поддаться силе, раствориться в ней, потерять человечность. Осознав, что снова была на грани, я нервно задрожала.

– Так это правда!

Тихий голос некромага вывел меня из состояния заторможенности, и я, медленно повернув голову, устремила на него ненавидящий взгляд.

– А ты, оказывается, тварь живучая! – прошипела я.

Некромаг медленно шагнул ко мне, – то ли сквозь свою защиту, то ли стену разрушила моя сила, – присел на корточки, рука его легонько коснулась моих спутанных волос.

– Глупенькая, – нежно проговорил он, и по коже моей

побежали мурашки. – Сила даймонии уничтожает жизнь. – Маг коротко усмехнулся: – А я не жив… хоть и не мёртв.

Пальцы некромага сжали мои плечи, и он встал, заставляя подняться и меня, я слабо подчинилась. Смотреть на его бледное лицо было противно, и я отвела взгляд, но некромаг схватил меня за подбородок и вновь повернул мою голову к себе лицом. Пристально вглядываясь в меня пронзительными синими глазами, спросил:

– Это всё, чему тебя научили? Или есть ещё фокусы в запасе?

Я зло посмотрела на высокомерного ублюдка и прошипела:

– Один есть! – И со всей силы двинула ему коленом между ног. – Этому меня научил один инситор!

Маг охнул и, прижав руки к причинному месту, весь съёжился, а я, не теряя времени, подхватила с пола подсвечник и двинула им некромага по шее. Негодяй рухнул плашмя, а я с победным криком бросилась к дверям, – невидимой стены между нами уже не было, может, и защита вокруг дома тоже рассеялась от моей силы? Уже на пороге услышала хриплый голос:

– Уйдёшь, и они оба умрут!

Я нерешительно замерла и, нервно сжимая ручку двери, обернулась. Некромаг тихо рассмеялся и медленно, придерживаясь за стол, поднялся. Лицо его на миг исказила гримаса боли.

– Ты же заметила, что русалку просто так не вытащить? – скрипучим голосом спросил он. Я с недоумением смотрела, как ладонь некромага легла на плоский тёмный предмет. Маг раскрыл ноутбук и проговорил: – Магия, конечно, штука полезная! Но и о современных технологиях забывать нельзя. – Он поманил меня пальцем: – Можешь сама в этом убедиться!

Я нерешительно переминалась с ноги на ногу: одна часть меня взывала к чувству самосохранения и требовала немедленно бежать, но вторая болезненно сжимала сердце в страхе за участь Забавы. Хоть русалку окутывали цепи, она словно висела в воздухе, и я не знала, как её вытащить. Я кусала губы, а некромаг внимательно наблюдал за мной.

– Электромагнит, – гадко усмехнувшись, проговорил он и хитро покосился на меня. – Очень удобная штука! Особенно с дистанционным управлением. – Он поднял глаза к потолку и постучал себя по подбородку, словно чего-то вспоминая: – Какую же я задал комбинацию для отключения? – Он театрально хлопнул себя по лбу и сощурился: – Ах да! Два… – Палец мага нажал кнопку на ноутбуке, и сердце моё пропустило удар. – Шесть…

– Стой! – крикнула я и бросилась к нему. – Не надо!

Маг поднял обе руки и, показав мне раскрытые ладони, удовлетворённо хмыкнул:

– Не буду.

Я оттолкнула его бедром и склонилась над ноутбуком: по шее пробежался морозец, ладони вспотели при виде бледного лица русалки. Светлые волосы Забавы мерцали в темноте колодца, голова откинула, веки опущены, рот приоткрыт. Я приблизила лицо к экрану и, заметив, что грудь её вздымается от рваного дыхания, облегчённо вздохнула: всё же сила даймонии опасна, и я не могу быть абсолютно уверена ни в чём. Нельзя так легко поддаваться на провокации!

– Отпусти её! – потребовала я. – Немедленно!

Некромаг скривился:

– Я и собирался её отпустить, да ты меня остановила.

– Ты собирался отключить магнит! – обвинила я негодяя. – Забава упала бы в воду и… и…

В горле встал комок, на глаза навернулись слёзы, и я зло стукнула кулаком по столу. Некромаг положил руку мне на плечо и широко улыбнулся.

– Тогда нужен кто-то, кто сможет её поймать, чтобы она не упала, – мягко проговорил он. – Другого способа спасти русалку нет.

Я нервно передёрнула плечами, сбрасывая его руку, и буркнула:

– Я пойду.

Он молча покачал головой и медленно вытащил из-за пояса кинжал, в тусклом свете оставшихся свечей тонко сверкнуло длинное лезвие. Большой палец мага лег на навершие, и украшающий рукоять алый камень заиграл кровавыми оттенками. Я невольно отшатнулась и затаила дыхание. Маг, не опуская кинжала, оставался на месте, но я уловила движение рядом с собой. Мертвец поднимался!

– Оно ходит! – взвизгнула я и, метнувшись за спину магу, вцепилась в его предплечье. Осторожно выглядывая, проследила, как Жора раскачивается при ходьбе, а его руки безвольно, словно плети, болтаются вдоль туловища. – Надо же было отыскать такого урода!

Маг с улыбкой повернулся, а я резко отдёрнула руки и, делая вид, что мне совершенно не страшно, скрестила их на груди.

– Не думаю, что на этом кладбище найдётся кто-то красивее меня, – саркастично хмыкнул некромаг.

Я невольно скривилась:

– Ты бы с самомнения пену иногда сдувал, а то глаза застилает. Хоть лицо у тебя и смазливое, внутри ты урод, каких

ещё поискать!

Глаза его сузились, по бледным щекам скользнули желваки. Я расправила плечи, довольная, что удалось уязвить злодея. В это время Жора приблизился к нам, и некромаг резким движением воткнул кинжал в стол. Задребезжали подсвечники, один повалился, свеча погасла, добавив полутьме густоты. Я ощутила тонкий запах дыма и нервно осмотрелась.

Некромаг стремительно склонился над ноутбуком, и я услышала его звенящий от злости голос:

– Если у тебя появилось настроение отпускать злые шутки, значит, ты не до конца понимаешь ситуацию. Прежде чем подарить тебе жизнь русалки, – он бросил на меня косой взгляд и холодно улыбнулся, – я покажу тебе нечто интересное.

Повернул ноутбук экраном ко мне, я с опаской посмотрела на изображение. Наполовину драный, жуткий балдахин скрывает часть кровати, но тело мужчины видно отчётливо. Сердце моё на миг замерло, а потом забилось очень быстро. Это же гостиничный номер, где остались ночевать Лежик и Генрих! Я схватила ноутбук, пытаясь рассмотреть, жив ли брат, а некромаг удовлетворённо кивнул.

– Он жив, – будто прочтя мои мысли, проговорил он. Пальцы мага сомкнулись на рукояти кинжала, и он жёстко добавил: – Пока жив!

Руки мои задрожали, внезапная догадка пронзила болезненной вспышкой, и я невольно опустила ноутбук на стол. Некромаг медленно раскачал кинжал и резким движением вытащил клинок из древесины стола. Сердце моё упало.

– Что ты хочешь? – Губы едва слушались, глаза наполнились слезами. Я крикнула: – Что тебе от меня нужно?!

Некромаг слегка наклонил голову набок, взгляд его устремился к живому трупу, и я метнулась между ним и Жорой, пытаясь принять удар на себя, но маг жёстко оттолкнул меня и воткнул кинжал в плечо мертвецу. Крик боли из динамика, казалось, пронзил болезненнее, чем если бы в мою тело вонзилось острое лезвие. Я всхлипнула и упала на колени, а руки потянулись к тёмному экрану.

– Лежка, – прошептала я, содрогаясь от душевной боли и беспомощности. – Прости!

– Интересно, – задумчиво проговорил некромаг и, глядя на экран, криво улыбнулся.

Интересно ему! Экспериментатор чёртов! Я исподлобья посмотрела на мучителя. Как же хотелось стереть с его рожи эту мерзкую ухмылку! И каким местом я в первую встречу решила, что он хорош собой? Не иначе, как те розы колдовские!

Тело брата каталось по кровати, Лежка прижимал руки к ране, из динамиков доносились болезненные стоны. Я с ужасом смотрела, как белоснежные простыни заалели пятнами, и руки мои безвольно соскользнули со стола. Пальцы ощутили холодное железо упавшего подсвечника, и я подобралась, приготавливаясь к прыжку. У меня только одна попытка перед тем, как маг ударит снова, шанс спасти брата, и я его не упущу! Пусть сила моя на него не подействовала, зато от удара в пах он сложился пополам!

Улыбка растаяла на лице некромага, и он с силой пнул по подсвечнику, оружие вырвалось из моей руки, а я взвыла от боли в пальцах. Маг приставил острие к горлу Жоры и рявкнул:

– Без глупостей! – И добавил более ровным тоном: – Не собираюсь я его убивать… пока. Лишь продемонстрировал серьёзность моих намерений.

Он отвёл руку от трупа, крутанул в пальцах кинжал, вновь прикасаясь к камню, и Жора медленно двинулся к выходу.

– Так каковы твои намерения? – простонала я. – Скажи мне, наконец, ради чего ты всё это затеял?!

Некромаг пододвинул стул и, присев на него, повернул ноутбук экраном к себе.

– Не спеши, – равнодушно проговорил он. – Сначала нужно вытащить твою русалку, а это процесс не очень-то простой. Жора медлителен и неповоротлив, и у него только один шанс подхватить тварь, когда я отключу магнит. – Я зло сжала зубы, – можно поспорить, кто здесь тварь! – а некромаг продолжал: – Поэтому важно подгадать нужный момент, когда нажать последнюю цифру…

Я услышала хруст веток и повернулась к разбитому окну: тело Жоры приближалось к тёмному выступу, который я сначала приняла за склеп, оказавшийся колодцем. Обернулась на мага, с усилием заставляя себя думать не о том, как вырвать его кишки, а надеясь, что всё получится! Пальцы сжались в кулак: но если вдруг, – случайно ли, нарочно ли, – не получится, то…

Некромаг, не отрывая от экрана напряжённо взгляда, резко щёлкнул по клавише, и я крутанулась на месте, взгляд мой спешно устремился к колодцу, у которого вяло копошился Жора.

– Ну?! – нетерпеливо крикнула я. Маг тихо засмеялся, и я с трудом сдержалась, чтобы не разбить ноут об его голову. – Что там?

Снова обернулась к окну и, разглядев тело русалки в лапищах мертвеца, подскочила на месте. Лунный свет окрашивал кожу Забавы в голубоватый оттенок, и челюсть моя затряслась от страха: вдруг Жора не успел вытащить русалку до того, как она окончательно сдалась? Но вот её тонкая рука хлестнула труп по

тому месту, где у Жоры раньше было лицо, и я облегчённо выдохнула, – жива! – и сурово посмотрела на некромага. Тот поднялся и с неожиданной галантностью протянул мне левую руку:

– Прогуляемся?

Я нервно покосилась на кинжал в другой его руке, – он всё ещё держал большой палец прижатым к камню, явно управляя мертвецом, – и обречённо вздохнула:

– Конечно.

Брать мага под руку жутко не хотелось, но я не могла себе позволить давать новый повод для «демонстраций», поэтому, скрепя сердце, вяло прикоснулась кончиками пальцев к рукаву некромага. Тот сделал вид, что его это устраивает, и двинулся к выходу.

Шагая рядом с магом, я бросала тревожные взгляды в сторону Жоры, который держал на руках бесчувственную Забаву. Мертвец не отходил от колодца, и это меня страшно нервировало, а некромагу, казалось, именно это и было нужно.

Под ногами скрипели плоские камни, хрустели ветки, в воздухе витали терпкие ароматы цветов, смешанные с запахом сырой земли. Я снова обернулась, чтобы посмотреть на голубоватое в свете луны тело подруги, и горько спросила:

– Так и будешь молчать? К чему эта немыслимая жестокость? Что тебе нужно?

Некромаг слегка повернул лицо в мою сторону, и я заметила, как по его губам зазмеилась холодная улыбка.

– Я хотел быть полностью уверенным, что ты согласишься на моё предложение, – произнёс он издевательским тоном. – После первой неудачи, мне ничего не оставалось, как проявить максимум изобретательности, чтобы этого не повторилось…

– Чего не повторилось? – нетерпеливо перебила я. – Ничего не понимаю!

– Скоро поймёшь, – не сбавляя шага, равнодушно произнёс он.

Я посмотрела вперёд в поисках хоть какого-нибудь объяснения, как вдруг узнала место. Именно здесь я очутилась, когда вышла из чёрного тумана, а вот там подобрала дубину. А тут… Я невольно отшатнулась, избегая столкновения с невидимой стеной, но маг схватил меня за руку и потянул за собой. Мир погрузился в темноту, – всего на миг, – а затем мы снова очутились на кладбище, и я растерянно оглянулась на виднеющийся дом. Так стена есть? Или я всего лишь закрыла глаза, и сама этого не заметила? Померещилась ли мне магическая тьма?

Некромаг потянул меня дальше, и я посмотрела вперёд и растерянно ахнула: в глазах рябило от множества жёлтых роз, которые росли между чёрными могильными плитами, и даже нос защипало от всё усиливающегося сладковатого аромата.

– Это те самые? – зачарованно произнесла я, легко прикасаясь ладонью к золотистым лепесткам. Голова тут же закружилась, ноги стали ватными, и я кивнула, отвечая сама себе: – Да, те самые!

Некромаг с улыбкой отпустил мою руку и наклонился, сверкнул кинжал, и срезанные цветы покачнули головками соцветий. У меня уже не осталось сомнений в «случайности» той встречи, когда я погналась за кошкой. По спине поползли мурашки, во рту пересохло, а перед глазами встали блестящие чёрные гробы, в которых лежали девушки в белом. И один пустой… Он не был предназначен для Даньи! Судя по всему, он ждал именно меня.

Глава 4. Мой верный отвергнутый рыцарь

Я судорожно размышляла, как мне выпутаться из паутины страха, которой окутал меня некромаг, но на ум совершенно ничего не приходило. Что я могла сделать, когда Забава в такой опасной близости от колодца, а раненый брат истекает кровью в гостинице?..

Вздрогнула и, пряча робкую надежду, боязливо покосилась за спину некромага. На экране ноута было видно, что в комнате был только Лежик! Вечный спальник инститора валялся на полу… пустой! А на столе не было сотового инкуба. Ага! Я же послала брату смс перед тем, как нырнула в темноту за проклятой кошкой, и, скорее всего, Генрих прочитал сообщение и бросился в дом Даньи. Сердце забилось чаще, а дыхание участилось, и я в отчаянии кусала губы, пытаясь скрыть своё возбуждение. О, могильный извращенец, у меня ещё есть, чем тебя удивить! Я попыталась дышать ровнее, но это удавалось с трудом. Генрих спасёт меня! Только нужно потянуть время…

Некромаг выпрямился и, взглянув на меня, напряжённо замер:

– Что?

Я нервно улыбалась, пытаясь придумать разумное объяснение. Генрих часто говорил, что у меня всё на лице написано. Увы, врушка из меня так себе…

– Э, – неопределённо протянула я и, решив подыграть магу, пробормотала: – Странное ощущение… Ещё минуту назад я готова была разорвать тебя голыми руками, а сейчас ты… – Я запнулась и с трудом продолжила: – А сейчас ты… ничего так… Даже кажешься милым. Что со мной?

Некромаг расслабленно улыбнулся и шагнул ко мне, а я едва сдержала торжество, которое охватило меня после удачной лжи.

– Не волнуйся, – произнёс маг и протянул букет: – Это тебе!

– С-спасибо, – нервно икнула я и торопливо оскалилась: – Очень приятно получить шикарный букет от… – И с трудом выдавила: – Красивого мужчины.

А про себя застонала, проклиная все упрёки в адрес Генриха, что тот не дарил мне цветов. Клянусь, если выберусь из этой передряги живой, я ни словечка не вякну о розах… и вообще попрошу инститора даже кактусов мне не дарить. Представила ироничную физиономию Генриха и нервно хихикнула. Он наверняка ответит, что и не собирался!

– Что смешного? – растерянно спросил некромаг, глаза его подозрительно сузились.

Я поспешно выпрямилась и твёрдо посмотрела на мага:

– Я радуюсь! Ха! Ха-ха! Я так всегда радуюсь. Тебя что-то не устраивает? Раздражает смех?

– Да мне всё равно, – пожал маг плечами.

Я покрутила букет и, стараясь не сильно поддаваться дурманящему аромату, восторженно возопила:

– Они такие клёвые! И яркие! А как пахнут! Как я рада, что ты пригласил меня на романтическую прогулку под луной! О, какой замечательный сюрприз, – кхе! – мой дорогой…

И осеклась, догадавшись по расширившимся глазам некромага, что перестаралась с восторгами.

– Ты так воодушевлена, – осторожно проговорил он. Я ощутила, как скользнула по спине холодная ладонь некромага, и постаралась не вздрогнуть. Некромаг прижал меня к себе и ласково проговорил: – Я уже понял, как сильно ты отличаешься от остальных. В нашу первую встречу я немного растерялся: ни с того, ни с сего ты начала говорить о другом мужчине. – Он отпустил меня и, выдернув из букета розу, покрутил цветок в пальцах: – Я засомневался – может, ты тоже некромаг? Лишь на нас не действуют цветы «последнего вздоха». Ещё на зверунов, но их почти не осталось…

Он провёл цветком по моей щеке, и я, ощутив, как по коже скользнула змеиная прохлада лепестка, затаила дыхание и постаралась не отшатнуться, хотя внутри всё переворачивалось от омерзения.

– Даймония, – нежно проговорил некромаг и, отбросив цветок, холодно усмехнулся: – Тоже весьма редкая тварь! Но раз ты считаешь меня милым, значит, «Последний вдох» действует и на тебя.

Я же едва могла сопротивляться тошнотворному запаху, и лишь мысли о раненом брате, едва живой подруге, да Генрихе удерживали на грани погружения в вязкое облако дурмана. После того, как маг практически ткнул мне цветком в нос, во рту поселился вязкий горьковатый привкус, а глаза защипало. Я невольно зажмурилась, по щекам скользнули две капли. Но главное – маг верит мне! Надо дожать! Решительно выдохнула и, прижавшись к груди мага, рявкнула:

– Любимый! – Скрипнув зубами, мысленно попросила прощения у Генриха и резко добавила: – Хочу остаться с тобой… навеки!

Грудь некромага вздыбилась, и я услышала облегчённый выдох.

– Вот и хорошо, – буднично проговорил он и, схватив меня за плечо, отстранил от себя. Глядя мне в глаза, он практически приказал: – Будешь моей невестой.

– Нет!

Я испуганно прижала ладони к губам, но слово уже вылетело! Я произнесла его быстрее, чем успела подумать. Лицо некромага удивлённо вытянулось, и я нервно покосилась на его пальцы, сжавшиеся на рукояти кинжала. Проклятые рефлексы! Как теперь выкручиваться?

– Нет? – маг приподнял брови и укоризненно покачал головой: – Ты не забыла об инкубе и русалке? Они всё ещё в смертельной опасности. Своим отказом ты выносишь им приговор.

Голова кружилась всё сильнее, сладость магических цветов всё чаще накрывала волнами ватного безразличия, мысли текли тягучей патокой, веки отяжелели, и я никак не могла сосредоточиться. Как жаль, что я не могу сопротивляться «последнему вздоху»! Конечно, маг на это и рассчитывал, притащив меня сюда. Я горько усмехнулась:

– Почти забыла, да ты напомнил. Но дело не в этом!

Беспомощно уронила руки, да медленно подняла глаза на бледное лицо некромага. И, – о, ужас! – оно действительно показалось мне вполне привлекательным. Сладкий туман постепенно уносил в небытие воспоминания о подруге, брате, и даже лицо Генриха я могла вспомнить с трудом. Ироничный блеск его изумрудных глаз, словно хрупкая соломинка, едва удерживал меня на грани сознания, но я понимала, что чёрная магия кладбищенских роз оборвёт и эту призрачную связь…

Уже сейчас синие глаза некромага казались мне самыми прекрасными на земле, и я невольно подняла отяжелевшую руку, да нежно провела пальцами по его бледной щеке.

– Просто я не хочу замуж, – осоловело пробормотала я и виновато улыбнулась: – Даже за такого красавчика, как ты… Может быть у ведьмы один маленький недостаток? И чего вам всем закольцевать меня нужно, а?

– Пусть будет недостаток, – нетерпеливо улыбнулся некромаг, и его паучьи пальцы обхватили моё лицо. – Мне и не нужна жена! И закольцовывать никого не собираюсь. Прошу быть невестой, лишь невестой! Но ты должна добровольно поцеловать меня. Тогда отпущу твоих друзей…

Колени задрожали, и я, чтобы устоять на слабых ногах, обняла некромага за талию.

– Я даже имени твоего не знаю, – прошептала я. – Как можно быть невестой неизвестно кого?

Маг склонился ко мне, его синие глаза засветились нестерпимо ярко, и я невольно опустила взгляд к его приоткрытым губам.

– Моё имя не называют вслух. – Услышала я тихий голос некромага. – Но после поцелуя ты будешь знать его, как моя невеста…

Он приблизил своё лицо так, что мне оставалось лишь чуть податься вперёд, чтобы наши губы соприкоснулись, и в груди сладко замерло от предвкушения. Образ некогда значимого человека ещё раз кольнул моё сердце, но я уже не смогла вспомнить, кому же принадлежат глаза изумрудного цвета. И почему так ждала его… Всё прошлое растворилось в сладком дурмане, и я послушно коснулась холодных губ некромага, а маг жадно впился в мой рот, словно пытаясь выпить через поцелуй мою жизнь.

Звуки перестали существовать, я уже не ощущала ни земли под ногами, ни тела мага под пальцами. Казалось, во мне замерла каждая клеточка, а по жилам растёкся ледяной мрак. Я смотрела на закрытые веки мужчины, который с упоением целовал меня, и хмель могильных цветов медленно уступал место безразличной ясности, что маг жадно пьёт силу даймонии. «Севир», – зазвенело в прозрачной пустоте, и я понимала, что это и есть истинное имя некромага. Когда моя сила перельётся в Севира, от меня останется лишь пустая оболочка, ничем не отличающаяся от сосуда для воспоминаний, который висит на моей груди…

Маг резко отпрянул от меня, словно его дёрнули за шиворот, и я покачнулась, да, лишившись опоры, мешком осела на холодную могильную плиту. Ноги не слушались, а руки дрожали, и тело двигалось, словно в киселе, но голова оставалась ясной. В ватной тишине прорезались звуки, они становились громче, далёкий звон словно надвигался на меня, и я с трудом повернула голову.

В паре шагов сражались двое мужчин. Один, в кожаной безрукавке, нападал с мечом в руках, и я невольно залюбовалась синими искрами, которые сверкали на лезвии клинка, а его противник в тёмном плаще умудрялся отражать удары небольшим кинжалом. Институтор не сдавался, нападая с яростью берсеркера, и выбритые виски его уже блестели от пота.

– Генрих, – шепнула я, и сердце сжалось от сладкой боли, а дыхание перехватило от счастья: – Ты нашёл меня!

Некромаг, словно услышав мой голос, обернулся, и я содрогнулась от ярости, которой полыхнули его синие глаза, а Генрих, воспользовавшись тем, что противник отвлёкся, резко выкинул клинок вверх, и с лезвия дождём посыпались искры: они

вмиг окутали мага, и тот засиял, словно новогодняя ёлка. Но некромаг крутанулся на месте, тлеющий плащ его взметнулся, стряхивая магическое пламя.

Я проследила за полётом искр, – некоторые падали в опасной близости от меня, – но ничего не смогла сделать. Даже если попытаюсь отползти, всё равно не успею избежать смерти, и я лишь обречённо наблюдала за голубоватыми змейками, скользящими по чёрному мрамору могильной плиты. Генрих встревоженно обернулся и, кинув меч, бросился ко мне. В последнее мгновение он подхватил меня на руки и вытащил из сужающегося круга магического огня.

Я обняла инситора за шею и прижалась к его груди, горло сжалось в спазме, по щекам заскользили слёзы. Генрих осторожно опустил меня на другую плиту и бросился к мечу, но некромаг успел исчезнуть, и инситор, сжимая рукоять, лишь яростно озирался в поисках противника. Затем сплюнул, плавным движением ладони погасил синее пламя, охватывающее клинок, и угрожающе навис надо мной.

– Какого чёрта ты делаешь?!

Я сжалась и, виновато поглядывая на Генриха снизу вверх, попыталась улыбнуться. Инситор заявился именно в тот проклятый момент, когда я целовалась с некромагом! Стыд-то какой!

– Прости, – пискнула я.

– И где ты только откопала эту тварь? – Генрих зло воткнул меч в землю и, схватив меня за плечи, быстро осмотрел с головы до ног: – Ты в порядке? Не ранена?

Не в силах больше вымолвить ни слова, я помотала головой, а по щекам всё катились слёзы радости и вины. Генрих резко прижал меня к себе, и я едва не захлебнулась от острого чувства облегчения и нежности.

– И как тебе удаётся попадать в такие передряги? – простонал Генрих, он поцеловал меня в висок и недовольно проворчал: – Талант, не иначе!

Попытался подняться, но я вцепилась в инситора и изо всех сил прижалась к его груди зарёванным лицом:

– Ты спас меня! Ты успел! Ещё немного и…

Генрих встряхнул меня за плечи и прошипел:

– Спас только затем, чтобы прикончить самому! – Я сдавленно хихикнула и обхватила инситора за шею, а Генрих только вздохнул: – Ещё раз увижу, как ты целуешь кого-то другого, – клянусь! – запру в подвалах Крамора!

– Согласна, – шепнула я, прижимаясь губами к солёной шее инситора. – Если ты будешь моим вечным стражем!

Вдохнула терпкий мужской запах, и голова закружилась ещё сильнее, а внизу живота словно разгорелось пламя. Дыхание перехватило от острого желания. Я провела губами вверх по шее инститора, нежно прикусила мочку уха, а руки мои скользнули под кожаную безрукавку, и пальцы провели по тёплой коже. Я ощутила, как напряглись мышцы на животе Генриха, и, дрожа от возбуждения, приникла губами к его рту, но инститор резко отстранился.

– Мара, что ты делаешь?

Не в силах более терпеть, я выкрутила запястья из его хватки и изо всех сил бросилась на Генриха, опрокинула на спину и уселась верхом, прижимая его к плите. Прижавшись к институ, прошептала:

– А ты как думаешь? Я хочу тебя!

Брови Генриха поползли вверх:

– Здесь? На кладбище?!

Я нетерпеливо отмахнулась:

– Какая разница? Хватит варить лягушку в холодной воде. Я так сильно хочу тебя, милый! Иди же ко мне…

Попыталась снова поцеловать его, но Генрих, схватив меня за шею, вытянул руку:

– Интересно, с чего ты такая ласковая? Любовного зелья выпила? – Быстрым взглядом окинул могилы, и при виде жёлтых роз лицо его словно окаменело. – Последний вдох? Всё понятно. Надышалась это дрянью!

Отпустил мою шею, и я упала на колени. Генрих же быстро поднялся, резким движением оторвал левый рукав от своего лонгслива, да склонился надо мной. Я попыталась сопротивляться, но инститор силой завязал рукав на моей голове так, что трикотажная ткань закрывала лицо от подбородка до самых глаз. Затем Генрих, содрав второй рукав, соорудил повязку себе. Я же едва сдерживала слёзы обиды и разочарования, а тело пронзали стрелы неудовлетворённого желания.

– Ты опять меня отталкиваешь! – глухо, сквозь повязку, пробурчала я. – Вот зачем тогда признавался в чувствах, а? Я тебя не понимаю! Что, прошла любовь? – Распаляясь, я перешла на крик. – Или же и не было её никогда?! Решил держать при себе глупую доверчивую даймонию… Как там? Не помучил ведьму – день прошёл зря! Так вот в чём дело! Я каждый день мучаюсь рядом с тобой, и жизнь инститора удалась?

Генрих схватил меня за плечи и легонько встряхнул, и я с яростью посмотрела в его изумрудные глаза над самодельной повязкой.

– Думаешь, я тебя не хочу? – прорычал он. – Что я, по-твоему,

по уши деревянный?!

– Не знаю, как по уши, – обиженно крикнула я, – а по пояс – точно!

Генрих вдруг приник ко мне всем телом и когда его жёсткие пальцы сомкнулись на моём запястье, он прижал мою ладонь к своему естеству, и у меня перехватило дыхание от неожиданной твёрдости. Я порывисто приникла к Генриху, но институр резким движением отвёл мою руку и отстранился.

– Но почему же тогда? – обескураженно простонала я.

Генрих отпустил мою руку и наклонился за мечом, до меня донеслось:

– Не хочу быть твоей очередной игрушкой.

Я вспыхнула до корней волос:

– Что это значит? Какая ещё игрушка?!

Генрих выпрямился и, намеренно избегая смотреть на меня, пристроил меч к поясу.

– У меня есть принципы, Мара, – едва слышно проговорил он. – Либо всё будет по правилам, либо ничего не случится. – Он поднял на меня свои ясные глаза цвета изумруда и саркастично добавил: – А если уж и случится, то точно не на кладбище под воздействием могильных цветов! Ты вообще, понимаешь, что происходит? Ты надышалась этой отравы, вот и бросаешься на мужиков, как кошка по весне. Я на этом месте, или тот мертвяк, какая разница? Тебе главное утолить свою похоть…

У меня от возмущения перехватило дыхание.

– Что?! – взвыла я и, с кулаками бросаясь на институра, возмущённо крикнула: – Да ты хоть знаешь, как я сопротивлялась?..

– Видел, – ухмыльнулся Генрих и, схватив мои запястья, приблизился к самому лицу: – Изо всех сил… прижималась!

Щёки опалило жаром, на глаза от обиды навернулись слёзы. Я всхлипнула:

– Но это же всё внешне! Я думала о тебе…

Глаза Генриха сузились, в голосе зазвучали едкие нотки:

– Ага! Значит, если я буду целовать другую женщину, но думать о тебе, то изменой это считаться не будет?

Я стряхнула его руки с запястий и в отчаянии закричала:

– Да если бы не Забава, я бы и не подумала его целовать!

Брови Генриха практически поползли на лоб:

– А при чём тут русалка?

Я вздрогнула и прижала ладони ко рту. Забава у колодца, Лежик истекает кровью, а я тут отношения выясняю? Ну и подруга! Схватила растерянного институра за руку и потянула в сторону домика:

– Скорее! Надо спасать Забаву!

Брови Генриха сошлись на переносице, взгляд настороженно скользнул по тёмным могилам. Ни слова не говоря, он побежал рядом со мной… и мы вдвоём врезались в невидимую стену. Я опять ушибла многострадальное колено, да со стоном уселась на землю, Генрих же умудрился устоять. Институр сосредоточенно потыкал в защиту острием клинка, а я заныла:

– Вот незадача! А я подумала, что моя сила разрушила и эту стену. Но видимо некромаг провёл меня через неё…

Генрих вдруг замер, и я восхищённо покосилась на его напряжённые бицепсы, а институр медленно развернулся, и взгляд его неприятно царапнул меня.

– Некромаг?! – грозно уточнил он. – Так это был не просто оживший мертвец, а сам некромаг? – Руки его опустились, и меч со скрежетом царапнул мрамор ближайшей плиты: – И как же я сразу не распознал?

Я, опираясь на крест, поднялась и, невольно морщась от боли в колене, полюбопытствовала:

– А его можно распознать? По каким признакам?

Генрих посмотрел на меня так, что я съёжилась:

– А ты молчи, ведьма! Это надо же придумать – целоваться с некромагом! Ты вообще понимаешь, что чудом жива осталась?

Я попыталась улыбнуться, но губы мои задрожали:

– Но ты же меня спас!

– И пожалею об этом ещё не раз, – недовольно буркнул Генрих.

– А теперь нам надо спасти Забаву, – пропустив мимо ушей его ворчание, настойчиво проговорила я. – Ты же институр! Знаешь, как снимать магическую защиту?

– Разумеется, – мрачно хмыкнул Генрих. Он хитро покосился на меня и добавил: – Но дело это небыстрое. Пока я работаю – развлекай меня!

– В смысле? – насторожилась я.

– Рассказывай всё, без утайки! – крутанув меч, рявкнул Генрих. Он вонзил клинок в землю и достал из кармана небольшой круглый предмет, похожий на компас. Я приблизилась и с интересом заглянула за плечо институра, рассматривая множество дрожащих стрелочек, а Генрих недовольно покосился на меня: – Зачем рванула в Тремдиш, как столкнулась с некромагом и во что вляпалась Забава.

– Помнишь ту ведьму, которой ты чуть шею не свернул? – начала я, наблюдая, как институр, сверяясь с магическим компасом, медленно поворачивает клинок в земле.

– Угу, – отозвался Генрих. – До сих пор жалею, что не

свернул…

Я нервно усмехнулась:

– А уж как я жалею!

Генрих исподлобья глянул на меня:

– А что случилось с ведьминской солидарностью?

– Когда попадаешься в ловушку, она как-то быстро улетучивается, – недовольно буркнула я. – А эта девчонка и Забаву подставила, и меня. Опоила чем-то так, что я умудрилась попасть на это кладбище прямо из её жуткого поросячьего дома! Хвала небу, что не ногами вперёд. За кошкой побежала… у меня даже мелькнула сумасшедшая мысль, что это Данья и есть… Ты случаем не знаешь, могут ли ведьмы превращаться в кошек?

– Случаем, знаю, – усмехнулся Генрих, нажимая на рукоять: по воздуху, словно по водной глади, пробежалась рябь, сияющая всеми оттенками от сиреневого до фиолетового. – Ведьмы не могут… – Я, заметив алую прорезь в волнующемся магическом поле, восхищённо присвистнула: вот это спецэффекты! Генрих с силой провернул клинок в земле, раздался громкий хлопок, и на землю посыпались зеленоватые искры. Институтор вытащил меч и с напряжённой улыбкой повернулся ко мне: – А вот зверуны могут. И в кошек превращаться, и даже ведьмой притвориться.

По спине моей пробежались мурашки, а память услужливо подсказала слова некромага о том, что на зверунов не действует «последнее дыхание», или как там называются эти жуткие цветочки…

Генрих тем временем медленно продвигался вдоль магической стены, а острие его меча чертило в земле линию от того места, где прямо в воздухе мерцала алая трещина. В разные стороны, словно от неисправного электроприбора, сыпались ядовито-зелёные искры. Я поспешила за институтором:

– То есть, Данья и не ведьма вовсе? Она… этот, как его? Зверун? Некромаг тоже о них говорил…

Генрих замер на месте, словно нащупав что-то клинком. Он слегка повернулся в мою сторону, и на лице институтора я заметила недовольную гримасу.

– И что же он говорил?

Я пожала плечами:

– Что их почти не осталось.

– Жаль, что почти, – крякнул Генрих и, с силой вгоняя меч в землю, добавил: – Комитет считал, что стёр этих тварей с лица земли!

Он ещё сильнее надавил на рукоять, и по фиолетовой ряби магического поля прокатилась целая волна зеленоватых искр, а алая прорезь расползалась, словно дыра на натянутой ткани,

даже показалось, что я слышу треск рвущихся нитей. Когда «дыра» достигла земли, снова что-то щёлкнуло, и алый свет померк, но остатки поля справа и слева от нас продолжали отсвечивать фиолетовым, да ронять на землю снопы искр. Инститор резким движением вытащил меч и схватил меня за руку:

– Идём!

Я послушно потопала за Генрихом, невольно прижимаясь к нему, чтобы клочья магического поля не задели меня. Не знаю, что произошло бы, коснись я колыхающейся фиолетовой полупрозрачности, но испытывать это на себе абсолютно не хотелось! Шагая рядом с охотником, я покосилась на него и осторожно спросила:

– А ты? – Генрих, сдёрнув повязку к шее, повернулся ко мне: левая бровь его чуть приподнялась, и я продолжила ещё тише: – Если честно… Зачем ты приехал в Тремдиш?

Голос задрожал, сердце в страхе замерло. Так хотелось услышать, что он отправился сюда, чтобы помочь мне! Но, зная инститора, я могла и не рассчитывать на подобный ответ.

– Я уже говорил, что по делам Комитета, – сухо ответил он, и в груди моей разлился холод разочарования. Да, я знала, что Генрих ответит что-то подобное, но всё равно надеялась на другие слова. А инститор нетерпеливо добавил: – Так что дальше? Ты последовала за кошкой и оказалась в этом месте…

– Да, – я кивнула, при воспоминании о жуткой встрече пальцы мои судорожно впились в локоть Генриха. – Некромаг уже ждал меня. Он засунул русалку в колодец и угрожал её жизнью, чтобы я… – Я покосилась на напряжённый профиль инститора и, ощущая, как ожгло щёки, порадовалась, что на лице повязка: – Чтобы я стала его невестой. А для этого нужно было поцеловать его…

К моему удивлению, за моим признанием не последовало ни упрёков, ни обвинений.

– Угу, – коротко кивнул Генрих. Не глядя на меня, он сухо добавил: – То есть, ты теперь невеста некромага.

Дыхание перехватило, грудь резанула острая боль так, что выступили слёзы на глазах. Лучше бы отругал меня, упрекнул. Холодная реакция Генриха практически лишила меня сил, и я, уронив руки, уселась на ближайшую могилу.

– А что я могла? – тихо проговорила я, и слёзы покатились ещё быстрее. Повязка неприятно намокла, я рывком сдёрнула её. – Я лишь тянула время, надеясь, что ты спасёшь меня. На некромага не действует моя сила! Кажется, он даже питается ею. Данья уверяла, что это она седьмая жертва, но, оказалось,

последний гроб был предназначен для меня…

Генрих нетерпеливо потянул меня за плечо:

– Мара, не время раскисать! Сама же говорила, что Забава в опасности. Где этот чёртов колодец?

Я растерянно огляделась и махнула рукой:

– Там… Да вон он, уже виден! Похож на склеп, обвитый виноградом…

Генрих отпустил мою руку и бегом направился в сторону колодца, а я лишь слабо покачнулась. Генрих прав, что холоден со мной. После того, что учудила, сама себя не простила бы. Но, с другой стороны, я не подписывала никаких бумаг, да и свидетелей нашей помолвки с Севиром нет. Это не кафе «Согласна!», и не магический обряд соединения сердец… Подумаешь, поцеловала! Когда-то волколака целовала, и ничего…

Силы вернулись, и я решительно поднялась. Просто всё забыть! Буду хорошей ведьмой, и рано или поздно Генрих простит. Забудем неприятный случай в Тремдише, как противный сон. Девушек нашла, некромаг сбежал! Даже если Данья действительно окажется зверуном и не заплатит больше ни рубля, всё равно я в выигрыше. К тому же, можно потребовать дополнительную оплату с освобождённых девиц. Интересно, во сколько ведьмы оценят свою свободу? Даже если взять по десять тысяч с носа, уже будет очень даже неплохо…

С этими приятными мыслями я приблизилась к колодцу, как сердце замерло, а тело покрыл холодный пот при виде сверкнувшего синим меча инститора. Миг, и клинок вонзится в грудь ожившего мертвеца, в руках которого белело тело бесчувственной русалки.

– Нет! – заорала я и что есть мочи, бросилась к Генриху: – Не убивай Жору! – Инститор замер на миг, а потом медленно опустил руки. Я, тяжело дыша, подбежала к нему и повисла на локте охотника. – Иначе Лежик умрёт!

Лицо Генриха удивлённо вытянулось. Мазнув по неподвижному телу мертвяка недоверчивым взглядом, инститор протянул:

– Это Лежик? Неужели, некромаг инкуба обратил… в нежить? Ты сама видела? Лично я с таким ещё не сталкивался… – Иронично покачал головой: – Боюсь, с этого момента быть Лежке холостяком! Все жёны вмиг разбегутся от такого чудовища.

Я отмахнулась:

– Да нет же! Это Жора, обычный оживший мертвец…

Генрих нахмурился и приподнял меч:

– Тогда сжечь!

– Ты опять за старое? – взвизгнула я и снова повиснула на его

локте. – Чуть что, сразу жечь! – Когда Генрих зарычал, торопливо добавила: – Некромаг создал связь между ним и Лежиком! Всё, что достаётся нежити, получает и инкуб! Маг уже проткнул Жору своим кинжалом, и мой брат сейчас истекает кровью в номере гостиницы…

Генрих нехотя отступил.

– Это тебе твой женишок сказал? – с сомнением спросил он, и я невольно скривилась от тона, каким он произнёс слово «женишок». А инситор назидательно добавил: – Словам некромага верить нельзя.

Я махнула рукой на тёмный дом:

– Но это правда! Я видела рану брата… В нашем номере есть камера, а сигнал идёт на ноутбук некромага. А, заметив пустой спальник, поняла, что ты спешишь ко мне на помощь. – Жалобно посмотрела на Генриха и виновато добавила: – Вот и тянула время, целуясь с этим мерзким типом…

– Мара, – резко перебил меня Генрих, и я невольно сжалась под его холодным взглядом. – Если Лежик пострадал, то тебе не стоило терять время, пытаясь соблазнить меня на кладбище! Забирай этих, – он кивнул на нежить и Забаву, – и немедленно отправляйся в гостиницу! А я здесь закончу…

Он крутанул меч и решительно направился в сторону домика, но я судорожно вцепилась в его кожаную безрукавку:

– Нет!

От догадки, что инситор приехал в Тремдиш как раз по душам шести невест некромага, мне стало дурно. Срочное дело Комитета? Сожжёт ведь и не поморщится! И плакали мои уже подсчитанные денежки… не говоря уже о том, что тремдишевские ведьмы закончат своё существование.

Генрих обернулся и вопросительно посмотрел на меня:

– Что с тобой? – иронично скривился он. – Волнуешься за меня или переживаешь, что я найду и прикончу твоего очередного жениха? Некромаг, в отличие от меня, сразу понял, с кем имеет дело, вот и убрался подобру-поздорову… Скорее всего, он уже очень далеко, так что не переживай!

– Вот ещё! – я отдёрнула руки и с деланным равнодушием пожала плечами: – Я просто не знаю, куда идти.

– Вон туда! – Генрих коротко махнул рукой. – Там ворота и широкая дорога. Прикажи этому пугалу следовать за тобой, он донесёт русалку. И через полчаса будете в Тремдише…

– Одна?! – перебила я, снова хватая руку инситора. – То есть, с русалкой в обмороке и в компании с живым трупом? Боюсь, я снова попаду в неприятности. Тебе же потом меня спасать!

Генрих поднял глаза к небу и тяжело вздохнул. Затем

жалостливо посмотрел на меня и погладил по голове:

– Ну что за ведьма? Как за зверуном прыгать в магический тоннель, который ведёт на кладбище, так мы не боимся, а как по нормальной дороге пройтись, так поджилки трясутся?

– Ты же знаешь мои способности… Я же заблужусь, и брат погибнет от потери крови! – артистично простонала я и, умоляюще сложив руки, попросила: – Не оставляй меня!

Генрих вздохнул и, вытащив сотовый, проворчал:

– Никогда не слушается! – набрал номер и прижал трубку к уху: – Это Генрих… Да, постоялец из Комитета. Извините, что разбудил, но моему другу срочно требуется медицинская помощь… Да, на него напали в номере, и он истекает кровью… Нет! Я сам преследую преступника. Спасибо! – Он сунул сотовый в карман и, шагнув к неподвижной фигуре нежити, внимательно осмотрел Жору. – Надо разорвать связь. Чтобы провернуть подобный фокус, некромаг должен использовать кусочек твоего брата…

У меня волосы на голове шевельнулись:

– Кусочек?!

Генрих саркастично фыркнул и продолжил:

– Не кусок плоти, разумеется! Ноготь, волос, каплю крови… – Он осторожно высвободил бесчувственную Забаву из рук Жоры и аккуратно положил русалку на землю. – Но это должно быть помещено в какой-то сосуд. Обыщи его! Кулон, кольцо, или что-то в этом роде…

Я покосилась на нежить и гадливо поморщилась: обыскивать это чудовище не хотелось. Я до сих пор содрогалась при воспоминании о первом нечаянном прикосновении к его ледяной коже. Тогда Севир приказал Жоре подняться… Невольно вздрогнула, а Генрих вопросительно посмотрел на меня снизу вверх.

– Некромаг руководил нежитью с помощью своего кинжала, – послушно ответила я на его невысказанный вопрос. – Рукоять светилась ярко-алым цветом… Словно веяло смертью!

– Как поэтично, – хмыкнул Генрих и, обхватив запястье русалки, покачал головой: – Это некромаг, Мара. От них ничем иным не веет. Не отвлекайся! Раз не хочешь возвращаться в Тремдиш, то помоги мне разорвать связь, чтобы твой брат больше не пострадал. А я пока постараюсь привести Забаву в чувство.

Я нехотя, бочком, приблизилась к Жоре и, зажмурившись, протянула руки, ощущая кончиками пальцев жёсткие хлопья одежды и вялую холодность трупа. Сглотнув, постаралась отогнать дурноту, и быстро провела ладонями по груди Жоры. Ощутив резкую колющую боль, вскрикнула и отдёрнула руки,

подула на палец, по которому быстро стекала багровая капля крови.

– Что там? – не оборачиваясь, сердито спросил Генрих.

Я посмотрела на его спину и протянула руку, обиженно демонстрируя порез:

– Я укололась!

Институр положил ладони Забаве на виски и мягко помассировал неизвестные мне точки, русалка застонала, лицо её скривилось от боли, глаза распахнулись. Заметив огромные, почти скрывающие радужку, зрачки подруги, я невольно отступила. Наткнулась на неподвижного, как скала, Жору, и наступила нежити на ногу. Тот, разумеется, не отреагировал, а вот я взвыла от неожиданной боли в собственной ноге…

– Что там ещё? – недовольно рявкнул Генрих, осторожно опуская голову русалки на плиту. – Опять укололась? Это вроде труп человека, а не ежа…

– Генрих! – ахнула я, потирая ноющую стопу. – Я наступила Жоре на ногу, но почему-то ощутила, что кто-то оттоптал ноги мне! – Институр положил руки Забаве на грудь, и я мгновенно забыла о ноющей ноге. – Ты что это делаешь?!

Генрих не удостоил меня даже взглядом, а я тревожно наблюдала, как институр массирует точки на грудине русалки. А когда он провёл ладонями по её небольшим острым грудям, мне захотелось помассировать институру мозг чем-нибудь тяжёлым.

– Привожу русалку в чувство, – флегматично отозвался Генрих. Затем хитро покосился на меня и подмигнул: – Ревнуешь?

– Ещё чего! – гордо выпрямилась я. А потом покрутила окровавленным пальцем перед его носом: – Я, между прочим, тоже пострадала! Вот порезалась и нога болит! Меня когда лечить будешь?

– Вставай в очередь, – подозрительно довольным тоном прошептала Забава.

Я зло скрипнула зубами и пробормотала:

– Надо бы тебя вернуть в колодец… остудить немного! – Когда руки Генриха опустились на талию Забавы, я не выдержала и потянула институра за шиворот: – Да она давно уже в порядке, не видишь что ли? Лежит, притворяется умирающей, а сама тащится от твоего массажа!

Генрих раздражённо передёрнул плечами:

– Мара, не мешай! От того, насколько правильно я завершу цикл, зависит, сможет ли Забава идти на своих двоих, или придётся её тащить. Предупреждаю сразу: я её нести не буду! – Я снова услышала скрип собственных зубов, а Генрих тихо рассмеялся и едко добавил: – Я всё жду, когда же ты догадаешься.

Но похоже, зря надеюсь на чудо…

Ладони инститора скользнули по стройным бёдрам русалки, и я услышала, как Забава тихонечко застонала, но, заметив мой взгляд, поперхнулась и закашлялась. А я, не в силах больше терпеть это издевательство, досадливо развернулась, зло двинула Жору кулаком в живот и тут же согнулась от резкой боли в желудке.

– Ай! – просипела я. – Кажется, у меня проблемы… То ли язва, то ли аппендицит. Генрих, помоги! Я умираю…

Институтор тихо выругался и, наградив меня уничтожающим взглядом исподлобья, резко поднялся.

– Один поцелуй некромага лишил тебя остатков разума? – сжимая кулаки, прорычал он.

Я испуганно отшатнулась, Забава настороженно замерла: глаза её заинтересованно расширились, рот приоткрылся в предвкушении интересной истории об отношениях ведьмы, некромага и инститора…

– Думаешь, я прибедняюсь, чтобы отвлечь тебя от русалки? – обиженно спросила я. – Мне действительно плохо!

– Верю! – неожиданно рассмеялся Генрих и, широко замахнувшись, звучно хлопнул Жору по мягкому месту. Я взвыла и прижала руки к горящим ягодицам, а институтор хитро усмехнулся: – Ну что, мозги включились?

Я перевела взгляд на нежить и зло прошипела:

– Теперь и я с ним связана?! Но как это произошло? – Посмотрела на окровавленный палец и ахнула, а Генрих возвёл руки к небу в благодарственном жесте. Я простонала: – Вот оно что!

Яростно рванула тряпьё на груди нежити и грозно уставилась на деревянный кулон, похожий на миниатюрное веретено, – светлое дерево местами потемнело от крови, – на конце которого сверкала острая игла. Генрих подошёл к нежити, аккуратно отодвинул меня и, сорвав с Жоры кулон, внимательно осмотрел его. Я же ошарашенно наблюдала, как нежить медленно оседает на землю, разваливаясь прямо на глазах. Через несколько секунд передо мной осталась лишь куча костей и полуистлевшего тряпья.

– Применяли не раз, – пробормотал институтор, покручивая в пальцах кулон. – Даже можно использовать, как улику против некромага. – Генрих посмотрел на меня и нехорошо улыбнулся: – Через пару дней за твоим женихом будет охотиться пол-Крамора!

Забава подпрыгнула на плите:

– Что? Жениха?! Мара, так ты снова обручилась?

Я зарычала и бросила на ухмыляющегося Генриха такой взгляд, что даже удивилась, что институтор не задымился. Впрочем,

жечь – это его конёк. А мой… Кстати, а почему бы и не попробовать? Столько проблем сразу исчезнет! Я нежно покосилась на охотника и, приблизившись вплотную, томно проговорила:

– Ой, у тебя к волосам что-то прицепилось… дай, уберу!

И, протянув руку, резко прижала ладонь к его глазам, с силой втягивая воспоминания. Но, разумеется, ничего не произошло, и я неохотно отняла руку от лица Генриха. Тот приподнял брови и понимающе ухмыльнулся, а я лишь тихо буркнула:

– Не прокатило… – Чтобы избежать насмешливого взгляда инстигора, я опустилась на корточки и, помогая русалке подняться, вздохнула: – Ладно, давайте убираться отсюда…

– А как же девушки? – торопливо уточнила Забава.

Я, испуганно прижав ладонь к её рту, бросила тревожный взгляд на Генриха.

– Девушка? – громко переспросила я. – Ты о Данье? Генрих сказал, что она и не ведьма вовсе, а этот… как его? Зверун!

– Это лишь подозрение, – неохотно подал голос Генрих.

Он внимательно посмотрел в сторону дома, и сердце забилось чаще: вдруг, он решит всё же обыскать его, да обнаружит гробы и очарованных ведьм? Я многозначительно посмотрела на русалку и прижала палец к своим губам, Забава едва заметно кивнула. Если мои подозрения верны, охотник попытается сжечь девушек, и я ничем не смогу им помочь. Моя сила лишь убьёт ведьм быстрее… и болезненнее. По спине прокатился холодок: чёрный камень гробов защищает их и от инстигора, и от меня. Пусть пока всё так и остаётся, а завтра я придумаю, как тихонечко вызволить несчастных. Сейчас же нужно отвлечь Генриха и увести его подальше от «невест». Я умоляюще посмотрела на инстигора и попросила:

– Позвони в гостиницу! – Голос мой подрагивал. – Как там Лежка?

– А что с ним? – взволнованно уточнила Забава. Опираясь на моё плечо, она тревожно посмотрела на Генриха: – Некромаг уже и до него добрался?

Инстигор промолчал. Он выудил из кармана телефон и, дожидаясь ответа, прижал к уху.

– Некромаг ранил брата через это, – я гадливо скривилась и кивнула на гору костей, некогда составляющих тело Жоры. Забава с ужасом покосилась на останки нежити, а я тихо спросила: – А ты как здесь оказалась? Тоже пошла за кошкой?

– За кошкой? – удивлённо переспросила русалка и помотала головой: – Не видела никаких кошек. Кажется, я задремала на том роскошном дереве, что растёт в саду Даньи, а проснулась уже на

кладбище. Это чудище, – она снова покосилась на гору костей, – тащило меня!..

– А некромаг? – нетерпеливо перебила я подругу. – Ты видела его? – Забава отрицательно покачала головой, а я прижалась губами к самому уху подруги и едва слышно прошептала: – А откуда ты знаешь про девушек?

Русалка посмотрела на меня: глаза её стали почти круглыми, а лицо побелело.

– Я слышала их крики, – деревянным голосом проговорила она, и по спине моей поползли мурашки. – Они молили о смерти…

– Лежик в порядке. – От голоса Генриха я, едва сдержав крик, нервно подпрыгнула на месте, а Забава закрыла рот так поспешно, что у неё клацнули зубы. Институтор внимательно посмотрел на наши испуганные лица и ухмыльнулся: – Что, это плохая новость? Хотели под шумок избавиться от излишне затратного инкуба?

Я смотрела на институтора, сомнение грызло душу: вдруг Комитет прислал Генриха спасти этих несчастных? Может, рассказать? Но почему тогда Генрих не знал о некромаге? Нет! Лучше промолчать. Я не могу рисковать шестью оставшимися потомками тремдишевских ведьм.

– Раскусил тебя? – ехидно улыбнулся Генрих. – А ещё минуту назад изображала заботливую сестру… Кстати, это не единственная неприятная новость. Данья сейчас в номере инкуба, и врач сказал мне, что девушка при смерти. Если хочешь узнать правду о работодателе зверуна, то стоит поспешить.

Поддерживая Забаву, я последовала за Генрихом и, недоверчиво поглядывая на его широкую спину, мучилась сомнениями.

– Кстати, – решилась спросить я. – А как ты нашёл меня? Как узнал, что я на этом кладбище?

– Я не знал, – не оборачиваясь, ответил Генрих. – Я шёл по следу нежити. Если хочешь, потом покажу, как это делается.

– Договорились! – я постаралась придать своему голосу как можно больше энтузиазма.

До этого «урока» нужно успеть решить проблему с «невестами».

Глава 5. Ядовитый поцелуй

За окном алела полоса рассвета, а в гостиничном номере царил полумрак. Ноги холодил сквозняк, зубы стучали, по телу то и дело пробегали мурашки. Но не от утренней свежести, а от страха за Данью. Сейчас, когда происшествие на кладбище осталось в прошлом, все мои выводы по поводу ведьмы казались надуманными, а подозрения инситора – недостаточно убедительными.

Я нехотя покосилась на Генриха: тот склонился над неподвижным телом Даньи, в руках охотника мерцал полупрозрачный предмет, на лице не было и тени сочувствия. Загадочный прибор тихо потрескивал, как сломанный транзистор, Генрих медленно проводил им вдоль тела ведьмы.

Данья смотрела перед собой, но, казалось, ничего не видела. Щёки её поражали синюшной бледностью, а вокруг глаз виднелась алая паутина кровеносных сосудов. Грудь девушки резко вздымалась, и я каждый раз морщилась от протяжного стона, который при этом раздавался. Создавалось ощущение, что дышать ведьме было нестерпимо больно. Что же с ней произошло?

Врач, которого мы по возвращению с кладбища застали в номере, рассказал, что девушку он нашёл на полу рядом с кроватью, на которой истекал кровью мой брат. Оба были без сознания, но на теле Даньи порезов обнаружено не было. Причины её плачевного физического состояния доктор так и не смог определить. В конце концов, он предположил, что девушка пострадала от магии, и поспешно удалился. Я вспомнила пустой дом ведьмы и ощутила, как чувство вины ворочается в моей груди, словно колючий ёжик. Может, на неё напал Севир? А я поспешила обвинить ведьму во всём, что со мной произошло…

Сглотнув ком в горле, я отвернулась и медленно подошла к Лежику. Брат устроился в кресле, забравшись в него с ногами. Халат его распахнулся, и я недовольно скривилась при виде белоснежной повязки на груди.

– Больно? – Осторожно прикоснулась к плечу Лежика. Он вздрогнул и, с трудом оторвав взгляд от кровати, тоскливо посмотрел на меня. Когда он едва заметно покачнул головой, я провела пальцами по чёрным волосам брата и сочувственно спросила: – У тебя, наверное, мозги расплавились! Рана, которая появилась ниоткуда… Я бы с ума сошла! Как ты продержался?

– Никак, – мягко усмехнулся Лежик. Брат накрыл мою ладонь своей и иронично добавил: – Я проснулся от боли, Мара, увидел

кровь и решил, что на меня напали во сне. Так что моему сознанию ничего не угрожало… то того момента, как ты ввалилась в номер. А вот после твоего рассказа о некромаге и нежити с каплей моей крови, мне здорово поплохело! Честно говоря, мне очень хочется оторвать твою голову за то, что сунулась туда одна, но тебе и без меня досталось…

– А тебе не без меня, – перебила его, но улыбка моя тут же растаяла, и я встрепенулась: – Погоди! Как это – проснулся от боли и увидел кровь?

– Представь себе! – хмыкнул Лежик. – Если проткнуть человека, то появляется боль и кровь…

– Разумеется, – отмахнулась я и, схватив брата за руки, заглянула ему в глаза: – Я же рассказала, что била нежить дубиной! Ты должен был проснуться от боли раньше, чем получил рану от кинжала. От моих ударов!

– Извини, – фыркнул Лежик, осторожно высвобождая холёные кисти рук из моей хватки. – Видимо, я оказался излишне толстокожим. Или пьяным. Или била ты слабенько…

– Да ни фига не слабенько! – возмущённо воскликнула я. – Со всей силы дубасила! Не веришь, могу повторить…

– Мара! – испуганно отшатнулся Лежик. – Нельзя так обращаться с раненым братом! Меня надо любить и лечить. А ещё лучше – доставить домой, а уж там обо мне позаботятся…

– Твоя сотня любвеобильных жён, – саркастично фыркнула я. И уныло добавила: – Странно всё это… Тот синеглазый гад утверждал, что ты ощущаешь всё, что достаётся Жоре…

– Это кто там синеглазый? – громко спросил Генрих, и я невольно вздрогнула от недовольства в его голосе: – Ты не говорила, что на кладбище был ещё кто-то… Кто он, Мара? Нежить или человек? Может, сторож?

Я виновато улыбнулась и, ковыряя носком туфли край коврика, пробурчала:

– Так я говорю о некромаге, который меня… которого я…

Дверь распахнулась, и в номер влетела взволнованная русалка.

– С которым ты целовалась, да? – воодушевлённо спросила она.

– Подслушивала? – Я поморщилась, словно от зубной боли.

– Разумеется! – с раздражающим энтузиазмом пропела Забава и, подскочив к кровати, поставила на тумбочку таз, в котором хлюпала вода. Русалка резко развернулась ко мне, и лицо её осветилось широкой улыбкой: – Так у некромага синие глаза? Красивый, наверное…

Я покосилась на хмурые брови Генриха и промямлила:

– Ну это… не особо… так себе… ну, может и да…

Инситор выпрямился и, резким движением засунув полупрозрачный прибор в чёрный кожаный чехол, быстрыми шагами направился ко мне. Я невольно отступила но, запнувшись за край ковра, который только что загибала носком туфли, потеряла равновесие и неловко замахала руками. Генрих подхватил меня, и я, уткнувшись носом в мягкую ткань рваного лонгслива, вдохнула терпкий аромат тела инситора, мгновенно забыла о неловкости… Как и обо всех, кто находился в номере. Прошептала:

– Ты в тысячу раз лучше!

Перед собой я видела лишь суровые черты инситора, взгляд невольно скользнул по его красиво-очерченным губам, дыхание перехватило, сердце отчаянно заколотилось. Ощущая тёплые ладони на талии, задрожала всем телом и, привстав на носочки, потянулась к Генриху, но тот холодно отстранился.

– Мара! – Я вздрогнула и недовольно покосилась на хихикающую Забаву. Та подмигнула: – Не увиливай от ответа! Некромаг красавчик или нет?

Избегая смотреть в изумрудные глаза Генриха, который не отрывал от меня пристального взгляда так, словно тоже хотел узнать ответ, я опустила голову и пробормотала:

– Не думаю.

– Но ты целовала его! – обвинила меня Забава.

– Так это всё проклятые цветы! – возмутилась я. – До сих пор будоражат меня. На кладбище мне показалось, что некромаг… ничего так… а глаза его синие… так вообще невероятные!

Я явственно услышала скрип зубов инситора. Инкуб вздохнул и, прижав ладонь ко лбу, тихо проговорил:

– Вот не может она промолчать, когда надо!

Генрих, удерживая меня одной рукой за талию, положил вторую на мою шею, и я нервно вдохнула, ожидая, что охотник из ревности придушит ведьму, но инситор большим пальцем приподнял мой подбородок, и наши взгляды снова встретились. К моему удивлению, на лице его не было и тени злости.

– Мара, – обеспокоенно проговорил он, и я удивлённо сощурилась: – Ну-ка, опиши мне этого мага. Каким ты его видела? Только как можно конкретнее. Черты, одежда, жесты. Всё!

Растерянно покосилась на брата, но тот тоже не отрывал от Генриха удивлённого взгляда. Русалка заинтересованно подошла ближе, и я высвободилась из объятий инситора: уж очень отвлекали его обнажённые бицепсы. Не хотелось думать о другом мужчине, когда желанный находился в такой близости…

– Ну, – протянула я, невольно сравнивая Севира с Генрихом, –

он немного ниже тебя. Такой же стройный и широкоплечий. Лицо удлинённое, тёмные волосы, очень яркие синие глаза… Движения плавные, воздушные… как бы описать? Ты похож на хищника на охоте: движения резкие, рваные… А, – я хотела произнести имя Севира, но словно подавилась им и закашлялась. Потом хрипло продолжила: – Этот… некромаг – словно сытый зверь. Двигается мягко, но в его присутствии явно не стоит расслабляться…

– Вот именно! Не стоило расслабляться! – с нажимом проговорил Генрих, и я невольно покраснела. Всё же он сердится на меня за тот поцелуй, даже отстранился минуту назад так, словно брезговал коснуться моих губ. – Значит, это то, что видела ты.

– В смысле: что видела я? – растерянно спросила я.

– А ты видел что-то другое? – Лежик с интересом посмотрел на Генриха, и тот саркастично усмехнулся.

– Представляешь? – Повернулся он к инкубу. – Врываюсь я на кладбище, а твоя сумасшедшая сестричка целуется с нежитью! У того с лица свисают куски гниющей кожи, а сквозь полуистлевшую одежду просвечивает плоть… Меня едва не вырвало! – Он перевёл на меня ироничный взгляд и вдруг подмигнул: – Кстати, Жора выглядел примерно так же, как твой синеглазый поклонник.

Я ахнула и, прижав руки к губам, отшатнулась: живот скрутило, перед глазами поплыли разноцветные круги.

– Так это было внушение? – деловито уточнила Забава. Русалка подошла ко мне и с сочувствием обняла мои плечи: – Или магия? То есть, некромагия. Ты рассказывала про волшебные цветы. С их помощью можно стать настолько привлекательным в глазах окружающих? Как там они называются?..

– Последний вдох, – гадливо скривился Генрих. – Жуткая дрянь! Обычный человек может запросто скопытиться, если вдохнёт их аромат. Причём, умрёт не сразу, а после нескольких часов кошмарных видений…

– Да? – заинтересовался Лежик и многозначительно покосился на меня: – Тогда странно, что цветочки не назвали в честь моей сестры. Подобная магия в её стиле… Последний вдох Мары! Как звучит!

– Не заткнёшься, – борясь с тошнотой, проворчала я, – устрою тебе последний выдох прямо сейчас!

– Он же отвлекает тебя, – укоризненно посмотрела на меня Забава. – Ну поцеловалась с трупом… Не переживай! С каждым может быть. Это случилось не по твоей вине, не думай об этом!

– Легко сказать! – проговорила я и снова содрогнулась, представив, как выглядела со стороны во время поцелуя на

кладбище. – А я ещё удивилась, как Генрих не признал в нём некромага. Решил, что это нежить… Вот же гад! Притворился красавчиком.

– Урок для ведьмы, – хмыкнул Генрих. – В следующий раз думай перед тем, как лезть к кому-то с поцелуями.

Я съёжилась ещё сильнее, горло сжал спазм, глаза защипало. Хлюпнув носом, уткнулась русалке в плечо. Забава посмотрела на инститора и покачала головой.

– Ты тоже виноват! – обвинила она.

– А я-то тут при чём? – приподнял тот брови. – Я её не заставлял.

– Отдайся ты невесте, не бросалась бы Мара на других мужиков, – громко сказала русалка. Ощутив, как жаром охватило лицо, я дёрнула Забаву за прядь волос. – Ай! Мара, ты же сама…

– Тихо, – прошипела я и, не в силах остановиться, рявкнула: – Забыла? Он не жених мне больше!

Русалка обиженно отошла к кровати, на которой тихо постанывала Данья. Мне стало неловко, что я сорвалась на подруге.

– Правда твоя! – поддакнул Генрих. – Мара теперь невеста некромага. – Институтор усмехнулся и, не отрывая от меня пристального взгляда, добавил: – Красавчика-некромага… Кстати, поздравляю с новой игрушкой! Не забывай ремонтировать его, а то развалится ещё до брачной ночи.

Ладони вспотели, плечи напряглись. Я едва сдерживалась, чтобы не наброситься на инститора и не выцарапать ему глаза, и в то же время стало горько и обидно. Зачем Генрих так со мной? Всего-то один поцелуй, и то для дела, а не для удовольствия. В комнате повисла неловкая пауза. Институтор сложил руки на груди и насмешливо наблюдал за мной, брат внимательно изучал свои ладони, а русалка склонилась над полуживой ведьмой.

– Всё ещё без сознания, – рассеяно произнесла Забава. Она оглянулась на Генриха и громко спросила: – Когда ей станет лучше?

– А я знаю? – безразлично пожал тот плечами.

– Ты же её лечил! – будто обвинила Забава.

– Вот ещё! – фыркнул Генрих. – Институторы убивают тварей, а не исцеляют их. Хватит с меня на сегодня и одного унижения.

– А что тогда ты делал? – проигнорировав издёвку, полюбопытствовала русалка. – И что за штука, которой ты водил над ведьмой?

– Пытался определить, человек она или зверун, – раздражённо буркнул институтор, и на вопросительный взгляд Забавы нехотя ответил: – Не удалось. Прибор, увы, несовершенен.

А жаль! Мне бы хотелось получить парочку ответов перед тем, как я её сожгу…

– Что?! – подскочила я, обида и неловкость вмиг рассеялись. Быстро подошла к кровати: – Не позволю!

– Мара, – серьёзно проговорил Генрих, – ты же сама говорила, что зверун завёл тебя в ловушку! Данья опоила тебя и провела по магическому коридору прямиком в лапы нежити…

– Да, я побежала за кошкой, – кивнула я. – Но она мне не представилась! Может, это и не Данья вовсе? Посмотри на неё! Она едва жива, и даже доктор признал магическое воздействие! А может, она защищала Забаву от нежити? Но пострадала и пришла в гостиницу за помощью…

– Не время спорить! – перебил меня инситор. – Зверуны очень опасны, и по закону Комитета подлежат немедленному уничтожению.

Я расставила руки, загораживая бесчувственную ведьму:

– Но ты же не уверен, что Данья – зверун!

Плечи Генриха заметно приподнялись, глаза сощурились.

– В данном случае достаточно и подозрения, – холодно проговорил он.

– Вот как? – протянула я и, вперив руки в бока, процедила: – Тогда грош цена такому закону! Как и самому Комитету.

Забава ахнула, и я обернулась: Данья пришла в себя. Она смотрела на меня, и глаза ведьмы были полны мольбы.

– Спаси… не дай сжечь меня! Я же простая ведьма, а никакой не зверун.

Руки её задрожали, а кожа лица, казалось, приобрела сероватый оттенок. Я торжествующе посмотрела на инситора.

– Ты слышал? Как главный комитетчик, будь справедлив!

Генрих хищно усмехнулся и плавно, словно подкрадывающийся хищник, шагнул ко мне.

– Справедлив? – прошипел он. – Так ведьма требует суда?

– Ведьма требует доказательств! – безапелляционно заявила я. – И если они не будут железными, ты извинишься и перед Даньей, и передо мной!

– С чего это? – вскинулся инситор.

– А чуется мне, что Комитет долгие годы сжигал ведьм без суда не потому, что они опасны, – проговорила я, – а только чтобы не тратить время и силы на отделение зёрен от плевел… То есть, ведьм от разных тварей, прячущихся под чужой личиной. Не потому ли придумали все эти лицензии? Инситоры предоставляли ведьмам весьма неприятный выбор: или полный контроль над их силой, или полное уничтожение! Что молчишь? Я угадала?

Генрих молча буравил меня недовольным взглядом.

– Это будет интересно, – подал голос Лежик, и я бросила на брата такой взгляд, что инкуб сжался в кресле и торопливо добавил: – Как институтор теперь будет выкручиваться…

Институтор вздохнул и тоже посмотрел на Лежика: инкуб побледнел и заёрзал в кресле. Судя по виду, ему очень хотелось бы раствориться в воздухе. Забава потянула меня за руку:

– Мара, не слишком ли глобально? Ты же сама с самого начала не доверяла Данье…

Я резко развернулась и прошипела:

– Да, не доверяла! Но, заметь, подозревать и жечь – вещи очень разные. Генрих же всегда был таким, помнишь? Сначала нападает, а потом спрашивает… если жертва ещё дышит…

– И поэтому сам жив до сих пор, – перебил институтор. Он махнул рукой и невесело расхохотался: – Ладно! Будь по-твоему, ведьма! Устроим суд. Тебе нужны железные доказательства?..

Я с подозрением проследила, как Генрих отступил к своему спальнику и, когда институтор подхватил свою объёмную сумку, понимающе хмыкнула:

– Только не говори, что решил повторить трюк с отрыванием голов!

– Только если ты мне поможешь, – тем же тоном отозвался Генрих. – Боюсь, без тебя у меня не получится настолько зрелищно! А вот если ты будешь сдерживать свою разрушительную силу, а руки держать при себе, то Данья сохранит голову на плечах… до казни.

Я снова ощутила на своей руке цепкие пальчики испуганной до смерти ведьмы.

– Мара, спаси меня, – прошептала Данья. – Я не хочу умирать!

Я присела рядом с кроватью и, обхватив холодные руки ведьмы, пристально всмотрелась в зелёные глаза Даньи.

– Ты же не зверун? Скажи честно! – Данья замотала головой. Допытываясь, я склонилась ещё ниже: – Расскажи всю правду! Быстрее, пока этот изверг не нацепил на тебя свой знаменитый чепчик.

Со стороны институтора загремело железо, я невольно вздрогнула, вспомнив, как катилась по полу оторванная голова старой ведьмы. Рядом возник Генрих, в руках его заблестел металлом железный колпак.

– Не надо! – слабо вскрикнула Данья. – Я всё расскажу! – Она приподнялась и затрясла мои руки: – Прости меня, Мара! Я очень виновата перед тобой… Но я так испугалась! Так испугалась…

Отпустив мои пальцы, она горько зарыдала, а я зло отпихнула замешкавшегося Генриха. Тот недовольно проворчал

что-то про глупость сентиментальных ведьм, но настаивать не стал. Я же присела на кровать и погладила Данью по рыжим волосам.

– Я не сержусь, – как можно мягче проговорила я. – Я понимаю, что ты заманила меня в Тремдиш для того, чтобы самой не стать невестой некромага…

– Умница! – восхищённо проговорил Генрих и, насмешливо посматривая на меня, покрутил в руке орудие пыток: – Придумай зверуну ещё парочку оправданий.

Данья снова схватила меня за руки, и глаза её, полные слёз, стали просто огромными.

– Он угрожал мне, – прошептала она и опасливо покосилась на инститора: – Я же очень слабая! Только зелья и умею варить. А некромагу нужна была сильная невеста, вот он и приказал привезти ему даймонию. Я-то в невесты не годилась…

– А для чего ему вообще нужна невеста? – полюбопытствовала я и снова попыталась произнесли имя Севира, но лишь закашлялась и прохрипела: – Он сообщил, что не намерен жениться…

– Этого я не знаю, – сжалась Данья. Глаза её снова влажно заблестели, а по щекам покатились крупные капли: – Прости… Я лишь пыталась выжить!

– А вот и первое доказательство! – сухо произнёс Генрих и, когда я оглянулась, холодно улыбнулся: – Всё, что нужно зверуну – выжить. Это его основной инстинкт.

– Этот инстинкт есть абсолютно у каждого живого существа, – возразила я. – Не ты ли несколько минут назад заявил, что до сих пор жив только потому, что без лишних вопросов сжигал подозреваемых?

– Прозвучало так, словно я делал это без оснований и для собственного удовольствия, – недовольно проворчал Генрих. – А если говорить о зверунах, их инстинкт выживания исключает любые помехи. У них нет ни ответственности, они не страдают сочувствием, и абсолютно не способны пожертвовать собой. Если зверун голоден, он без лишних сомнений отнимет у собственного ребёнка последний кусок хлеба… да и ребёнком закусит на десерт. Ты знаешь, что зверуны – единственные магические твари, которые поедают собственных детёнышей?

– Ужас какой! – содрогнулась Забава. – Как же они ещё сами не вымерли?

– Сильнейший инстинкт выживания, – мрачно повторил Генрих. – Детёныши сразу после рождения пытаются изменить внешний вид и как можно быстрее убежать от собственной матери. Да и размножаются зверуны быстрее кошек, потому-то

Комитет и старался извести опасных тварей…

– Кошка! – подскочила я и, хлопнув себя по лбу, повернулась к испуганной Данье: – Это же главный подозреваемый! Скажи, у тебя есть кошка? Рыжая такая, глаза зелёные. Она провела меня на кладбище по магическому коридору прямо из твоего дома.

– Нет, – бледными губами прошептала Данья. – У меня жуткая аллергия на кошек. – Генрих скептично хмыкнул, а Данья торопливо добавила: – Но я часто видела рыжую кошку в доме некромага!

– Ты часто бывала в доме некромага? – быстро уточнил Генрих, и взгляд Даньи заметался по комнате. – И зачем, позволь спросить?

– Зелья! – поспешно пискнула Данья. – Мне приходилось варить ему мази и крема! Маг очень заботился о своём внешнем виде…

– Правда? – заинтересовался Генрих. – Кстати, как он выглядит?

Данья растерянно моргнула и медленно ответила:

– Высокий, стройный… бледный очень. Глаза ярко-синие!

Генрих медленно повернулся ко мне, и губы его скривились.

– Мне очень неприятно это говорить, – с трудом произнёс он и, зло хлопнув ладонью по железному чепчику, завершил: – Но, кажется, твоя взяла!

Забава непонимающе переводила взгляд с меня на инститора, а я радостно подскочила и крикнула:

– Да! Я знала!

– Знала что? – нетерпеливо уточнил Лежик.

Я повернулась к брату и показала ему большой палец.

– Я знала, что Данья невиновна! Раз она видела то же, что и я, то она обычная ведьма.

Лежик приподнял чёрные брови и вопросительно посмотрел на Генриха.

– На зверунов не действует аромат могильных цветов, – хмуро пробурчал он и с грохотом бросил колпак в сумку. – Раз некромаг казался красавчиком, значит, ведьма была под воздействием. – Он обернулся к Данье и сухо добавил: – Но это не значит, что я спущу ей остальное. Сегодня же отправимся в столицу, где я передам ведьму Комитету. – Он покосился на меня и криво усмехнулся: – На настоящий суд. Покушение на жизнь даймонии и сокрытие некромага… тянет на высшую меру.

Данья застонала и обмякла, а я зло посмотрела на Генриха и пробурчала:

– Радуйся! Довёл ведьму до обморока… День инститора удался!

Забава подхватила тазик и, аккуратно пододвинув меня бедром, приблизилась к кровати.

– Раз сожжение на сегодня отменяется, отойдите и дайте мне выполнить распоряжения доктора, – весело проговорила она и, аккуратно водрузив ношу на кровать, посмотрела на меня: – Мара, может, отдохнёшь? Выглядишь паршиво…

– И чувствую себя не лучше, – буркнула я и ревниво покосилась на русалку: – Зато ты порхаешь, как бабочка! Вот противный инситор… нет бы мне оздоровительный массаж сделал!

И мысленно снова оказалась на кладбище, где Генрих умудрился поставить русалку на ноги за несколько минут. Ревность отступила, теперь я думала, как бы мне незаметно улизнуть из гостиницы, чтобы помочь тремдишевским ведьмам избежать принудительной экскурсии в Крамор.

– Так что вам мешает, – фыркнула Забава. Русалка погрузила в воду мягкую тряпочку и хитро добавила: – Второй номер абсолютно свободен! Весьма приятное местечко для оздоровительного массажа, не считаешь? Ах, да! Вы же уже не помолвлены…

Сердце забилось быстрее, и я, прикусив губу, осторожно подняла глаза на Генриха. Скулы инситора слегка порозовели, губы сжались в тонкую линию, но возникшая идея настолько мне понравилась, что я решительно шагнула к охотнику и схватила его за локоть.

– Генрих, пойдём! – заявила я. – Сделаешь мне массаж. Надо же привести меня в порядок до того, как мы отправимся обратно в столицу…

Инситор вырвался и, шагнув к сумке, бросил в неё «чепчик».

– Ты и так в порядке, – не оборачиваясь, буркнул он.

Я хитро ухмыльнулась и, прильнув к Генриху, обняла его за талию и прижалась щекой к широкой спине.

– Стесняешься, милый? – томно протянула я, ощущая ладонями, как напряглись мышцы его пресса. – Хорошо-хорошо! Я иду первой, а ты присоединяйся… когда вещи уложишь, – и, отстранившись, многозначительно кивнула на сумку инситора. – И поторопись, чтобы я не заснула в ожидании десерта…

Генрих рыкнул нечто невразумительное и, присев, принялся запихивать гремящие инструменты в сумку, а я с трудом сдерживала улыбку: теперь охотник точно и носа не сунет в маленькую комнатку! Помахала Забаве и, показав кулак Лежке, словно намекая, что я с ним сделаю, если он заикнётся о других «невестах» Севира, выскочила из номера. На всякий случай я громко хлопнула дверью соседнего номера, а сама, осторожно

ступая на носочках, направилась к выходу… Но, почуяв умопомрачительный аромат свежей выпечки, невольно свернула в сторону кухни.

Осторожно заглянула в помещение, обшарила быстрым взглядом кастрюли, над которыми клубились белесые облака, и радостно подпрыгнула при виде огромного противня с румяными булочками, которые так и кричали: съешь меня! Но сделать это мешало присутствие женщины, которая осторожно помешивала что-то скворчащее в глубокой сковороде. Это та, что выдала меня брату и институтору! А, значит, просить о том, чтобы она молчала, бесполезно… Я уныло покосилась на противень и сглотнула слюну. Сдоба пахла сладкой ванилью, а корочка выглядела такой хрустящей… Чёрт, со вчерашнего дня ничего толком не ела!

Решившись, осторожно шагнула на кухню и, прокравшись к припорошенному мукой столу, протянула руку к вожделенной добыче, как вдруг наступила на что-то мягкое. Раздался жуткий визг, и из-под моей ноги в сторону хозяйки метнулось пятнистое создание. Женщина вскрикнула, а я, не удержавшись, покачнулась и, всплеснув руками, вцепилась в противень. Тот накренился, и все эти прекрасные булочки с нежной сахарной корочкой посыпались на меня. Тонкий пронзительный визг перешёл в надрывный собачий лай, загремела выпавшая из рук поварихи сковорода, оставляя на полу коричневый след… И хоть мне удалось устоять, отчаянно захотелось спрятаться под столом и прикрыться этим самым противнем, словно щитом от разъярённой хозяйки, кухня которой за несколько секунд превратилась в помойку.

– Что ты творишь?! – закричала женщина, и ей вторил раздражающий лай мелкой шавки, которая крутилась под ногами. Повариха, недвусмысленно размахивая поварёшкой, уже направлялась ко мне, а я судорожно схватила пару прилипших к противню булочек, да сунула их в карманы: – Беда, а не ведьма! Я полночи оттирала кисель, а теперь…

Я подскочила к ней и быстро прислонила руку к её лицу, забирая воспоминания последних минут. Пятнистая шавка скалилась и бросалась на меня, но благоразумно останавливалась в нескольких сантиметрах от моей ноги. Эх, опять воспользовалась своей силой без договора! Да ещё под носом у институра… Если не избавлюсь от чужих воспоминаний до того, как мы вернёмся в Крамор, Генрих раскусит меня, и опять нарвусь на штраф! Это при условии, что до того момента не столкнусь с зеркалом. Не спеша убирать ладонь с глаз хозяйки, передёрнула плечами, как вдруг меня осенила озорная идея. Покосившись на разъярённую собаку, мягко улыбнулась ей и, схватив одну из

булочку, потрясла приманкой.

– Смотри-ка, что у меня есть, – нежно проговорила я.

Та на мгновение замолкла, этого оказалось достаточно, чтобы отдёрнуть руку от поварихи и, резко присев, коснуться глаз собаки. Воспоминания полились, шавка замерла, звериное тело затряслось, а женщина плавно осела в растёкшуюся по полу коричневую жижу. Избавившись от компромата, я бросилась к двери, на ходу вонзая зубы в восхитительную мягкость сладкой сдобы. Довольная собой, быстро направилась в сторону кладбища и, жуя булочку, удивлялась, как раньше не додумалась до такого простого решения…

***

Солнышко золотило жухлую траву, солнечные зайчики наперегонки скакали по блестящим камням надгробий. Я шла и, размахивая руками, беспечно улыбалась: днём на кладбище ни капельки не страшно! Особенно, если учесть, что некромаг позорно сбежал при виде институра. Улыбка стала ещё шире: а как отчаянно дрался Генрих! Как сверкал его меч… при воспоминании о синем пламени, я невольно скривилась. Всё же это было очень опасно. Вот бы запретить использование магического огня… Я позволила себе помечтать о том, как великая даймония покорит Крамор и отменит сожжение ведьм! Но сейчас мне нужно спасти шесть девочек, чтобы они, едва вырвавшись из когтей некромага, не попали в лапы институров.

Сухая трава шуршала под ногами, ветерок доносил запах дыма и цветов, и я постаралась сдерживать дыхание, беспокоясь, что это аромат «Последнего вздоха». Впрочем, кого мне тут бояться? Некромаг не посмеет вернуться в Тремдиш, пока институр здесь. Да и потом не заявится: Генрих обещал выслать за ним самых лучших служителей Крамора.

Щурясь из-за яркого солнышка, я остановилась и, вперив руки в бока, оглядела небольшой мрачный домик с провалами окон и распахнутой настежь дверью. Ночью от дома веяло мрачной безысходностью, а сейчас, при свете дня, он казался лишь старой развалиной. Повернулась в сторону чёрных гробов, как руки что-то мягко коснулось. Вздрогнув, резко обернулась, но вокруг не было ни единой души. Нервно усмехнулась: души-то может, и были, но прикоснуться они не могут. Что же это было? Ветер? Лист? Нет, больше похоже на прикосновение пёрышка или мягкой шерсти. Но птицы так низко не летают, а звери гораздо ниже… Сердце стало биться ровнее, а из груди вырвался облегчённый выдох. Всё же, я паникёрша! Ну, почудилось… Что теперь, в обморок грохаться?

Медленно приблизилась к чёрным гробам, удивляясь тому,

что Генрих вчера не обратил на них никакого внимания. Впрочем, – гробы на кладбище! – чему тут удивляться? Склонилась над ближайшим и с усилием надавила на крышку, пытаясь сдвинуть каменную плиту в сторону.

– Странно, – пробурчала я, вытирая пот со лба после второй, опять не особо удачной попытки: – Ночью гробы были открыты. Или это Жорик постарался? – Я поднялась и, откинув чёлку с лица, обвела кладбище унылым взором: – Жаль, что он рассыпался… Моих силёнок тут явно маловато. Всё же, нежить – полезная в хозяйстве вещь! – Я с усмешкой посмотрела на гроб и, постучав по крышке, язвительно крикнула: – Эй, девица в темнице, коса на улице! Вылезай-ка сама…

К моему ужасу, крышка шевельнулась и отъехала в сторону. Я отшатнулась и уселась на соседнем гробу, а в открытом зашевелилось нечто бесформенное, ничуть не похожее на нежное создание с белой кожей и алыми губами, которое я видела ночью.

– Что это? – деревянным голосом произнесла я, оторопело наблюдая, как из гроба поднимается нечто похожее на Жору, только немного ниже и стройнее. – Снова нежить? А где же невеста?

Нежить осторожно переступила край гроба, послышался стон, от которого волоски на руках встали дыбом, а кожа на голове оледенела. «Невеста» с того света подняла руки, с которых свешивались лохмотья, словно умоляла меня о чём-то. Я поспешно отползла по крышке соседнего гроба и свалилась на землю с другой стороны.

– Надо было всё рассказать Генриху, – стуча зубами от ужаса, пробормотала я. – Вот дурочка! Что теперь с этой девицей делать? Так, погоди… Она вылезла, когда я позвала её. – Я постаралась взять себя в руки и, выпрямившись, строго указала нежити на гроб: – Полезай обратно!

Но нежить не послушалась, она быстро обошла гроб, и я невольно отпрыгнула в сторону, возникло желание всё бросить и со всей скоростью нестись в гостиницу за институтом. Генрих сожжёт всю эту братию… При мысли о том, что в каждом гробу лежит по такой «красотке», шею словно сковал мороз. Нежить, словно прочитав мои мысли, склонилась над гробом, рядом с которым мы только что стояли, рука «невесты» протянулась, и длинные жёлтые ногти с противным скрипом поскребли по камню. Крышка шевельнулась, а нежить деловито потопала к следующему гробу. Волосы на голове, казалось, встали дыбом. Надо было бежать, но я не могла оторвать зачарованного взгляда от странного зрелища пробуждения нежити. Те же, восставая одна за другой, тянули ко мне свои жуткие ручищи, словно требуя что-

то. И тут, среди покачивающихся тел я увидела глаза, – жуткие, разноцветные, с кровавым зрачком, – они буравили меня, и сердце ушло в пятки. Я растерянно моргнула, и глаза исчезли.

Ноги стали ватными, и я с трудом отступала от группы «невест», очень медленно, а те в свою очередь надвигались на меня. Осознавая, что ничего не смогу противопоставить нежити, ведь моя сила действует только на живых, я судорожно сглотнула и, подняв руки, попыталась закрыться от них. Как спиной во что-то упёрлась. Взвизгнув от ужаса, – первая мысль была о некромаге, – я развернулась и изо всех сил пнула его. Генрих, – а это оказался именно он, – зашипел от боли и, схватив меня за запястья, сильно встряхнул.

– Как это называется, Мара? – сердито закричал он. – Стоило только отвернуться, как ты снова побежала на кладбище! Не замечал у тебя раньше такой нежной привязанности к нежити. Я уже подумал, ты на свидание к своему синеглазому красавчику рванула… а у тебя тут, смотрю, целая толпа поклонников!

Я, дрожа от радости и облегчения, промямлила:

– Это его невесты…

– Да неужели?

Генрих неторопливо вытащил свой меч, а левой рукой прикоснулся к его острию, и сталь засверкала синими искрами, нежить замерла в шаге от нас, руки их медленно опустились: «невесты» явно опасались меча инститора. А я вцепилась в свободную руку своего спасителя и, нервно посмеиваясь, спросила:

– А как ты узнал, что я ушла? Неужели, всё-таки пошёл в маленький номер?!

– Тебе не кажется, что этот вопрос несколько неуместен? – рыкнул инститор, но я заметила, как заалели его скулы, и сердце радостно забилось: неужели, Генрих наплевал на свои принципы и решил сдаться? И тут же засомневалась: может, он просто хотел мне помочь. Я же просила массаж. А инститор, кивнув на нежить, напряжённо уточнил: – Так это невесты твоего синеглазого красавчика? Зачем ему столько?

Я скривилась от этих слов, словно от зубной боли.

– Понятия не имею, – буркнула я. – И прекрати так говорить! Некромаг вовсе не мой…

– Так ты же его невеста, – хитро покосился на меня Генрих и, разглядывая «невест», многозначительно хмыкнул: – Жёсткая, у вас, девочки, конкуренция! – Окинул меня придирчивым взглядом и откровенно рассмеялся: – не боишься проиграть? Ты несколько… не вписываешься в дресс-код! – Он вытянул руку с мечом и проговорил: – Один, два, три…

– Шесть, – перебила я и мрачно добавила: – А я должна быть седьмой. Или Данья… но она сказала, что некромагу не нужна слабая ведьма. – Тут я вздрогнула и вскинула обеспокоенный взгляд на Генриха: – Слушай, а может, это его магия? – Институр непонимающе нахмурился, и я пояснила: – Он напал на Данью и попытался превратить её в это… – Я гадливо поморщилась. – Но она вырвалась и побежала в гостиницу, тогда С… кхе, некромаг схватил Забаву и постарался выманить меня.

– Погоди, – осадил меня Генрих, улыбка исчезла с его лица, а взгляд стал колючим: – Ты только сейчас сообщаешь мне, что уже есть шесть жертв некромага? Ты в своём уме, Мара? Почему раньше молчала?!

Я насупилась:

– Ты бы их сжёг!

Институр развёл руками и многозначительно посмотрел на топчущуюся нечисть:

– А разве не надо?! Ты хоть представляешь, что может натворить эта весёлая компания в отсутствие своего непосредственного начальника – мёртвого мага? Да не загляни в Тремдиш институр, от городка за неделю ничего бы не осталось!

Я вспомнила, как нежить тянула ко мне свои руки, и спина похолодела.

– Странно, – пробормотала я. – Ночью они казались мне живыми и красивыми…

– Как и их жених? – понимающе хмыкнул Генрих и назидательно сказал: – Это всё могильные розы! Ты надышалась этой гадости, и нежить тебе казалась прекраснее всех на свете…

Я поёжилась и посмотрела в сторону, где темнел полуразрушенный колодец.

– Но почему же тогда Жора в моих глазах оставался полуразложившимся уродом? – прошептала я.

Генрих меня не слушал, он опустил меч, и острие чиркнуло по земле, оставляя заметную линию, да обошёл топчущихся «невест», заключив нежить в своеобразный круг.

– Теперь не разбегутся, – кивнул он и обернулся ко мне: – Уходи, Мара. Возвращайся в гостиницу…

– Нет, – встрепенулась я. – Тут что-то не так… Не жги их!

– Опять за своё, – в сердцах рявкнул Генрих и холодно добавил: – Поверь, Мара, этим тварям уже бесполезно сочувствовать, это не люди… и даже не ведьмы! Это нежить! Уходи, чтобы тебя не задело синим пламенем. Не хочу, чтобы ты пострадала…

– Если не хочешь, чтобы Мара пострадала, – раздался знакомый голос, – то отпусти их!

Я вздрогнула, а взгляд заметался по кладбищу. Заметив фигуру в чёрном плаще, я изумлённо ахнула. В середине «веера» из пустых гробов, скрестив руки на груди, стоял Севир. И выглядел он так же, как и раньше: бледная кожа, яркие синие глаза, никаких свисающих обрывков кожи и оголённых костей.

– Я что, снова обнюхалась могильных цветов?! – пробормотала я. – Когда только успела?

Перевела взгляд на «невест», но те так и выглядели нежитью. Генрих крепче сжал меч и шагнул к Севиру.

– Ты ещё кто? – грозно крикнул он. – Говори!

– Так знакомы уже, – саркастично усмехнулся некромаг. – Или не признал меня, инситор? Может, вспомнишь мой кинжал?

Он покрутил в руке знакомое оружие, в навершии которого сверкнул алый камень. Я потянула Генриха за край безрукавки:

– Это он! Тот синеглазый…

– Тот самый некромаг? – удивлённо моргнул Генрих. – Действительно, смазливый и синеглазый. Кинжал я помню. Странно, цветов здесь нет…

– Вот и я про то! – воскликнула я. – Я же говорила, что тут что-то не так, а ты не слушаешь…

– Не важно, – нехорошо улыбнулся Генрих. Он отодвинул меня и провёл пальцами левой руки по острию меча: металл осветился синим. – Всё к лучшему! Сразу покончу и с зарвавшимся магом, и с его нежитью! Твоей магической защиты теперь нет, тварь, и ты не ускользнёшь от казни…

Сжав меч двумя руками, инситор быстро направился к противнику, но некромаг даже не шелохнулся. Он перевёл взгляд на меня и, словно не замечая надвигающейся угрозы, спокойно спросил:

– Как себя чувствуешь, Мара? Не было ничего необычного? Странные видения или ощущения? – Я вздрогнула и, вспомнив странные прикосновения несуществующих перьев и шерсти, встревоженно уставилась на него, а Севир коротко усмехнулся: – Судя по всему, уже были…

Генрих перескочил через могилу и замахнулся мечом, а Севир холодно посмотрел на инситора и быстро проговорил:

– Первые симптомы воздействия моего яда. Ведьма обречена, она умрёт в течение суток…

Генрих замер с поднятым мечом, по которому пробегали волны синего пламени, на землю посыпались голубые искры. Одна из них попала на плащ Севира, но некромаг равнодушно стряхнул её.

– Если, конечно, не принять противоядие, – закончил он.

Инситор медленно опустил меч, резким движением убрал

сияние магического пламени и поднял глаза на мага.

– Что за яд? – прохрипел он.

Севир снисходительно улыбнулся и похлопал инститора по плечу:

– Разумеется, об этом я умолчу. Но охотно расскажу, как она приняла его.

Он направился ко мне, и я ощутила, как ноги словно приросли к земле, а во рту пересохло от догадки. Севир положил правую руку мне на плечи и обернулся к застывшему у гробов Генриху. Я же, дрожа от страха и унижения, боялась поднять глаза.

– Мара согласилась стать моей невестой, – громко проговорил Севир, – и мы скрепили наш договор поцелуем смерти.

Я бросила на Генриха тревожный взгляд, инститор выглядел поверженным: меч выпал из его пальцев, лицо побелело.

– Тварь! – прохрипел он.

Шагнул, но покачнулся и упал на одно колено. Подтянул меч и, опираясь на него, с трудом поднялся, а я с удивлением заметила, как на щеке Генриха свернула влага.

– А что, это очень плохо? – едва ворочая языком, спросила я.

– Ничего хорошего, как и любая магия некромагов, – ответил за Севира Генрих, и в словах инститора было столько горечи, что я невольно вздрогнула. – Древний обычай мёртвых. Я читал об этом…

– Да что за поцелуй такой? – зло выкрикнула я. – Вроде обычный был… ничего особенного. Честно говоря, так себе поцелуй!

– Не лги, мой поцелуй был убийственно хорош, – издевательски проговорил Севир и наклонился ко мне так, что наши взгляды встретились: – В бокале, который я пригубил перед тем, как ты меня поцеловала, был редкий яд, одна лишь капля которого может лишить жизни любого! Я не жив, так что для меня это всё равно, что вино. Но этот яд настолько силён, что теперь и твой поцелуй может убить…

Прижала руки к губам и с ужасом посмотрела на бледного Генриха, в голове зашумело: я же могла убить инститора! Если бы он не отстранился… Всхлипнула и перевела взгляд на Севира: может, маг опять обманывает?

– Зачем вам это? – растерянно прошептала я.

– Мне нужна седьмая невеста, – ответил Севир таким тоном, словно объяснял ребёнку, что людям свойственно питаться, чтобы поддерживать жизнь. – И даймония – лучшая кандидатура на это почётное место…

– Почётное?! – невесело рассмеялась я и, оборвав свой жуткий смех, жалобно посмотрела на Севира: – А можно эту честь передать кому-нибудь другому? В столице полно ведьм! И если дать объявление… да я сама размещу вашу анкету на сайтах знакомств. Бесплатно! Набежит такая толпа…

– Прекрати паясничать, – холодно оборвал меня Севир. – Хочешь уйти? – Он оттолкнул меня: – Я не держу. Будешь свободной… до самой смерти!

– Нет! – вскрикнула я и с отчаянием посмотрела на инститора: – Не будет по-твоему, грязный некромаг! Подумаешь, яд… Генрих спасёт меня!

– Грязный? – Севир покрутил плащом, словно показывая чистоту ткани, а потом усмехнулся: – Так это и есть тот Генрих, которого ты так любишь? – Я сжалась и кисло посмотрела на инститора, Генрих же следил за медленно приближающимся к нему некромагом. Севир остановился в паре шагов от охотника и, склонив голову набок, осмотрел его снизу вверх. – И чем же он лучше меня? Внешность… весьма оригинальная. Но стиля никакого! И ни следа магии… – Он скривился и резким ударом ноги вышиб меч из рук Генриха: – Только жалкие игрушки!

Инститор, уронив руки, исподлобья посмотрел на некромага, и я содрогнулась от бессильной ярости в его взгляде. Странно, что он до сих пор не порубил некромага на тысячу маленьких нежитиков…

– Так чем же он сможет помочь тебе? – обернувшись ко мне, иронично спросил Севир, и брови его приподнялись: – Разве что, сжечь ведьму, чтобы не мучилась от яда…

Эти слова, как ни странно, привели меня в чувство: нервная дрожь прошла, а голова прояснилась. Видимо, я так часто слышала что-то подобное от Генриха, что перестала воспринимать эти слова как угрозу.

– Точно! – мило улыбнулась я и, когда Севир непонимающе моргнул, перевела взгляд на Генриха: – Это Генрих исполняет виртуозно! – Поманила хмурого инститора: – Пойдём, любимый, доставлю тебе долгожданное удовольствие! – Обернулась к некромагу и слегка приподняла брови: – Я же могу уйти, правильно? Удачи тебе с, – кхе! – невестами… Все красотки, прямо загляденье!

Генрих подхватил свой меч и направился ко мне: выглядел инститор донельзя мрачным, но я продолжала мило улыбаться, словно ничего страшного не произошло. Когда охотник поравнялся со мной, подхватила его под руку, дружелюбно помахала растерянному Севиру и нетерпеливо потащила Генриха в сторону города.

У меня возникла идея, и мне не терпелось её воплотить.

Глава 6. Обвенчанные смертью

По дороге в Тремдиш Генрих не проронил ни слова. Шагая рядом, я то и дело посматривала на его угрюмый профиль. Солнце пекло нещадно, по спине текли капли пота, я невольно ёжилась и слегка посмеивалась от нестерпимой щекотки. Весть о возможной смерти сначала испугала, но потом стало всё равно, словно перед неизбежностью. Страх исчез, голова закружилась от лёгкой эйфории. Может, это очередные признаки отравления? Ну и пусть!

Покосилась на мрачного инситора: он до сих пор нервно сжимал меч так, что побелели костяшки пальцев. Улыбнулась, легонько дотронулась до влажного плеча Генриха и провела пальчиком по гладкой коже, под которой бугрились напряжённые мускулы. Инситор вздрогнул и бросил на меня короткий взгляд.

– Ты не умрёшь, – выдохнул он и добавил с нажимом: – Я не допущу.

– Конечно, – кивнула я и хитро добавила: – Ведьма должна слушаться Комитета и действовать по лицензии… А лицензию на смерть мне ещё не выдавали!

– Сейчас не до шуток, Мара, – огрызнулся Генрих.

– А что мне, плакать, что ли? – я насмешливо приподняла брови и фыркнула: – Не дождёшься ты ведьмовских слёз, инситор! И не мечтай!

Генрих неожиданно застыл на месте и, развернувшись, резким движением притянул меня к себе так, что я уткнулась носом в жёсткую ткань безрукавки и, вдохнув терпкий мужской запах, задрожала всем телом.

– Мне нельзя умирать! – пробормотала я. – Пока не получила свой обещанный торт! Так что, не переживай – просто так даймония не сдастся…

Генрих отстранил меня и, удерживая за плечи, посмотрел в глаза.

– Я добуду противоядие, даже если придётся голыми руками вырвать мёртвое сердце некромага! – прошипел он. – Как только вернёмся в гостиницу, я вызову группу зачистки и самого Олдрика… Он из старой гвардии, и наверняка помнит, как правильно пытать некромага. А ты немедленно отправляешься в Крамор! Уверен, Аноли сможет приостановить действие яда…

– Да ни за что! – воскликнула я и, стряхнув его руки со своих плеч, холодно проговорила: – Чтобы я доверилась Аноли?! Да она с удовольствием сама прикончит меня, чтобы вернуть тебя. Я не дам злой красной птичке ни малейшего шанса!

– Мара… – начал было Генрих.

– У меня есть план! – перебила я. – Зачем терять время и тащиться в Крамор, когда у нас в номере есть самая настоящая ведьма, специализирующаяся по зельям? Разве это не разумное решение?

– Данья? – нахмурился Генрих и покачал головой: – Ей я доверяю гораздо меньше, чем Аноли…

– А я больше! – воскликнула я и жарко проговорила: – У Даньи я женихов не уводила…

Поперхнулась, смутившись. Генрих невольно рассмеялся:

– Ну это спорное утверждение!

– Так по её же заказу, – растерянно пробормотала я. – Это не считается. Данье не за что меня ненавидеть. – Посмотрела на Генриха и ехидно добавила: – А ещё спасла ведьму от страшного и ужасного инститора…

– Лишь до суда, – строго проговорил инститор и, подхватив меня за локоть, неохотно добавил: – Но смыл в твоих словах есть. Если ведьма поможет даймонии, на суде это зачтётся в её пользу, и, возможно, она отделается гораздо более мягким наказанием. – Он решительно кивнул: – Хорошо! Но я всё равно вызову институторов и Олдрика… да и Аноли тоже. – Я недовольно топнула ногой, а Генрих неожиданно мягко улыбнулся и тихо добавил: – Мара, пожалуйста. Для моего спокойствия…

– Скорее, для моего нервяка, – обиженно буркнула я. – Меня один её вид бесит! А в свете последних событий… так вообще! Ты считаешь, что общение двух бывших невест – это нормально?!

Генрих неловко потоптался на месте, глубоко вздохнул и пробормотал:

– Это… не переживай насчёт Аноли. Клянусь, в моём сердце только ты… – Лицо его перекосилось, левый глаз задёргался, и инститор торопливо выдохнул: – Я люблю тебя!

– И что? – взвилась я. – Мне прыгать от радости?

Пальцы Генриха разжались, и рука безвольно опустилась.

– Могла хотя бы посочувствовать, – недовольно пробормотал он. Привычно положил горячую ладонь на мой загривок и подтолкнул вперёд: – Не теряй время, ведьма! Сутки не вечны.

Я послушно потопала вперёд. Сердце обливалось кровью. Да что же со мной?! Генрих только что признался в любви, а я опять всё испортила. Хватит ли у инститора терпения, чтобы выдержать такой характер? Хотя… Я же жертва отравления! Возможно, жить осталось всего ничего, так что пусть любит, лелеет и всё прощает. Лучше подумать о том, как выбраться из сложившейся ситуации… желательно живой и здоровой. У меня ещё есть шанс, в отличие от «невест», которые остались на кладбище. Почему-то защипало

глаза, а в горле встал ком. Генрих невежливо потянул меня за ухо.

– Что за постная мина? – холодно спросил он и иронично улыбнулся: – Злость ведьме больше к лицу.

Отмахнулась от институра, но через пару шагов всё же ответила:

– Просто вспомнила о тех девушках… которые в нежить превратились.

– О невестах некромага? – уточнил Генрих и, разрезая воздух, коротко махнул мечом: – Их необходимо уничтожить! Это не обсуждается. Но сначала нужно достать противоядие… Меня насторожили кое-какие слова мага: есть вероятность, что яд некромага связывает тебя с нежитью. Некромагия очень опасна! Не понимаю, почему Комитет лояльно относится к некромагам. Даже если их очень мало, надо подвергнуть их лицензированию! Вернусь на место Главы Комитета и внесу предложение…

– А как ты собираешься их наказывать? – мрачно ухмыльнулась я. – Они же неживые, только если сразу уничтожать… Мне кажется, Комитет поэтому и закрывает на их проделки глаза. Хлопотно! А так, если попадутся на горячем – сжечь! Всё, как ты любишь…

Генрих бросил на меня злой взгляд, и я подавилась словом «любишь», щёки вновь опалило жаром. Упрямо встряхнула волосами и продолжила:

– И вообще, тебе не кажется всё это странным? То красавцы-красавицы, то нежить… Чуется мне, дело вовсе не в тех могильных цветочках!

– Возможно, – неохотно буркнул Генрих. – Но тебе не кажется, что сейчас важнее твоя жизнь? Или так не терпится умереть?

– Порой не терпится, – горько проговорила я и, слегка отстав от институра, покосилась на его прямую спину: – Не очень приятно быть монстром… Да и тебе не так давно очень хотелось избавиться от меня.

Генрих шёл молча, а я, следуя за институром, жадно любовалась широкими плечами и, радуясь тому, что он оторвал рукава от лонгслива, наслаждалась играющими под загорелой кожей мышцами. Длинная шея охотника, разрисованная геометрическими узорами, притягивала взгляд, так и подмывало нежно сжать зубами татуированную кожу. Конечно, лучше бы поцеловать его в губы… хорошо, что не видно лица институра, а то бы не удержалась. Но подобное удовольствие мне не светит либо до смерти, либо, если повезёт, до того момента, как приму противоядие. Сердце защемило от острой боли, но я тут же

встрепенулась и заставила себя забыть о яде. На чём остановилась? Ах, да! Ах, какой у Генриха зад! Тихонько хихикнула и, не удержавшись, протянула руку и шлёпнула инститора по ягодицам. Тот резко развернулся, и я испуганно замерла, не ожидая такой реакции:

– Что?

– Ты не монстр, – серьёзно проговорил Генрих, и я, совершенно позабыв о том, что говорила несколько минут назад, несколько мгновений недоумённо моргала. – И ты не умрёшь! Даю тебе клятву!

Он протянул руку, и я ощутила на затылке его тёплую ладонь. Инститор властно притянул меня к себе и, едва я успела сообразить, что происходит, приник губами к моему рту. Я забилась в его объятиях, словно птица в силках, грудь сдавил спам, а кожу на голове словно льдом стянуло. Изо всех сил оттолкнула Генриха и, тяжело дыша, закричала:

– Сумасшедший! Что творишь? Ты же… – тут злость моя иссякла, и я, ощутив внезапную слабость, упала на колени. В воздух поднялось облачко пыли, а я прошептала: – Яд… Зачем поцеловал? Это же верная смерть!

Генрих тоже рухнул на колени, его ладони обхватили мои руки, взгляды наши встретились.

– Я клянусь быть с тобой, Мара, – серьёзно произнёс он. – До самого конца. Случится ли он через сутки или через много-много лет, я клянусь, что мы будем вместе.

Я смотрела в изумрудные глаза, и мир вокруг расплывался от рвущихся наружу слёз. Всхлипнув, бросилась на шею инститору и, не выдержав, зарыдала в голос. Страх за свою и за его жизнь смешался с облегчением. Он любит меня! Действительно любит! Никакие слова не передадут той силы чувства, которое Генрих показал своим поступком.

– Дурак, – борясь со слезами, выговорила я, а Генрих рассмеялся и погладил меня по голове. Я приникла губами, как только что мечтала, к тату на его шее и прошептала: – Я тоже… клянусь.

Он опустил голову и, прикоснувшись к моим губам, впился страстным поцелуем так, что у меня перехватило дыхание. Я повалила инститора спиной на траву и, прижимаясь всем телом, застонала от охватившего желания. Тело охотника напряглось так, что, казалось, что он сделан из железа. Когда услышала его почти звериный рык, сердце заколотилось раненой птицей, голова закружилась от нахлынувших эмоций. Сама мысль о том, что наш первый секс может стать и последним, возбуждала ещё сильнее. Руки опустились к его поясу, пальцы уже нашарили ремень, но

тут Генрих вскрикнул, лицо его болезненно исказилось. Я отдёрнула руки и испуганно спросила:

– Я тебя поцарапала? Прости…

Инститор не отвечал: тело его снова напряглось, грудь выгнулась колесом, глаза закатились, лицо покраснело, вены на шее вздулись. Я испуганно вскочила и, склонившись, развела руки, не зная, чем помочь:

– Больно? Где? Не молчи! Ох… а если это яд? – Из глаз вновь полились слёзы, и я прижала руки к груди: – Что же делать?!

Генрих выдохнул, перекатился на бок и прохрипел:

– Нет…

Казалось, ему стало лучше: лицо больше не искажала гримаса, дыхание стало глубоким. Я нервно вцепилась в плечи инститора.

– Что с тобой?

Он засмеялся было, но поперхнулся и закашлялся.

– Ты со мной, – сипло выдавил он. – Что же ещё…

Я испуганно посмотрела на свои руки: вроде, я не использовала силу даймонии… Или она вырвалась, когда я возбудилась и потеряла над собой контроль?

– Так что же это, – несчастным голосом проговорила я, – мне теперь и сексом не заняться? Сразу сила из всех щелей лезет?! А ты говоришь – не монстр! Поцеловала – отравила, приласкала – прибила! Кто выживет от такой прелюдии? Разве что только некромаг… но я его не хочу!

Генрих приподнялся на локтях и с кривой улыбкой произнёс:

– Не выдумывай! Это не твоя вина…

– А чья? – взвилась я. – Папочки моего?!

Лицо Генриха приняло задумчивое выражение.

– Вообще-то, да, – серьёзно произнёс он.

– В смысле? – насторожилась я.

Генрих, кряхтя и помогая себе дрожащими руками, уселся на траве и иронично посмотрел на меня.

– Ты же вроде подслушала наш с инкубом разговор, – язвительно ответил он. – Договор, помнишь? – Я нахмурилась и, припомнив противное вмешательство Олдрика в наши отношения, сухо кивнула, а Генрих объяснил: – Согласно договору я не должен прикасаться к тебе до свадьбы… Поцелуй я ещё могу перетерпеть, но когда заходит чуть дальше, моё тело словно пронзают тысячи раскалённых игл, и боль становится совершенно нестерпимой, будто заживо сдирают кожу. И на кладбище было весьма неприятно, но сейчас я едва не потерял сознание.

– И ты подписал такой договор?! – ахнула я и, сжав кулаки,

прошипела: – Олдрик, да ты садист, каких поискать! Я же тебе все глаза выцарапаю, гад! Пожалеешь, что сунул нос не в своё дело…

– Мара, – перебил меня Генрих. Он тяжело поднялся и протянул мне руку: – Тебе не кажется, что не это сейчас основная проблема?..

– Не кажется! – воскликнула я и, вцепившись в его ладонь, порывисто встала. – Раз уж всё так сложилось, хочу… – покосилась на инститора и с вызовом произнесла: – Хочу свой торт! Натрескаться так, чтобы дым из ушей и ноги подкашивались! Тогда и умереть будет не жалко.

– Дался тебе этот торт, – зло проговорил Генрих: – Повторяю в последний раз – ты не умрёшь!

И, повернувшись к дороге, нетерпеливо потащил меня за собой.

***

Данья, прислонившись к стене, величественно восседала на кровати. Ноги её были прикрыты одеялом, пальцы рук сжимали чашку, над которой струилось облачко пара. Щёки порозовели, дыхание стало ровным, – казалось, ведьма совершенно выздоровела. Она терпеливо выслушала наши с Генрихом приключения.

– Вы захватили с собой этот яд? – весело спросила она, и мы с Генрихом переглянулись.

– Дрить твою за ногу, – прошипела я. – Даже мысли не возникло! Что теперь делать? Возвращаться на кладбище?

– Нет, – сухо ответил Генрих. Он посмотрел на ведьму сверху вниз и высокомерно произнёс: – Я не встречал ни в одной книге, чтобы для изготовления противоядия требовался яд.

– Правда? – Данья с вызовом посмотрела на инститора и язвительно спросила: – А как тогда я узнаю, от какого яда нужно противоядие? Универсального средства не существует!

Генрих скрестил руки на груди, и взгляд, которым он буравил ведьму, не предвещал ничего хорошего.

– Зато существует универсальный яд, – холодно проговорил он и слегка приподнял левую бровь: – Для ведьмы, специализирующейся на зельях, наверняка не секрет, что некромаги используют только «Поцелуй смерти». Либо знания твои настолько скудны, что так и не смогла получить лицензию, либо ты вовсе не ведьма!

Чашка запрыгала в пальцах Даньи так, что расплескался чай, лицо стало белее простыни. Я кинулась к Генриху и, словно боясь, что инститор прямо здесь исполнит казнь, схватила его за руку.

– Мы вроде выяснили, что Данья не зверун, – поспешно

произнесла я. – Хватит уже! Может, Данья знает не меньше, а, наоборот, больше! – Я обернулась к испуганной ведьме и спросила: – У некромагов на самом деле не один яд, да?

– Да, – слабо кивнула Данья, лицо её озарила робкая улыбка

– Ты снова подкинула ей оправдание, – обвинил меня Генрих и, вновь обратив взгляд на Данью, сурово спросил: – И какие же ещё яды некромагов ты знаешь?

– Есть ещё «Проклятие вечности», – пролепетала та и икнула: – И… и другие…

– Звучит правдоподобно, – спокойно заметил Лежик.

– Говорила же! – радостно воскликнула я и, бросив на недовольного Генриха многозначительный взгляд, снова повернулась к Данье: – Так ты поможешь? Или всё-таки нужно вернуться за ядом?..

Данья протянула кружку Забаве, и та осторожно приняла её, а ведьма помахала руками, стряхивая капли и задумчиво произнесла:

– Нет необходимости возвращаться за ядом, если вы точно знаете, что это именно «Поцелуй смерти». А вот смогу ли я помочь, зависит от того, есть ли у меня все необходимые ингредиенты… Если мне не изменяет память, то в кладовке всё есть!

Я присела на кровать и схватила её мокрую ладонь:

– Принесу всё, что нужно! Только скажи, где эта кладовка…

– Нет, – покачала головой ведьма и, осторожно высвободив свою руку из моей хватки, опасливо покосилась на Генриха: – Там свалка всего подряд! Если ты не сильна в зельях, как сможешь разобраться в травах?

– Зато Аноли в этом высококлассный специалист, – заметил Генрих и выразительно посмотрел на Данью: – Кстати, в Тремдиш выехала группа зачистки во главе с хранителем, так что суд мы сможем провести на месте… после того, как решим проблему с ядом. И если ты хочешь снисхождения, то в твоих интересах приготовить правильное противоядие.

Данья откинула одеяло и слетела с постели так молниеносно, словно под одеялом неожиданно обнаружилась нежить.

– Уже бегу! – пискнула она. – Не пройдёт и получаса, как вернусь…

– Пойду с тобой, – решительно заявил Генрих.

– Я с вами! – встрепенулась я.

– Нет, – осадил Генрих. – Ты не выйдешь из этой комнаты пока не примешь противоядие!

– Не стану сидеть и ждать, когда мне поднесут всё на блюдечке, – воспротивилась я. – Я помогу…

– Ты можешь помочь только в одном, – рявкнул Генрих, – найти на наши головы ещё парочку неприятностей! Сиди, и не высовывайся! Поняла?

– Не смей мне приказывать! – взвилась я. – Или хочешь остаться наедине с Даньей! Стоит ей сказать или сделать то, что тебе не понравится, ты же её без суда сожжёшь!

– Не делай из меня маньяка, – сквозь зубы проговорил Генрих. – Я сказал, что будет суд, значит, будет суд!

Понимая, что спор наш зашёл в тупик, я замолчала, но не отступила. Осторожно взяла руку институра и заискивающе посмотрела на него, при этом думая об отравленном поцелуе. На глаза навернулись слёзы, – а этого я и добивалась, – и я произнесла дрожащим голосом:

– Но ты же обещал, что мы будем вместе… – Громко всхлипнула и зажмурилась: – До конца!

Генрих вырвал свою руку и наградил меня ледяным взглядом:

– Я сказал это не для того, чтобы ты мной манипулировала.

– Тише, ребята, – смеясь, проговорила Забава. – Пойду я!

– Нет! – рявкнули мы с Генрихом, и улыбка мгновенно слетела с лица русалки.

– В прошлый раз ваш дуэт притянул немало неприятностей, – важно добавила я и, поймав себя на том, что копирую манеру речи институра, помотала головой: – Хотела сказать…

– Данью провожу я, – спокойно произнёс Лежик. Он подошёл к ведьме и галантно предложил свой локоть: – Не желаете прогуляться?

Я протестующе замахала руками:

– Ты же ранен! Тебе положено лежать в постели…

– Вот именно! – неожиданно резко отозвался Лежик, брат посмотрел на меня и медленно проговорил: – Мне сейчас положено лежать в постели с любимыми жёнами, а не получать от нежити удары исподтишка! Но, раз уж так произошло, могу я получить хоть какое-то удовольствие от этой занимательной поездки?

Я поняла, что стою с раскрытым ртом, и поспешно подтянула отвисшую челюсть. Лежка запал на ведьму?! Я помотала головой: нет! Скорее всего, он хочет пофорсить по провинциальному городку при свете дня и явить себя, прекрасного и утончённого, простому народу… то бишь, простушкам? А раз так, то волноваться о здоровье инкуба не стоит: будь ему действительно больно, брата было бы и не уговорить.

– Хорошо, – кивнула я и, проследив, как Генрих направляется следом за парочкой, воскликнула: – А ты куда?

– На кладбище, – сдержанно отозвался институр.

– Не рановато ли? – съязвила я.

– Чтобы группа зачистки знала, куда им направляться. – Он задержался у двери и строго посмотрел на меня. Выкинув руку вперёд, погрозил пальцем: – А ты сиди в номере и жди Аноли!

– Не волнуйся, – криво усмехнулась я. – С нетерпением буду поджидать твою бывшую! Пожалуй, от радости даже не сдержусь, да поцелую её… в губы!

Забава ахнула, а Генрих молча покачал головой и прикрыл за собой дверь. Русалка тут же подскочила ко мне и нетерпеливо затрясла мою руку.

– Ты что, – с придыханием спросила она, – на девушек переключилась? Всё так плохо с Генрихом? Или… это у вас сабантуйчик на троих?

Я вырвала руку и с возмущением посмотрела в голубые глаза Забавы.

– Ещё не хватало! Просто… – я осеклась и нервно сжала губы: Генрих просил пока никому не говорить, что он тоже отравлен. Да и о моих убийственных возможностях советовал умолчать: мол, перепугаются… Можно подумать, что меня до этого не боялись! Я встряхнула волосами и натянуто улыбнулась подруге: – Просто я его дразню. И ничего у нас не плохо! Когда мы возвращались с кладбища, Генрих доказал мне свою любовь…

– Так вы наконец переспали? – подпрыгнула Забава.

Она радостно захлопала в ладоши, а я скривилась так, словно та лупила по моей голове:

– Если бы! Этот гад всё ещё девственник…

Забава оступилась и, не удержавшись, повалилась на меня. Я поспешно оттолкнула подругу, боясь, как бы случайно не отравить её, и русалка шмякнулась на пол. Глаза её расширились, рот приоткрылся. Опираясь руками, она попыталась приподняться:

– Что? – У русалки вырвался короткий смешок, и она, засунув в ухо палец, потрясла им: – Похоже, мне вода вчера в ухо попала? Проклятый колодец! Представляешь, послышалось, что Генрих – девственник!

Она истерично расхохоталась, а я лишь устало вздохнула: лучше бы и мне послышалось. Хотя, если честно, было приятно осознавать, что институтор берёг себя для меня… Вот только ответить нечем. Увы, скромностью я никогда не отличалась: отсутствие секса превращало меня в стерву безо всяких зелий! Может, я от природы гиперсексуальная, а может это тлетворное влияние инкуба, который меня вырастил.

Забава решив остаться на полу, растянулась на животе и, подложив руки под голову, испытующе посмотрела на меня:

– Тебе в поведении Даньи ничего странным не показалось? – Я пожала плечами, а русалка задумчиво почесала голову: – Если бы тебе сообщили, что я превратилась в нежить и слоняюсь по кладбищу в полуистлевшем виде, ты бы расстроилась?

– Интересный вопрос, – иронично хмыкнула я и, присев рядом с Забавой, постучала пальцем по губам. Сделав вид, что задумалась, начала загибать пальцы на левой руке: – Ты бы перестала лазать по деревьям, не раздевалась бы перед клиентами, и мне не нужно бы было платить аренду… – Посмотрела на подругу, подмигнула, и когда русалка недовольно насупилась, закончила: – Разумеется, я бы расстроилась! Более того, рванула бы на кладбище и перевернула там всё, чтобы вернуть тебя в нормальное состояние…

– Вот именно! – кивнула русалка и хитро сощурилась: – Кстати, я не уверена, что перестала бы демонстрировать своё прекрасное тело, даже если бы стала нежитью!

– Боюсь, твоё тело уже не было бы таким прекрасным, – прыснула я. – Вспомни Жору! Как эротично он демонстрировал свои белоснежные… кости!

Забава фыркнула, а я рассмеялась.

– А вот Данья спокойно пила чай, – задумчиво продолжила русалка. – А ведь она так беспокоилась о своей подруге, которая попала в лапы некромага…

– Боюсь, что никакой подруги нет, – пожала я плечами. – Данья призналась, что специально заманила даймонию в Тремдиш, чтобы та стала седьмой невестой вместо неё. Тут изначально и не пахнет дружескими чувствами…

– Но чем-то явно попахивает, – не унималась Забава. – Она утверждает, что ведьма из неё так себе, но при этом зелья у неё мощные. Разве так бывает?

Я снова пожала плечами:

– Не знаток по этой части. Вот приедет злая красная птичка, у неё и спросишь. – Вздохнула: – Лично я очень надеюсь, что Данья превосходно варит зелья. Некромаг намекнул, что у него есть противоядие, но я его получу лишь когда…

По спине прокатился могильный холод, и я невольно вздрогнула. Ещё до того, как мы с Генрихом ступили на порог гостиницы, приняла решение, что в самом крайнем случае, если не удастся добыть противоядие, выпрошу его у Севира… не для себя. Спасу институра, даже если самой придётся навеки остаться с некромагом. Лучше нарушу данную Генриху клятву, чем позволю ему умереть из-за меня! Помотала головой, пытаясь избавиться от навязчивых мыслей.

– Мара? – Голос русалки вернул меня к реальности, и я

поспешно улыбнулась, а Забава недоверчиво хмыкнула: – Судя по твоему оскалу, за противоядие маг запросил непомерную цену. Не переживай, Генрих разберёт его, как пазл, по косточкам и добудет зелье совершенно бесплатно! – Она покачнулась на локтях, лицо русалки помрачнело: – А мне жаль девчонок. Жили себе тремдишевские ведьмы, горя не знали, да вдруг превратились в нежить. Тлен, свисающая кожа и чёрные гробы… Жуть какая!

– Да нет, – я скрестила ноги и, почесав затылок, рассеянно произнесла: – Не такая уж и жуть. Глянцевые такие, полировка шикарная, камень не из дешёвых… Чёрные, конечно, но очень даже стильные гробы!

Забава покосилась на меня с удивлением:

– Гробы ей понравились…

А я размышляла о том, почему ночью девушки были красотками, а днём превратились в нежить… И почему Генрих видел в Севире жуткое чудовище, а я синеглазого красавчика. Воздействием «Последнего вдоха» это не объяснишь, слишком разное оно получается. Может, то защитное поле, которое вскрыл Генрих, подействовало на «невест»? Днём, когда поля больше не было, даже Генрих видел Севира красавчиком…

По шее поползли мурашки при мысли о том, что я всегда видела истинное обличие Севира… Значит ли это, что он сам давал такую возможность? Или это способность даймонии? Но если на меня не действовала «маскировка» некромага, то и девушек ночью увидела бы нежитью. Ничего не понимаю! Застонала и обхватила виски ладонями, Забава встревоженно подорвалась с места и осторожно прикоснулась ко мне:

– Тебе плохо? Где болит? Уже яд действует? Что мне делать?

Я подняла лицо и слабо улыбнулась подруге:

– Да что мы можем сделать? Только ждать…

– Ненавижу это! – буркнула русалка. Она уселась на кровать и, болтая ногами, нарочито весело проговорила: – А знаешь… Не думай о плохом! Э… Знаешь, а то дерево, которое растёт в саду у Даньи, просто обалденное! Не как волшебные дубы, но всё же явно непростое. От него так и веет магией!

Я благодарно улыбнулась подруге, которая решила отвлечь меня от грустных мыслей, а Забава продолжала:

– Кора у него гладенькая, словно шёлковая, сидеть на ней – одно удовольствие! – Я невольно рассмеялась, а русалка мелко-мелко закивала: – Точно! Не веришь, сама попробуй! На попе ни единого синяка! Не то, что в нашем парке… Вот сижу я, на луну любуюсь: ветерок обдувает, листья мягко шуршат, ночка замечательная! Жаль только, что никого вокруг, – Данья

говорила, что в Тремдише рано спать ложатся… Глупость какая, да? Опускаю взгляд, а за забором стоит парень и, не отрываясь, смотрит на меня.

Она мечтательно улыбнулась, а я нахмурилась:

– Жора, что ли? Нежить, которая утащила тебя…

– Нет, – Забава покачала головой. – Я не очень его разглядела, но он был в длинном плаще и с повязкой на лице. Невысокий, стройный, глаза яркие…

– Синие?! – с ужасом воскликнула я, но Забава снова помотала головой.

– Зелёные, – медленно ответила она, – хищные такие. Мне показалось, что я где-то видела их раньше… Когда он заметил, что я смотрю на него, бросился прочь быстрее зверя! Жаль, его взгляд меня очень взволновал. Я бы не отказалась, чтобы он любовался на меня каждую ночь!

Я невольно содрогнулась и пробормотала:

– После всех этих разговоров про зверунов мне как-то не по себе.

Забава подскочила на месте:

– А вдруг это и правда зверун? Ты же говорила, что на кладбище тебя привела кошка…

– Тогда огорчу тебя, – мрачно ухмыльнулась я. – Больше ты этих глаз не увидишь. Когда я изливала свою силу, кошка тщательно вылизывалась на крыльце. Уверена, зверуна больше нет в живых! И, кстати, расскажи это Генриху, чтобы он окончательно перестал подозревать Данью.

– И чего ты так защищаешь эту ведьму? – ревниво проворчала Забава, но я хитро сощурилась, и русалка вздохнула: – Ладно, расскажу. – Она немного помолчала и, почесав нос, неуверенно проговорила: – Знаешь, мне не даёт покоя один вопрос…

– Везучая! – расхохоталась я и, утерев выступившие от смеха слёзы, добавила: – Всего один! А у меня в голове их целый рой! – Я поднялась и потрепала обиженную русалку по плечу: – Не дуйся! Что там не даёт тебе покоя?

Забава посмотрела на меня исподлобья, и я вдруг заметила, что щёки её порозовели, а взгляд заметался.

– Я же сидела на дереве. Ну, ты же знаешь, как это происходит, – проговорила она, и я иронично кивнула, понимая, что Забава намекает на своё прекрасное оголённое тело. Русалка вздохнула, и голос её задрожал: – А на кладбище оказалась… одетой!

– О, ужас! – веселилась я. – Позор и пепел на твои блондинистые локоны! Русалка на кладбище и не голая!

Тут же осеклась и прижала ладонь к губам, а Забава мрачно

кивнула.

– Кто-то одел меня, – тихо проговорила она. – И, судя по неуклюжим движениям Жоры, это не мог быть он. Нежить скорее разорвала бы маленький топ, пытаясь натянуть его на меня.

– Может, Жора сопровождал некромага, – пожала я плечами. – Тот занялся Даньей, а Жора стащил тебя с дерева. А когда ведьма ускользнула, маг одел тебя…

– Зачем ему это? – приподняла светлые брови Забава, и голубые глаза её сверкнули: – Не поверю, что он был поражён моей красотой так, что сначала пытался скрыть её под одеждой, а потом и вовсе скрыл меня… в колодце!

– Ты права, – протянула я. – Незачем одевать русалку, если хочешь её утопить…

Лицо Забавы побелело, подруга икнула, а я виновато посмотрела на неё:

– Прости… Но всё же хорошо закончилось.

– Ещё ничего не закончилось, – упрямо возразила Забава и странно покосилась на меня: – Знаешь, когда я об этом думала, казалось не очень важным, но стоило рассказать тебе, как поняла, что дело тут гораздо серьёзнее.

– Что ты имеешь в виду? – приподняла я брови.

– Может, не стоит так уж доверять этой Данье? – звенящим голосом спросила Забава.

– Это что, ревность? – поморщилась я. – Не замечала раньше за тобой подобного…

– Но послушай! – вскочила русалка. Она схватила меня за руку и заглянула в глаза: – Кто ещё мог одеть меня? А вдруг она притворяется?

Я вырвала руку и проворчала:

– Решили же, что Данья не зверун. И при чём здесь твоя одежда?

– Вот именно! – воскликнула Забава, она зашагала по комнате взад-вперёд и отчаянно замахала руками: – Если предположить, что она влюблена в этого мага? Ты же говорила, что он красавчик! Таскала ему зелья, поставляла невест… А тут я – вся такая голая и прекрасная! Конечно, она меня одела прежде чем Жора потащил меня на кладбище.

– А сама с разбегу треснулась о своё дерево и едва живая приползла в гостиницу, – поддакнула я. – К тому же, будь Данья действительно влюблена в некромага, она не стала бы поставлять ему невест, а стала бы ею сама!

– Ха! – Забава остановилась посередине комнаты и победно посмотрела на меня: – Чтобы стать нежитью? Вряд ли она желала такой участи. Нет, Мара, только предположи, что я права… Ведь

всё сходится! Маг спокойно отпустил тебя, зная, что ведьма будет следить за тобой.

– Она согласилась помочь мне, – рассудительно ответила я. – Приготовить противоядие…

– Которое никто из нас распознать не в силах, – перебила меня Забава. – Она умоляюще сложила ладони: – Мара, пусть Аноли проверит зелье! Мне будет как-то спокойнее…

– А мне не будет, – хмыкнула я. – Красная птичка спит и видит, как избавиться от меня. Знаю, что тебе нравится Аноли, но я хранительнице не доверяю. Лучше приму то, что приготовит Данья. – Забава беспомощно уронила руки, а я успокоительно похлопала подругу по плечу: – Не переживай ты так! Скоро прибудет группа зачистки, и от некромага не останется и косточек…

– Думаешь, он сидит на могилке и терпеливо ждёт, когда же его загребёт Комитет? – фыркнула Забава, и у меня неприятно кольнуло в груди. – Не нравится мне всё это… Не просто так Генрих запретил выходить из номера. И почему некромаг так упорно хочет сделать тебя одной из своих невест, а?

– Понятия не имею, – пожала я плечами. – Генрих грозился, что заставит некромага отдать противоядие! Он даже вызвал Олдрика, чтобы хранитель рассказал, каких пыток больше всего боятся неживые маги… – Я осеклась и, порывисто развернувшись, посмотрела на сумку инститора, которая темнела в углу номера. – Почему это здесь?

– Что? – встрепенулась Забава.

– Сумка! – недовольно вскрикнула я. – Все эти жуткие приспособления: чепчики, щипцы, да прочие железки… Инститор взял лишь меч!

Я бросилась к столу, на котором заряжался мой сотовый.

– Ты ждёшь звонка? – подала голос Забава.

Я осторожно отсоединила провод, экран моргнул, и палец заскользил в поисках телефона Олдрика. Когда же он звонил мне? Месяц назад? Зря я не запомнила его номер. Может, этот? Я терпеливо слушала гудки, как что-то щёлкнуло.

– Да? – раздался в трубке женский голос. Я открыла было рот, чтобы извиниться за то, что ошиблась номером, как незнакомка продолжила: – Олдрик сейчас не может ответить, он за рулём. Если у вас что-то срочное, я передам ему…

– Аноли? – удивилась я. – Вы на пути в Тремдиш? Так ты в одной машине с Олдриком? А я думала, ты приедешь в гостиницу, а хранитель присоединится к команде зачистки…

– О! – тон хранительницы изменился, Аноли насмешливо протянула: – Кто же это нам звонит? Сама великая даймония!

Увы, Мара, жаль тебя разочаровывать, но никакой зачистки не предвидится!

– Как это? – опешила я. – Неужели Генрих обманул меня?

– Мара? – Услышала я глухой голос Олдрика: видимо, Аноли включила громкую связь. – К сожалению, Комитет отказал в просьбе выслать в Тремдиш команду зачистки. Джерт настоял на том, что Генрих в силах справиться сам.

Прижала трубку к уху и, кусая губы, жалела, что сразу не позвонила Олдрику. Да, очень зла на хранителя, но возможно Генрих сейчас столкнулся нос к носу с некромагом и пытается добыть противоядие, а другой поддержки ждать не приходится. Мне не верилось, что Олдрик действительно сможет чем-то помочь.

– Мара? – позвал Олдрик. – Ты в гостинице? Та девушка, что обещала приготовить противоядие, ещё не вернулась?

– Ты и об этом знаешь? – удивилась я. – Нет, Данья не пришла.

– А Генрих не звонил? – продолжал допытываться Олдрик. – Он не берёт трубку…

– Он отправился на кладбище, где мы встретили некромага, – дрожа всем телом, сообщила я. – Он сказал, что подвергнет мага пыткам и добудет противоядие, но вещи оставил в гостинице… Олдрик, скажи честно, что он задумал?

В трубке было тихо, и я уже подумала, что связь оборвалась, как услышала глубокий вздох.

– Генрих попытается предотвратить возрождение возлюбленной некромага. Ты наверняка знаешь, что некромаги – однолюбы. Чтобы вернуть женщину к жизни, требуется жертва – сила и смерть семи ведьм. Возлюбленная некромага нарушила правила, и, скорее всего, кто-то из институторов Крамора уничтожил её…

– Она тоже была некромагом? – ахнула я. – А что она натворила?

– Последний отчёт гласил, что женщина пыталась разводить зверунов, – спокойно ответил Олдрик. – Кстати, отчёт написал Ханк. Но после этого института перевели на другое дело, а кого назначили, я не смог выяснить… И Генрих взялся за это скользкое дело.

– Так вот, что за срочное дело Комитета, – протянула я. Стало неприятно, что Генрих сказал мне правду. Так хотелось, чтобы он поехал только для того, чтобы помочь мне. Я мрачно усмехнулась: – Ради которого Генрих и приехал в Тремдиш! Институт не ожидал, что есть ещё один некромаг… А я, дурочка, умолчала об этом.

– Мара, – проговорил Олдрик. – Оставайся на месте! Генрих постарается разделить жертвы, он тянет время, чтобы не дать некромагу провести ритуал возрождения до нашего приезда. Аноли поможет тебе… жди… зо…

В трубке защёлкало, и я прижала сотовый к уху.

– Что? – крикнула я. – Не слышу? Олдрик?

В трубке воцарилась тишина, я посмотрела на экран: сигнала не было. По спине моей побежали мурашки, я с подозрением огляделась. А вдруг в номере есть и другие скрытые камеры? Забава тревожно коснулась моего плеча, но я лишь отмахнулась и поводила сотовым, чтобы поймать связь, но всё было бесполезно.

За дверью раздался шум и заливистый собачий лай. Я недовольно поморщилась: опять шавка той женщины! Скорее всего, кто-то снова наступил на это недоразумение. Лай приближался, и вдруг перешёл в писк, который вырос до визга и вдруг оборвался на самой высокой ноте. До нас донёсся тихий хрип, который тоже вскоре стих. Забава схватила меня за руку, а я замерла, прислушиваясь, но больше не раздавалось ни звука.

Решившись, я осторожно высвободилась из цепких пальчиков русалки и шагнула к двери.

– Мара, – в ужасе прошептала Забава: – Не ходи!

– Я великая и ужасная даймония, – проговорила я себе под нос и, уняв дрожащий подборок, добавила: – Кто не спрятался, я не виновата!

Подошла к двери и несмело прикоснулась к ручке, выдохнула и рывком распахнула её, да тут же отскочила назад, ужаснувшись открывшемуся жуткому виду. Пальцы разжались, сотовый брякнулся на пол. Забава поспешно приблизилась и, ахнув, судорожно вцепилась в мои плечи.

У нашего порога лежала передняя часть мелкой собачки, и на её светлой шерсти алели пятна. Где вторая половина шавки, гадать не пришлось: на пол медленно стекали багровые капли, огибая куски прилипшей к стене плоти. Забава отшатнулась, – русалку вырвало, – а я быстро осмотрела пустынный коридор и присела на корточки. Протянув руку, осторожно прикоснулась кончиками пальцев к пятнам крови на шерсти невезучего животного.

– Это же, – прошептала я, – следы от зубов! Крупный хищник. Возможно, волк.

Тельце под моими пальцами дрогнуло, и глазки-бусинки распахнулись. Я застыла, не веря своим глазам, – собака жива?! – а по запястью скользнуло одинокое тревожное воспоминание. В темном конце коридора раздался странный шорох, а собака, с присвистом выдохнув, вытянула передние лапы, и взгляд её

остекленел.

Не успела прикоснуться к кулону на шее, чтобы отправить туда случайное воспоминание животного, как Забава испуганно пискнула, и я, ощутив рывок за шиворот, села на пол. Русалка, втащив меня в номер, поспешно захлопнула дверь и подпёрла её стулом. Не успокоившись на этом, она придвинула прикроватную тумбу, а сверху зачем-то водрузила спальный мешок инститора. Сотовый мой остался в коридоре.

Русалка выпрямилась и, откинув с лица светлые волосы, удовлетворённо выдохнула. И тут раздался громкий и чёткий стук. Раз-два-три… А затем жуткий женский визг.

***

Я сидела и смотрела на ряд тёмных фигур в плащах: гости сидели прямо на полу, их капюшоны полностью скрывали лица. Забава у порога пыталась привести в чувство повариху, которая лежала рядом с пустой кастрюлей в луже какого-то варева.

– А я говорила, – проворчала Забава, оставив несчастную в покое, – не надо было открывать! У тебя совершенно нет чувства самосохранения! Вот что теперь делать… с этими?

Я снова обвела растерянным взглядом ровный ряд «невест», которые нанесли нам неожиданный визит, и только вздохнула:

– Понятия не имею! Если бы они хоть что-то сказали…

– По мне так пусть лучше молчат, – содрогнулась русалка, и, не думая приближаться, добавила: – И вообще, главное – они не нападают. Уже хорошо!

– Хорошо, – пригорюнилась я. – Только всё равно непонятно…

Раздался стон, и женщина на полу зашевелилась, Забава присела рядом:

– Вы как? В норме?

Я иронично хмыкнула:

– Разумеется в норме! Если бы ты увидела, как любимая собачонка размазана равномерным слоем по стене, а потом ещё и незваные гости окружили… нежно улыбаясь разложившимися губами, то была бы в норме? Не думаю, что в Тремдише подобное зрелище входит в круг достопримечательностей.

Забава пробурчала что-то невразумительное и помогла пострадавшей подняться.

– Интересно, кто убил собаку, – пробормотала я. – И зачем…

– А мне вот ни капли не интересно! – зло заявила русалка. Удерживая мычащую женщину, она покосилась на молчаливых «невест» и проворчала: – Не думаешь, что собачка просто стала ужином для нежити? Ты посмотри, может у них все лица в крови…

С сомнением покосилась на «невест» и осторожно дёрнула капюшон одной из них, но на полуразложившемся подбородке не было ни капли крови. Осмелев, приподняла ткань чуть выше и, встретившись взглядом с нежитью и, отпрянула.

– Странно, – пробормотала я. – Такое ощущение, что они не особо соображают, что происходит. А если так, то постучать в дверь «невесты» не смогли бы. Как и дойти до города. Скорее всего их кто-то привёл… Но кто это мог быть? Некромаг?

Спина похолодела, сердце болезненно сжалось, и я резко обернулась к двери, в страхе увидеть на пороге синеглазого красавца с жутким кинжалом, на котором алела ещё тёплая кровь инститора. Но в дверях, стараясь удержать повариху в вертикальном положении, копошилась русалка, и я медленно выдохнула. Нет! Не так-то просто победить инститора! Но всё же тень сомнения оставалась: судя по высказываниям Генриха, некромаги – не его «конёк». Другое дело – ведьмы! Но эти-то все здесь. Снова осмотрела ряд «невест» и вздохнула:

– Что же делать? Не нравится мне всё это… Генрих собирался удержать нежить на кладбище при помощи магического огня, но «невесты» здесь.

– Может, сбежали, – устало подала голос Забава. Она усадила повариху, которая явно была в шоке, на кровать, и осторожно, готовая в любой момент подорваться с места, подошла ко мне, нерешительно потопталась рядом. – А Генрих сумел удержать лишь некромага…

Я покачала головой:

– Он весьма ловко орудует магическим огнём, Генрих в этом лучший! «Невесты» не смогли бы сбежать… Если только, огонь вышел из-под контроля, и нежити грозило бы сожжение. А этого нельзя допустить до приезда Аноли и группы зачистки… Ох! – Я прижала ладони к губам: – Так зачистки же не будет! Олдрик сказал… – Я подскочила и схватилась за голову: – А Генрих и не знает!

– Думаешь? – с сомнением произнесла Забава.

– Олдрик сказал, он институр отвечает на звонки, – кивнула я. – Джерт, вредина, отказал в помощи!

Забава опасливо покосилась на нежить:

– А что, если предположить, что Генрих знает? Или, во всяком случае, догадывается, зная сволочной характер Джерта, – Я посмотрела на русалку, и сердце забилось быстрее: кажется, нам с подругой пришла одна и та же мысль. Забава медленно проговорила: – Вдруг он специально запер тебя здесь, убедив, что ему ничего не угрожает, только затем, чтобы Аноли успела тебя спасти от яда? А сам, чтобы потянуть время, отвлекает

некромага? Ведь ни мага, ни нежить нельзя убивать, пока ты отравлена, а значит…

Я слабо покачнулась, перед глазами потемнело. Стоило только предположить, что Генрих сейчас позволяет некромагу издеваться над собой для того, чтобы дать мне шанс выжить, как дыхание замерло. Он обещал, что я останусь жить… Но какой ценой?

– Нет, – я покачала головой, – не могу этого позволить!

И сомнамбулой шагнула к двери, но Забава потянула меня за руку:

– Стой! Это всего лишь предположение! К тому же, и Генрих велел тебе оставаться здесь! – Я вырвалась, но русалка снова вцепилась в меня: – Скоро Данья вернётся! Мара, ты забыла, что отравлена?

– Не забыла, – вырвалась я. – И как я сразу обо всём не догадалась? Генрих опять провёл меня. Конечно! С чего бы некромаг так легко меня отпустил? Он догадался, что я могу сопротивляться «последнему дыханию» из-за чувств к Генриху и сначала решил уничтожить инститора, а потом заполучить меня. Генрих, зная об этом, добровольно отправился на кладбище, чтобы выиграть время. Потому и поцеловал! – Я застонала и, сжав кулаки, прошептала: – Не позволю ему умереть из-за меня!

Оттолкнула Забаву и кинулась к двери, но тут, словно чёрт из табакерки, на меня налетела Данья. Она вцепилась в мои руки и завыла:

– Мара, Лежик при смерти!

Сердце ёкнуло, кожа на лице словно помертвела.

– Что? – прошептала я. – Как?!

Данья потянула меня за руки:

– Бежим! Скорее!

Забава перехватила руку ведьмы и быстро спросила:

– А зелье? Противоядие! Ты приготовила его?

– Конечно! Но оно осталось в моём доме, – торопливо закивала Данья и снова потянула меня за руку: – Бежим, иначе инкуб истечёт кровью.

– Где он? – воскликнула я и требовательно тряхнула руку ведьмы: – Что с ним? Почему он истекает кровью?

– Он в моём доме, – быстро проговорила Данья, ведьма буквально подпрыгивала от нетерпения: – Рана оказалась серьёзнее, чем мы думали! А всё тот доктор… Не лечит, а калечит!

Я вырвала руку, бросилась к шкафу, дверцы визгливо скрипнули. Схватив большую белую аптечку, метнулась к двери. Забава побежала было за нами, но я остановила подругу:

– Нет! Ты жди Олдрика и Аноли. Убедись, что у птички есть противоядие и приезжайте на кладбище…

– Зачем? – растерянно моргнула Забава и тут же протестующе воскликнула: – Не останусь я с этими привидениями. Ни за что на свете!

«Невесты», как по команде, поднялись и посеменили к выходу. У Забавы отвисла челюсть, но мне некогда было любоваться на это зрелище, и я побежала следом за Даньей. Та посмотрела на маленькие часики, которые украшали её тонкую руку, и крикнула:

– Поспеши! Скорей…

На улице я на мгновение оглянулась и ахнула: нежить весьма прытко следовала за нами, причём, умудряясь при этом сохранять ровный строй. Прохожие, заметив под развевающимися плащами оголённые кости, шарахались в разные стороны. Раздавались крики, визг и плач. Мы же, сопровождаемые гниющим эскортом, бежали со всех ног.

На ходу я планировала, как помогу брату и из дома Даньи перенесусь на кладбище. Так я убью двух зайцев… вернее спасу. И не зайцев, а своих любимых мужчин. А там, глядишь, Аноли подоспеет с новой порцией зелья, и мои мужчины спасут меня…

Глава 7. Ритуал бессмертия

Улица, на которой расположен дом Даньи, была совершенно пустынной, словно сейчас глубокая ночь. Даже ветер, казалось, боялся шевелить листья гладкоствольного дерева, которое так понравилось Забаве. Проскочив мимо открытых ворот, я метнулась прямиком к входной двери и, распахнув её, быстро осмотрела пустынную комнату. Обернулась и крикнула:

– Где же он?

Данья не ответила: ведьма торопливо тянула на себя второю створку ворот, и когда раздался лязг железа, поспешно повесила большой амбарный замок. «Невесты», словно неприкаянные, топтались вокруг дерева. Данья, откинув с лица мокрые от пота рыжие волосы, посмотрела на меня, и насмешка, таившаяся в её зелёных глазах, мне совсем не понравилась.

– Он под деревом, – заявила Данья, и в голосе ведьмы я не уловила и тени того беспокойства, которое она изо всех сил демонстрировала в гостинице.

Тут я услышала звук упавшей капли, и живот скрутило от дурного предчувствия. Медленно, на негнущихся ногах, спустилась с крыльца. Кап! Бульканье доносилось со стороны дерева, и я, дрожа, посмотрела на блестящий ствол, покрытый различными буквами и знаками. В глаза бросилась свежая вырубка на коре: «С+П-М». Взгляд мой скользнул ниже, и я невольно отметила схожесть с другими надписями. Только в тех, где были три, а не две, буквы, присутствовал знак «минус», и различались между собой они лишь последней буквой… Почему я этого раньше не видела? Ведь что-то меня беспокоило! Но я не стала вникать, а теперь, похоже, поздно.

«Невесты» расступились, и я увидела стоящего на коленях смертельно бледного Лежку. Руки его, увитые живыми корнями, – словно мы вдруг оказались в Дубовой роще, – были разведены в стороны, а тело слегка наклонено вперёд, и из открытой раны медленно сочилась тёмная кровь. Редкие капли падали в широкую чашу. От этой кровавой капели мне стало дурно, аптечка выпала из ослабевшей руки, ноги подкосились, и я рухнула на колени.

– Вот твоё зелье, ведьма, – равнодушно проговорила Данья, и лицо ведьмы в этот момент показалось мне совершенно незнакомым. – Ещё тёпленькое!

– Не могу поверить, – прошептала я, по щекам покатились слёзы. – Почему ты это делаешь?

– Потому что ты глупа и сентиментальна! – самодовольно

заявила Данья.

Она коротко постучала по дереву, и кожу на голове стянуло от ужаса: именно так постучали и в дверь нашего номера. Так это была она? Убила собаку?.. Но зачем?

В ответ на стук, корни дерева зашевелились, отпуская моего несчастного брата, и Лежик безвольно свалился на землю. Данья равнодушно переступила через инкуба и склонилась над чашей.

Я же метнулась к Лежику и с замиранием сердца прижала ладони к его шее: пульс есть! Слабенький… но инкуб жив. Ресницы Лежки задрожали, губы шевельнулись, произнося безмолвное «Мара». Я потянулась было за аптечкой, чтобы заново наложить повязку, но брат вцепился в подол моей футболки, другая рука его исчезла в кармане брюк, но так и не сумев вытащить что-то, Лежка безвольно обмяк.

Поспешно потянула его руку, тонкая кисть выскользнула из кармана, и я увидела сжатый в пальцах инкуба сотовый. Покосилась на Данью, – та, не обращая на меня внимания, осторожно, стараясь не расплескать кровь инкуба, поднимала сосуд, – и приблизила экран к глазам.

«Готов пожертвовать пару литров крови ради сестры? – прочитала я сообщение Генриха, и шея похолодела от страха. – Проводи Данью до её дома и постарайся удержать как можно дольше».

Рука безвольно опустилась: Генрих всё это спланировал? И запретил мне выходить из номера. Но как я могла оставаться там, когда брат в опасности? Сердце заколотилось так сильно, что стало трудно дышать. Я сжала зубы и с ненавистью покосилась на Данью.

– Так ты на самом деле зверун?! – зло проговорила я. – А притворялась ведьмой… Тварь! Генрих сожжёт тебя!

Данья равнодушно покосилась на меня и едва заметно пожала плечами:

– Не думаю. Ты сама убедила инситора, что я простая ведьма. Сейчас он героически сражается с некромагом…

Я хотела выпалить, что инситор не так-то прост, но прикусила губу: лучше промолчать, ведь понятия не имею, что происходит. Похоже, Генрих лишь сделал вид, что поверил Данье. Но для чего?

Покосилась на брата: инкуб прерывисто дышал, бледные губы приоткрыты. В горле защипало, в носу стало мокро: Лежка ради меня добровольно пошёл со зверуном! Я погладила брата по плечу, – держись! – и, подтянув аптечку, вытряхнула содержимое на землю. Прикрепив на рану инкуба повязку, судорожно размышляла, зачем Лежик показал мне сообщение. Может,

пытался намекнуть, чтобы я потянула время? Оказав брату первую помощь, решительно выпрямилась.

– Что ты задумала? – спросила я, наблюдая за тем, как Данья осторожно поливает кровью ствол дерева. Добавила как можно громче: – Я знаю, что та пятнистая кошка – это ты! Что? Уже бросила своего хозяина или ещё прислуживаешь ему?

Данья замерла, – кровь перестала литься на ствол, – и метнула на меня злой взгляд:

– Я никому не прислуживаю! Ещё чего! Лишь подыграла… Меня нагло призвали, чтобы провернуть фокус с воскрешением дохлой подружки. – Она обвела жёстким взглядом «невест» и самодовольно ухмыльнулась: – Слепая любовь! Но некромага ждёт разочарование. Посмертно! А я получу, что хочу. Не зря же я рискнула сунуться в столицу за инкубом. А его сестричка оказалась ведьмой, которая прекрасно подошла на роль седьмой «невесты» некромага. Вот только не учла, что ты такая бестолковая. Едва не убила меня! – Она протянула мне чашу и приказала: – Пей!

Я, сжав зубы, помотала головой. Данья коротко усмехнулась и протянула чашу одной из «невест», та послушно склонилась к сосуду и отхлебнула. Тело нежити мелко затряслось, или у меня зарябило в глазах, но через несколько секунд вместо полуразложившегося трупа перед нами стояла красивая девушка в белоснежном платье. Она медленно поднесла к своим глазам дрожащие руки и нервно рассмеялась, а я недоумевающе посмотрела на Данью.

– Кровь инкуба, – снисходительно пояснила та. – Не знала? А я вот, после того, как попала под воздействие твоей силы и едва унесла лапы, первым делом направилась в гостиницу именно для того, чтобы исцелиться. Лёгкий надрез, и несколько капель полностью излечили меня…

Я зарычала и, сжав кулаки, вскочила на ноги, а Данья обронила, словно невзначай:

– Если уроню это, твой брат точно умрёт. – Я замерла, а Данья протянула сосуд следующей «невесте», и через пару мгновений та превратилась в юную деву. – Когда завершу ритуал, дам ему выпить собственной крови, и инкуб быстро пойдёт на поправку.

– Чушь какая-то, – растерянно пробормотала я. – Да Лежка в обморок падал от одной мысли, что нужно сдать кровь.

– Значит, был в курсе, – фыркнула Данья. – Вот и боялся, что о его тайне станет известно. В своё время инкубы хорошо постарались, чтобы о целительной силе их крови знало как можно меньше людей, иначе их извели бы на лекарства… Или держали в

клетках, как доноров.

Я внимательно посмотрела на девушек, которые перестали быть нежитью: те, словно не веря в происходящее, трогали себя, озирались и как-то странно посмеивались. От их улыбок даже меня бросало в дрожь. Данья напоила шестую «невесту» и приблизилась ко мне.

– Теперь ты веришь, что это и есть зелье, которое спасёт тебя от яда некромага? – спокойно спросила она.

Я с трудом подавила желание выцарапать её зелёные глаза и пожала плечами:

– Да не особо. – Данья приподняла рыжие брови, а я усмехнулась и кивнула на девушек: – Эти были нежитью! А я нет. Вдруг ты снова меня обманешь? Их превратила в людей, а из меня сделаешь чучело костистое! Может, инкубы так охраняют свою кровь, потому что она ядовитая?

– Вот же! – раздражённо проговорила Данья. – Ну хочешь, я сама отхлебну? Увидишь, что я ни в кого не превращусь…

– Ага! – воскликнула я. – Ты же зверун! На вас даже «Последний вдох» не действует. Может, и кровь инкуба тоже.

– И как тебе доказать? – деловито спросила Данья.

Я кивнула на Лежку:

– Напои его!

– Я же сказала, что исцелю твоего брата после того, как завершится ритуал.

– Или исцелишь сейчас, – упрямо заявила я. – Или никакого ритуала не свершится. Ты столько сил потратила, заманивая меня сюда! Значит, выпить это я должна добровольно…

Данья осторожно опустила сосуд на землю и, исподлобья поглядев на меня, поднялась и медленно вытащила из-за пояса небольшой кинжал.

– Будешь пререкаться, ведьма, – прорычала она, – и я прикончу твоего братца!

Она замахнулась, а я, готовясь к прыжку, напрягла всё тело: нужно перехватить Данью так, чтобы закрыть ей веки и откачать столько воспоминаний, сколько успею. Лишь бы не напороться на лезвие. И не рухнуть на едва живого Лежку…

Вдруг что-то чёрное пролетело быстрой тенью, Данья с криком упала на землю, а девчонки слаженно завизжали и сбились в кучу. Я оцепенело наблюдала, как Данья размахивает кинжалом, а рядом с её лицом клацает зубами небольшой чёрный волк.

– Багира?! – воскликнула я.

Зверь на миг отвлёкся от битвы и глянул на меня сверкающими от ярости глазами. Данья, воспользовавшись

моментом, вонзила в шею волка кинжал. Багира, заскулив, бросилась ко мне. Я мгновенно схватилась за рукоять и одним рывком вытащила оружие из раны. Надеясь, что не причинила стражу сильной боли, направила острие в сторону Даньи.

– Ты навредила моему брату и моей подруге, – прошипела я. – Не советую приближаться… Даже если ты не зверун, я убью тебя!

Данья замерла на месте, а я мельком посмотрела на поскуливающую волчицу и прошептала:

– Ты-то откуда взялась? Сильно ранена?

Багира мотнула мордой и, с трудом поднявшись, коротко встряхнулась. Злобно рыкнув в сторону Даньи, она подлезла носом под безвольную руку Лежки, и тот слабо пошевелился. Я быстро посмотрела в сторону запертых ворот: может, Багира приехала с Олдриком и красной птичкой? Значит, помощь на подходе. Постараюсь задержать зверуна как можно дольше…

Не опуская кинжала, попятилась к дереву, осторожно присела и, протянув свободную руку, нашарила сосуд.

– Лежик, – позвала я. Веки брата дрогнули: – Тебе нужно это выпить. Надеюсь, кровь инкуба действительно целебна, и тебе станет лучше…

Протянула сосуд инкубу, и тот, поддерживаемый Багирой, слегка приподнялся и приник бледными губами к краю чаши: по щекам Лежки медленно покатились струйки багровой крови, и я слегка опустила чашу так, чтобы не потерять ни единой драгоценной капли.

Слева что-то шевельнулось, но слишком поздно поняла, что это значит. Когда ощутила, как щиколотки сжали корни, волшебное дерево уже крепко держало меня, а Данья, выхватив сосуд из моих рук, грубо оттолкнула Лежика.

– Пей, ведьма! – приказала она и ткнула чашей мне в лицо.

Я отвернулась и, заметив, как на щеках брата стал проявляться румянец, облегчённо выдохнула: кровь инкуба действительно исцеляет! Посмотрела на Данью и упрямо проговорила:

– Ты не заставишь меня! – И хитро сощурилась: – Но… попробуй переубедить. Расскажи, зачем это нужно, и, возможно, я сделаю, как хочешь.

Поймав себя на том, что копирую манеру речи Генриха, невольно улыбнулась, а Данья нервно передёрнула плечами и зло посмотрела на меня:

– Играешь со мной? Если ждёшь помощи от своего институра, то зря теряешь время! Он и не догадывается, что я задумала. – Она самодовольно улыбнулась и гордо добавила: – Я обвела

вокруг пальца даже некромага! Знаешь, что это?

Она покрутила перед моим носом кинжалом, и по шее побежали мурашки при виде кровавого камня в навершии.

– Так это кинжал некромага! – изумилась я и настороженно посмотрела на Данью: – Ты украла его?

Она улыбнулась и кивнула на сосуд с остатками крови:

– Ты хотела знать, зачем тебе это пить. Обещай, что выпьешь, если я расскажу.

– Обещаю, – серьёзно кивнула я, втайне надеясь, что помощь подоспеет, и мне не придётся пробовать кровь собственного брата.

– Обманешь – зарежу инкуба, – беззлобно предупредила Данья, но мне показалось, что она и сама рада поделиться планами… точнее, похвастаться, как обманула мага. – Как думаешь, зачем некромагу семь невест? Он ведь и не думал жениться ни на одной из вас!

– Это я знаю, – с показным безразличием отмахнулась я. – Он сам сказал.

– Да? – удивилась Данья. – И даже то, что невесты должны были пожертвовать собой ради воскрешения его подружки? – Я промолчала, поскольку о ритуале рассказал мне вовсе не Севир. Данья решила, что я впечатлена новостью и, помахав кинжалом, хитро покосилась на меня: – С помощью вот этого и силы семи ведьм некромаг планировал вернуть к жизни некромагиню… Которую, между прочим, убила я!

Вот тут у меня брови поползли на лоб:

– Убила?! Но зачем?

Данья, довольная произведённым эффектом, кивнула и показала рукой с кинжалом на дерево:

– Как раз для этого. Некромаг убил бы невест одну за другой, чтобы воскресить свою мёртвую любовь, а я воскресила вас одну за другой, чтобы… – Она сделала драматическую паузу и, не отрывая пристального взгляда от моего лица, проникновенно завершила: – Чтобы обрести бессмертие!

Я фыркнула:

– Что за чушь? Бессмертия не существует! Если бы существовала такая полезная вещь, некромаги не умерщвляли бы себя, а жили вечно.

Данья протянула мне чашу и приподняла брови:

– Спорим? Я покажу. Сначала пей, как обещала!

Я тоскливо покосилась в сторону ворот, но ожидаемая помощь так не появилась. Вздохнув, кивнула, и Данья постучала кинжалом по дереву: корни освободили мои запястья, и я приняла из рук зверуна тёплый сосуд. Снова вздохнула,

посмотрела на брата, да едва не выронила чашу: ни Лежки, ни Багиры у дерева не было! Быстро перевела взгляд на кровь и пробормотала, чтобы Данья ничего не заподозрила:

– Никогда не пробовала… Мутит от одного запаха! Как это можно пить?

– Не тяни! – нетерпеливо рявкнула Данья. – Выпей и замкни круг семи ведьм.

Я поднесла сосуд к губам, как ощутила лёгкое дуновение и услышала тихий шёпот:

– Не бойся… пей…

Волосы на голове встали дыбом, руки затряслись. Данья зло сверкнула глазами, а я торопливо произнесла:

– Сейчас-сейчас! Подожди, меня тошнит… Если вырвет, это же испортит ритуал, да? Потерпи, пожалуйста!

Данья нервно топнула ногой, а я осторожно осмотрелась, но кроме испуганных до нервного тика ведьм, во дворе никого не было.

– Придётся прирезать инкуба, – проворчала Данья.

Я поспешно, чтобы она не успела обернуться, крикнула:

– Мне уже лучше! – Спешно соображая, чем же ещё отвлечь зверуна, кивнула на дерево: – Кстати, а зачем все эти знаки? Я всю голову изломала, но никак в толк не возьму… плюсы-минусы, что это значит?

– Так надо, – раздражённо отозвалась Данья. – Пей уже!

Я вздохнула и, поднеся сосуд к губам, сделала вид, что глотаю. Данья шагнула ко мне и, схватив за край сосуда, наклонила так, кровь попала мне в рот. Я едва не захлебнулась от неожиданности и, откашливаясь, да отплёвываясь, прохрипела:

– Ну и гадость! – Вытерла рот и хмуро посмотрела на Данью: – Что дальше?

Данья развернулась и, не отрывая пристального взгляда от ведьм, прерывисто проговорила:

– Всё должно свершиться, когда замкнётся круг семи. – Она раздосадовано топнула ногой: – Почему же ничего не происходит?!

Я пожала плечами:

– Может, ты неправильно что-то сделала. – И кивнула на кинжал: – Кстати, ножичек-то зачем?

Данья вдруг просияла и, хлопнув себя по лбу, торопливо подошла к дереву. Размахнувшись, она вонзила кинжал в кору и с силой провела лезвием по первой надписи с минусом, зачёркивая её. Одна из шести ведьм вдруг вскрикнула и, выгнувшись так, словно через неё пропустили эклектический ток, рухнула на землю. Кожа лица, казалось, омертвела, когда я увидела

голубоватое свечение, которое отделилось от тела девушки и медленно поползло в сторону дерева.

Данья размахнулась второй раз и снова вонзила кинжал в кору, раздался второй вскрик, и другая девушка замертво упала на землю. Я бросилась к зверуну, чтобы остановить это безумие, как вдруг ощутила, что не могу сдвинуться с места, словно меня что-то удерживает. Оглянулась, но за спиной ничего не увидела.

– Что за чертовщина! – рыкнула я и, дёрнувшись изо всех сил, услышала треск ткани. С удивлением посмотрела, как обрывки ткани спланировали на землю, и, покосившись на оголённое плечо, вновь нервно огляделась. – Что же это?!

Тут раздался третий крик, и я вновь бросилась останавливать зверуна, но теперь натянулся подол футболки. Со всей силы ударила в то место, где на ткани образовались странные сборки. С ужасом осознав, что в том месте, где ничего не было, кулак на что-то наткнулся, отшатнулась и, запнувшись за корень, упала, больно ударившись локтем. Не медля, отползла к стайке напуганных до смерти ведьм: в этот момент я ничем от них не отличалась. Когда Данья замахнулась в четвёртый раз, задрожала от ужаса и случайно оперлась ладонью на одну из жертв, – девушка застонала, а я встрепенулась: так она жива! Быстро подползла к другой и похлопала по щекам: веки ведьмы задрожали. Они не погибли! Но что это за голубоватое свечение? От догадки по спине прокатилась волна холода: это же сила ведьмы! Зверун превращает нас, одну за другой, в обычных людей… И в этот момент страх растаял без следа, я медленно поднялась на ноги и крикнула:

– Идиотка! – Посмотрев на зверуна, тихо добавила: – Что же ты молчала? Я бы с удовольствием помогла… Во всём, кроме обескровливания Лежки! Знала бы ты, как я мечтала избавиться от своей чудовищной сущности! Так что… режь!

Воодушевлённая скорой победой Данья, не обращая на меня внимания, замахнулась в пятый раз, а я задумчиво проследила за голубоватым свечением, плывущим к дереву, ветви которого уже напоминали неоновые трубки, – похожими украшают город в праздники, – по стволу сползли волны силы, по виду напоминающие синее пламя. Интересно… Если предположить, что магический огонь – это концентрированная сила, то, значит, институры где-то её хранят. Уж не в мече ли? Тогда становится понятно, почему Генрих так дорожит своим клинком. Я с любопытством покосилась на кинжал некромага: а что же хранится в красном навершии?

Раздался шестой крик, я поспешно прикрыла веки, не желая видеть, как Данья будет резать последнюю надпись. Ясно, что это

моя! Вдруг стало страшно, что могу увидеть силу даймонии, плывущую к дереву… И одновременно было чертовски любопытно, что почувствую, когда сила покинет меня. Будет ли больно?

– Мара…

Тихий голос заставил вздрогнуть, и я распахнула глаза. При виде огромного белого волка, который стоял рядом, оцепенела. Не в силах отвести взгляд от его разноцветных, постоянно меняющихся глаз, изумлённо прошептала:

– Вукула?

Волк, не отрываясь, смотрел на меня, словно боялся пропустить малейшее движение. Я быстро повернулась к дереву: кинжал чиркнул по коре, и в груди моей развернулся вихрь, а боль пронзила всё тело. Казалось, я ощутила даже кончики волос! Мир вокруг заколыхался, будто воздух вокруг внезапно накалился.

– Нет!

От яростного крика вздрогнула, что-то сияющее подлетело к дереву, и я с недоумением уставилась на меч институра, пригвоздивший ладонь Даньи к коре. Кинжал некромага упал на землю, но седьмая надпись уже была перечеркнута. Я вымученно улыбнулась институру, который замер в дверях дома Даньи и, не в силах более терпеть боль, пронзающую меня, упала на колени. Хотелось сказать, что сама хотела этого, но губы не слушались.

Генрих, перепрыгивая ступеньки, бросился ко мне и обнял. Я протянула руку и легонько прикоснулась к кровоподтёку на его левом виске, заметила кровь на разбитых губах. Хотела спросить, что случилось, и снова не смогла выдавить ни звука. Дрожащий туман, который клубился вокруг нас, медленно пополз к дереву, в подножии которого от ужаса и боли поскуливала Данья.

– Мара, – прошептал Генрих и, прижимаясь губами к моему виску, горько добавил: – Ну почему ты никогда не слушаешься?!

Я хотела улыбнуться, сказать, что всё в порядке. Что, несмотря на жуткую боль, испытываю облегчение. Сила даймонии покинула меня, и теперь могу не быть великой и ужасной… Могу стать обычной. Могу просто любить его…

Увидела, как со ступенек, не торопясь, спустился некромаг, и застонала от бессилия, спина вмиг покрылась холодным потом: Генрих в опасности, а я даже предупредить его не в силах!

Некромаг же подошёл к дереву и, склонившись, лениво подхватил с земли свой кинжал. Холодно посмотрев на истекающую кровью Данью, он, поигрывая клинком, приблизился к институру. Я с мольбой посмотрела на Генриха, но тот словно не ощущал опасности. Вукула! В отчаянии мысленно молила

волка, чтобы помог институтору, но волколака рядом не было. Скорее всего, тот мне лишь примерещился…

– Ты был прав, институтор, – глухо проговорил Севир. – Зверун предал меня!

– Выполни свою часть сделки, – прорычал Генрих. Не отрывая от моего лица пристального взгляда, добавил: – Захлопни волчий капкан!

Севир ухмыльнулся и, вытянув руку, большим пальцем нажал на алое навершие кинжала, и воздух заискрился так, словно некто распылил мельчайшие багровые блёстки. Я зачарованно смотрела, как красное сияние окутывает бывших ведьм, зверуна и светящееся синим пламенем дерево. А потом заметила, как в паре шагов от нас возник кровавый фантом огромного волка, и волоски на моих руках встали дыбом.

Вукула, поняв, что его обнаружили, бросился к воротам и мощным рывком перескочил через них… но был тут же отброшен на землю, столкнувшись с чёрной тенью. Сердце замерло: это же Багира! Страж отчаянно вцепился в воздух, и вокруг дерущихся волков взметнулись алые вихри некромагии. На чёрной шкуре Багиры один за другим появлялись раны, и вскоре волк обмяк и, отброшенный волколаком, замер у стены кроваво-чёрной массой.

Вукула, освободившись, вновь бросился к забору, но тут раздался оглушительный взрыв, и сворки ворот распахнулись, словно картонные. Я увидела человека в развевающихся красных одеждах: хранитель взмахнул руками, и волк отлетел на несколько шагов. Я изумлённо смотрела, как вздымается сверкающей пылью магия Севира над невидимым зверем.

– Олдрик, – крикнул Генрих. – Сеть!

Седой хранитель крутанулся на месте, разворачивая широкую серебристую сетку, та взлетела в воздух, и поблёскивающие сталью нити, сталкиваясь с красными искрами, шипели, словно капли воды, соприкасаясь с огнём. Сеть накрыла невидимого волка, вздымаясь над телом Вукулы, а Олдрик бросился к нам:

– Мара! – Он схватил меня за плечи, быстро осмотрел: – Что с тобой? Ты ранена? – Хранитель обернулся к воротам и рявкнул: – Аноли! Противоядие!

– Не нужно, – прошептала я, пытаясь оттолкнуть Олдрика: – Я уже приняла противоядие…

– Интересно какое?

От холодного тона некромага я вздрогнула и, с неприязнью покосившись на Севира, прошипела:

– Кровь инкуба…

Некромаг расхохотался, а Генрих быстро посмотрел на Олдрика:

– Поторопи Аноли!

– Да где же она? – нетерпеливо проговорил хранитель.

Он погладил меня по голове и быстро направился к воротам, а я хмуро посмотрела на инситора:

– Зачем нам Красная птица иллюзий? Вижу, ты подружился с некромагом… – Оттолкнула Генриха и, пытаясь на дрожащих ногах шагнуть к Севиру, зло добавила: – Так попроси противоядие у него! Ты тоже отравлен…

Генрих обнял меня со спины и, прижимаясь ко мне небритой колючей щекой, простонал:

– Я уже принял его, Мара! И передал в гостиницу… где попросил находиться и тебя! Ох, Мара, Мара! Горе моё луковое… Ну почему ты всё время влипаешь в неприятности? – Он обернулся к воротам и скрипнул зубами: – Чёрт побери, Олдрик! Где Аноли?!

Я вырвалась из объятий инситора и, развернувшись, со злостью стукнула его кулаками в грудь:

– Сказала же, что не нужна мне злая птичка! Тем более, если ты уже принял противоядие. Я выпила кровь Лежки! Данья сказала, что кровь инкуба универсальное целительное средство…

Генрих схватил меня за руки и порывисто прижался горячими губами к запястьям.

– Что за чушь?! – высокомерно фыркнул Севир. Он насмешливо покосился на поскуливающего зверуна, пришпиленного к светящемуся неоновым светом дереву, и проговорил сквозь зубы: – С чего она взяла?

Направился к дереву, а я, заметив яркий фингал под правым глазом некромага, перевела взгляд на кровоподтёк на скуле инситора и приподняла брови:

– А что с вашими лицами?

Генрих мрачно ухмыльнулся и, прижав меня к себе, проговорил:

– Так… Мужской разговор. Ты как? Голова кружится? Слабость чувствуешь?

– Есть немного, – кивнула я. – Только не знаю, от яда ли… или от потери силы даймонии. – Я подняла лицо и, всматриваясь в изумрудные глаза Генриха, сурово спросила: – Как ты мог послать моего брата на смерть? Почему это Лежка должен был потерять пару литров крови ради моего спасения?

Генрих подозрительно быстро отвёл взгляд и, делая вид, что заинтересован происходящим у дерева, крикнул:

– Не трогай меч, иначе синий огонь сожжёт и Данью, и тебя. Зверун нужен живым, помнишь?

– А я не нужен? – хмыкнул Севир и холодно добавил: –

Делать мне нечего, как железо институров тягать.

Я ошарашенно смотрела на Генриха: так он действительно никогда не переставал подозревать Данью? Возникло чувство, что меня водили за нос, и я, вырвавшись из объятий института, слабо покачнулась. Генрих протянул руки, чтобы не дать мне упасть, но я лишь отпрянула.

– Не прикасайся ко мне! – резко приказала я. – Что ты за человек такой? Ты вообще, меня ставишь хоть во что-нибудь? Конечно, я всего лишь ведьма… – Я мрачно расхохоталась и поправилась: – А теперь и вовсе никто! Но, если ты знал, что Данья действительно зверун, зачем сделал вид, что поверил мне?

– Прости, – сдержанно ответил Генрих, и по спине моей поползли мурашки, а во рту стало горько. – Так было нужно по делу Комитета…

– Рассказывай! – выкрикнула я. – Что за дело такое?! Выкладывай немедленно!

Институр сжал челюсти так, что по бледным щекам его скользнули желваки. Я яростно сжала кулаки: так и будет молчать?! Услышав шум, бросила короткий взгляд в сторону ворот и оцепенела. При виде едва живого брата всё вылетело из головы. Бросилась к Лежке, которого под руки вели Аноли и Олдрик. Перед глазами всё поплыло от слёз.

– Лежка, – простонала я и, ревниво оттолкнув злобную красную птичку, обняла брата, но, не удержавшись, упала вместе с инкубом.

Аноли выругалась и, присев на корточки, столкнула меня с тела Лежки.

– Ты его добить решила? – грозно спросила она. Порылась в карманах и нехотя протянула мне небольшую колбу: – Пей скорее! А то, судя по синюшным подглазинам и проступившим жилкам, уже вторая стадия отравления. Не умрёшь, но голова будет болеть неделю, не меньше… И это для меня как бальзам на душу!

– Злая ты, – пробурчала я, принимая пузырёк из её тонких пальцев.

– А ты добренькая! – оскалилась Аноли: – Собственного брата едва не убила.

– Да это всё твой драгоценный Генрих! – прошипела я, сжимая противоядие в кулаке. – Век ему не прощу!

Аноли подозрительно довольно улыбнулась и, отвернувшись, быстрым шагом направилась к девушкам. Видимо, Генрих заранее предупредил хранительницу, что сколько бутылочек зелья потребуется. Олдрик положил мне на плечо тёплую ладонь:

– Инкуба не так-то просто убить, Мара… Уж поверь!

– То-то их так мало осталось, – едва переведя дыхание, прохрипела я. – Наверняка перевели из-за целебной кровушки! Не зря Лежка боялся даже анализов!

Олдрик присел рядом со мной и посмотрел на бледного инкуба, на лице хранителя заиграла насмешливая улыбка:

– Это лишь инстинкт, не более… – Он перевёл взгляд на меня и подмигнул: – Скажи, много среди твоих племянников инкубов? – Я открыла рот, чтобы ответить, но передумала, понимая, что все дети – обычные люди, а Олдрик кивнул: – Именно! Не так-то просто родиться инкубом. Отсюда и немногочисленность… Кстати, кровь инкуба целебна не для всех. Она действует лишь на звероподобных… волколаков, например. Об этом узнал Канила, когда загрыз отца Лежки. – Он посмотрел в сторону пошевеливающейся сети: – И рассказал своему сыну…

Я обернулась и при виде алой пыли, очерчивающей контуры крупного животного, нервно сглотнула:

– Я думала, Вукула мне примерещился… Всё это кажется очень странным! – Посмотрела на Олдрика и, сжимая в руке зелье, переспросила: – Так что, кровь Лежки для меня никакое не противоядие?

Хранитель молча выудил из моей руки пузырёк и, откупорив его, приподнял мой подбородок и аккуратно вылил противоядие мне в рот. Проглотив противное зелье, я сплюнула, пытаясь избавиться от горького послевкусия. Олдрик помог мне подняться и, придерживая за плечи, повлёк в сторону дерева. Я с волнением оглянулась, но хранитель мягко проговорил:

– Доверь инкуба заботе Аноли. Она всю дорогу очень переживала … Поверь, Красная птица иллюзий сделает всё, что в её силах, чтобы поставить Лежика на ноги в кратчайшие сроки.

– Это и настораживает, – неохотно буркнула я. – Боюсь, Лежка снова в обморок грохнется, когда увидит её физиономию…

– Не преувеличивай, дочка, – мягко усмехнулся Олдрик. Я вздрогнула и нервно стряхнула руку хранителя со своих плеч. Вздохнув, Олдрик тихо проговорил: – Не злись на Генриха, он не может рассказывать о делах Комитета… даже тебе. Но если бы ты стала его женой…

– Нет уж! – нервно взвилась я. – Ни за что!

– А вот я могу, – тут же отозвался Олдрик, – рассказать своей дочери. Тем более что миссия наша завершена.

Я скрипнула зубами и, едва сдерживая рвущиеся с губ слова, коротко кивнула: желание узнать о загадочном деле Комитета пересилило намерение высказать папочке всё, что я думаю о нашем родстве.

– Прости, что держали тебя в неведении, – тихо проговорил

Олдрик: – Мы были вынуждены. По решению Главы, да и Комитет поддержал единогласно… Генрих был против, но он пока не имеет права голоса, поскольку отдал его исполняющему обязанности.

Я поспешно повернулась к светящемуся дереву, у которого в задумчивых позах застыли институтор и некромаг. Изредка они перебрасывались короткими фразами, смысл которых ускользал от меня, да с интересом разглядывали полуобморочную Данью. От мысли, что Генрих хотел рассказать мне, но не мог, стало тоскливо.

– Джерт! – сердито прошипела я. – Так и норовит пырнуть исподтишка…

Олдрик опустил глаза и, вежливо подхватив меня под локоть, подвёл к волчице, окровавленное тело которой застыло на холодной земле. Сердце невольно сжалось при виде остекленевших глаз зверя.

– Багира, – опускаясь на колени, прошептала я. Протянув дрожащие руки, осторожно прикоснулась к жёсткой шерсти и бросила взволнованный взгляд на Олдрика: – Она же мертва!

– Увы, – вздохнул хранитель. – Это цена предательства. Сработало проклятие стражей. Багира знала, что ей грозит. – Он уселся на землю и положил локти на колени. – Но она всё равно пришла в Комитет, когда Вукула закрыл Дубовую рощу для посещения. Тайком от стаи она снабжала хранителей информацией. Так мы узнали, что Вукула задумал развалить Комитет. Сначала думали, что он хочет объединиться с некромагами, но план волколака оказался гораздо более изощрённым. Он попытался лишить Комитет поддержки последней из даймоний… – Перед глазами поплыли радужные круги. Олдрик сухо кивнул и посмотрел в сторону сияющего силой дерева. – И это у Вукулы почти получилось.

Я потёрла немеющие щёки и пролепетала:

– Почему же почти? Сила покинула меня… Я больше не даймония.

Олдрик покачал головой и грустно улыбнулся, а над нами послышался голос Генриха:

– Последнее – не факт. – Я вздрогнула и вскинула голову: институтор, скрестив руки на груди, мрачно смотрел на тело волчицы. – Вот если бы я опоздал на пару секунд, из дерева вырвался бы синий огонь, зверун сгорел бы без следа, и все усилия пошли бы прахом. Не стало бы ни силы даймонии, ни единственного свидетеля заговора Дубовой рощи! И всё это из-за одной непослушной ведьмы, которой, чёрт побери, не сиделось в номере гостиницы!

Он бросил на меня такой взгляд, внутри всё невольно сжалась, но тут же злость взяла верх, и я, вскочив, упёрла руки в бока.

– Да кто бы смог усидеть на месте, окажись он на моём месте? – саркастично спросила я. – Это ты во всём виноват! Отправил Лежку на верную смерть…

Генрих побледнел, глаза его сверкнули.

– Мы все ходили по грани, Мара, – тихо проговорил он и посмотрел на меня с такой болью, что по спине побежали мурашки: – Но ты и так зашла дальше всех! Я не мог позволить тебе рисковать ещё больше. Как и твой брат!

Я бессильно сжимала и разжимала кулаки, а в голове звенела пустота. Генрих вновь посмотрел на Багиру, злость его мгновенно улетучилась, и инситор грустно улыбнулся:

– А вот насчёт стража я ошибся. Мне казалось, что Багира была верна тебе и Лежику, поэтому я и оставил её охранять гостиницу от зверуна.

– В смысле? – изумилась я. – Разве Багира не с Олдриком приехала?

– Нет, – покачал головой хранитель. – Она увязалась за Вукулой, и мы получили её сообщение о действиях Вукулы в Тремдише. Волколак заманил в ловушку некромагиню и призвал зверуна убить её…

Я невольно оглянулась на Севира: некромаг, не отрывая мрачного взгляда от пошевеливающейся сети, поджал губы.

– Но я просчитался, – продолжил Генрих, и я вновь посмотрела на инситора: – То ли она испугалась проклятия стражей, то ли увязалась за инкубом, к которому питала страсть, но страж покинул пост.

– Нет!

Мы повернулись к Аноли, которая поддерживала покачивающегося Лежика. Инкуб что-то шептал на ухо хранительнице, и она задумчиво кивала в ответ.

– Багира убила зверуна, – наконец произнесла Аноли. – И только после этого покинула пост. Зверун принял вид собаки.

– Данья всегда принимала образ кошки, – ровно прокомментировал Севир. – Возможно, в Тремдише был ещё один зверун… Если вы говорите, что Данью призвал волколак, значит мой призыв не подействовал на неё. Но, возможно, на него откликнулся другой зверь.

Я прижала ладони ко рту, словно воочию наблюдая кровавую сцену в гостинице, когда на нашем пороге обнаружила останки мелкой шавки хозяйки. То короткое воспоминание собаки, которое изъяла перед её смертью… Теперь стали понятны чувства

животного: этот зверун отчаянно защищал меня по приказу Севира! Два охранника подрались между собой и открыли путь реальному врагу! Руки задрожали: я совершенно запуталась, решая, кто же истинный враг!

– Придётся прочесать весь городок, вдруг в Тремдише прячутся и другие звери, – ровно проговорил Олдрик. Он с кряхтением поднялся, повернулся к Генриху и уточнил: – Я так понял, ты здесь пробудешь ещё несколько часов? Могу ли я взять с собой Мару и инкуба, чтобы они отдохнули перед обратной дорогой?

Генрих кивнул, а я недоумевающе посмотрела на инситора:

– Несколько часов? Зачем?.. Или это опять великая тайна Комитета?

Олдрик погладил меня по голове, словно котёнка, и я недовольно выскользнула из-под его руки, а хранитель пояснил:

– Генрих аккумулирует силу ведьм и даймонии в свой меч. Во-первых, это нужно, чтобы освободить зверуна, не уничтожив его, а во-вторых… В Краморе мы постараемся найти выход и вернуть тебе и тем девочкам силу…

– Не надо, – поспешно отступила я. – я теперь обычный человек, и могу жить, как захочу: без лицензий, без интриг инситоров! Так что, меня всё устраивает! Я немедленно забираю брата и Забаву, да возвращаюсь в столицу.

– Я с тобой, – неожиданно проговорил Севир.

Генрих развернулся к нему так резко, что я подумала, что инситор набросится на некромага, но тот остался на месте.

– Это зачем? – вызывающе спросила я.

Севир, недобро улыбаясь, приблизился, и мои плечи невольно напряглись: ничего хорошего от некромага ждать не приходилось.

– Во-первых, – нежно проговорил он, – ты – моя невеста! Печать поцелуя смерти признает даже Комитет…

– Устаревшее правило, – недовольно проворчал Олдрик. – Пора внести изменения!

– Но пока это правило действует, – удовлетворённо подытожил Севир. – Даже противоядие не снимает печать! Я же не оставлю невесту одну в большом городе.

– Так вот эти тоже, – кивнула я на испуганных девиц, которые цеплялись друг за друга, – твои невесты. Но все они в машину не поместятся! Так что, оставайся-ка, женишок, в Тремдише, я тебе лучше письмо напишу, да вложу решение Комитета об отмене поцелуя смерти…

– А во-вторых, – нетерпеливо перебил меня Севир, – ты обещала познакомить меня с другими ведьмами.

– Что? – опешила я. – Когда это? Да и с чего бы мне это делать?

– Ну, – некромаг обвёл ироничным взглядом разгромленный двор, – тут меня постигла неудача. А значит, нужны новые невесты… Ты говорила, что есть сайты знакомств и всё такое. К тому же, зная, как неспешно действует Комитет, в твоих интересах помочь мне: когда я найду семь ведьм, которые помогут мне воскресить мою любовь, ты перестанешь быть моей невестой…

– Мечтай! – вскинулась я. – Во-первых, у меня не брачное агентство! А во-вторых, я не позволю тебе убивать ведьм!

– С чего ты взяла, что я их убью? – удивился Севир.

– Она сказала, – кивнула я на Данью.

Некромаг лишь саркастично покачал головой, а Генрих передёрнул плечами и отрывисто произнёс:

– На том и порешим! Вы выезжаете сейчас: Аноли, вызови машину! Вы с Олдриком отвезёте обвиняемого в Крамор, а я привезу свидетеля сразу, как перекачаю силу из дерева в меч…

– А пострадавшие? – деловито уточнила Аноли, в руке её заблестел сотовый: – Ведьмы останутся с тобой?

– Ну уж нет! – взвилась я и хмуро покосилась на Генриха: – Знаю я! Стоит отвернуться, институтор их всех сожжёт! Мол, они без лицензии…

– Скорее всего, – кивнул Олдрик, но, поймав мой яростный взгляд, поперхнулся и поправился: – Скорее всего, они действительно без лицензии. Но сжигать их никто не будет. Мара, ты преувеличиваешь…

– Преуменьшаю, – топнула я ногой. При мысли, что Генрих останется в компании шести симпатичных девчонок, мне стало очень некомфортно. – Он точно не сдержится! Уж я его знаю…

– Синий огонь не подействует на них, – резко отозвался Генрих. Окинул меня колючим взглядом и добавил: – Как и на тебя. Сейчас вы – обычные люди. Поезжай с некромагом…

– Как тебе не терпится от бывшей невесты избавиться! – крикнула я и, подхватив ухмыляющегося Севира под руку, заявила: – И правильно! Как наживка я уже не нужна, как даймония тоже… Обычные люди?! Да я просто счастлива стать обычной. – Я нетерпеливо потянула некромага за руку: – Идём!

– А инкуб сам доползёт? – иронично уточнил Севир

Щёки опалило жаром: Лежик! За неожиданным приступом ревности я совершенно забыла о брате. Стало так стыдно, что уронила руки. Севир подошёл к трупу стража и вопросительно посмотрел на Генриха:

– Зверь вам не нужен?

Инститор покачал головой. Некромаг вытащил свой кинжал и склонился над Багирой. Я вытянула шею, пытаясь разглядеть, что Севир делает, но подойти ближе не решилась. Через несколько минут волчица шевельнулась, и я невольно отшатнулась, едва не отдавив ногу Олдрику. Багира медленно поднялась и встряхнулась, словно живая, но стеклянные глаза Багиры оставались мертвы. Севир подвёл нежить к Лежику и помог инкубу усесться на зверя верхом. Аноли наблюдала за ними со смесью брезгливости и тревоги на красивом лице.

Севир повернулся ко мне и предложил руку:

– Дорогая?

Я вздрогнула от такого обращения, но, покосившись на каменное выражение лица Генриха, широко улыбнулась и, приблизившись к некромагу, ухватилась за его руку:

– Дорогой?

Не оборачиваясь, последовала в сторону раскуроченных ворот. Справа от меня вышагивал Севир, а слева семенил лапами мёртвый волк, на спине которого покачивался бледный Лежик. На лице брата я с изумлением заметила лукавую улыбку. Инкуб хитро покосился на меня и подмигнул. Щёки мои ожгло, и даже кончики ушей опалило жаром. Я выдернула руку и, на шаг отстав от Севира, с вызовом спросила:

– Что?

– Да вот, – ехидно проговорил Лежик и кивнул в сторону некромага: – Есть кое-какие мысли насчёт него…

Я скрипнула зубами, сдерживаясь, чтобы не отвесить подзатыльник и так едва живому инкубу, как Лежик примирительно добавил:

– Раз ты перестала быть ведьмой, может, нам брачное агентство открыть? Забаве тоже должно понравиться…

– И не мечтай! – погрозила я инкубу. – Вижу насквозь твою ненасытную сущность! Помни, что кредит на дом не погашен, а я практически лишилась работы…

– Так я и предлагаю выход! – Лежик невинно похлопал длинными густыми ресницами. – И денег заработаем, и от этого быстрее избавимся…

– Этот всё слышит, – холодно заметил Севир.

– Ой-ой, – вальяжно отозвался Лежик, а я лишь покачала головой: видимо, прав Олдрик – инкуба не так-то просто убить. – Не хотел тебя обидеть…

– Потому всё ещё едешь, – бесстрастно кивнул Севир.

– Понял, – просто кивнул Лежик. Он погладил чёрную шерсть волчицы и прошептал: – Прости меня…

Севир удовлетворённо кивнул, но я-то знала, что брат и не

думал извиняться перед заносчивым некромагом: Лежик попрощался с Багирой. Эта женщина ворвалась в размеренную жизнь инкуба, перевернула его дом вверх дном, оказалась отвергнутой, но всё равно пожертвовала своей жизнью ради моего брата. По щеке скользнула слеза, и я быстро вытерла её.

Глава 8. Сила семи ведьм

Улицы Тремдиша, заполненные людьми, напоминали волнующийся океан: казалось, все жители покинули свои дома, чтобы насладиться невероятным зрелищем – прогулкой некромага с рыжей невестой в драной футболке, да инкубом верхом на нежити… В руках у каждого или сотовый, или фотоаппарат, со всех сторон сверкали вспышки. Я невольно поморщилась… Впрочем, их можно понять: в глубинке нечасто что-то происходит, а тут зрелище, которое и в столице не каждый день увидишь!

Опустила глаза, попыталась отряхнуться от кладбищенской грязи, да привести в порядок растрёпанные волосы: даже страшно представить, как я сейчас выгляжу… Наверняка, после этого жители Тремдиша и внукам будут рассказывать, какими страшными бывают настоящие столичные ведьмы! Впрочем, я уже не ведьма. Сердце ёкнуло, и я прислушалась к себе: неужели, мне грустно, что сила даймонии покинула меня? Да ни капли! Почему же так неспокойно? И это странное ощущение дискомфорта усиливается с каждым мгновением. Я замерла, Севир обернулся и спросил:

– Что такое?

– Мара! – ахнул Лежик. – Ты так побледнела… Вдруг зелье Аноли не сработало? – Он злобно глянул на некромага: – Ты опять что-то сделал с моей сестрой?

– Нет же, – отмахнулся Севир. – Но я тоже не уверен в зелье хранителя. Думаю, стоит принять то противоядие, которое институтор послал в гостиницу…

– Тихо! – вскрикнула я, ощущая, как кожа на голове оледенела. – Это не яд! Это что-то другое… будто дурное предчувствие!

И тут раздался волчий вой: сильный, надрывный, жуткий… Он, казалось, раздавался со всех сторон. Люди в панике бросились кто куда, послышались крики, испуганный визг нарастал, заглушая детский плач. Сердце забилось так быстро, что дыхание перехватило, а тело бросило в жар. Я прошептала:

– Ох, нет…

И бросилась назад. Чтобы там ни было, это не к добру…

– Мара, стой!

Я проигнорировала крик Лежика, сердце колотилось всё быстрее, а перед глазами вспыхивали кровавые пятна. Вот что это было за чувство – Генрих в опасности! Волки… Откуда бы они ни появились, их много, очень много! Что могут противопоставить

инситор, женщина и старик целой стае? Я всхлипнула и постаралась бежать ещё быстрее…

Воздух впереди словно всколыхнулся, и я инстинктивно бросилась в сторону, и только потом поняла, что это магия Севира, которая помогала инситорам увидеть невидимого Вукулу. Алые искры вновь обрисовали очертания волка, а в призрачной пасти я заметила сникшую тушку разноцветной кошки. Ощутила удар, упала, больно удавившись подбородком, а сверху меня что-то придавило так, что из груди вышибло воздух и, казалось, даже захрустели кости. Я попыталась столкнуть тело, прижимающее меня к асфальту, но услышала шипение Севира:

– Лежи тихо! Ты лишена силы и совершенно беспомощна…

Некромаг вскочил и бросился к волку, в руке Севира сверкнуло лезвие кинжала. Я осталась лежать, но не потому, что так приказал некромаг, а просто потому, что не могла и пошевелиться от страха… От страха за Генриха. Вукула освободился, и Данья тоже. Что же там произошло?

Некромаг отлетел к стене здания, алое марево магии всколыхнулось, тушка кошки безжизненно шмякнулась на асфальт, в паре шагов показался оскал белоснежного волколака. Понимая, что теперь я слабый человек и не смогу противопоставить ничего жестокому зверю, обречённо замерла. Вукула же, словно наслаждаясь беспомощностью жертвы, нападать не спешил. Между нами пролетело что-то чёрное, и мёртвая волчица вцепилась в невидимое горло волколака.

Я кинула короткий взгляд на некромага: тот, воткнув кинжал в землю, стоял на одном колене и, протягивая руку, направлял указательный палец в сторону Вукулы. Севир управляет трупом Багиры, как ранее Жорой? Воспользовавшись тем, что Вукула отвлёкся, я вскочила на ноги и, обогнув дерущихся зверей, бросилась к дому Даньи.

– Мара!

Слабый крик Лежки растаял позади, а я неслась, не чуя ног, ветер срывал со щёк слёзы. Только бы Генрих остался жив! Не смогу жить дальше, зная, что наговорила ему глупостей перед смертью… Да кого я обманываю?! В любом случае не смогу без него жить!

При виде раскуроченных ворот перестала дышать, врезалась в стену, и, пытаясь унять бешено-бьющееся сердце, привалилась к каменной кладке. Возня, звуки и крики, доносившиеся со стороны двора, словно пробудили второе дыхание, и я вбежала в ворота. Первое, что бросилось в глаза – развевающиеся, словно живое пламя, одежды хранителя. Олдрик отчаянно размахивал палкой, сдерживая напор сразу трёх волков, а за его спиной сжались

испуганной кучкой лишившиеся силы ведьмы. Аноли, оседлав одного из волков, яростно кричала, а сумасшедший взгляд зверя, который бросался на своих же сородичей, доказывал, что женщина не зря считается сильнейший гипнотизёром Крамора. Но где же Генрих?

В поисках инситора бросилась к дереву, но бешеный волк, на спине которого восседала наездница с развевающимися чёрными волосами, сбил меня с ног. Ударилась о корень дерева и застонала. В дверях розового дома показался инситор: в руках его сверкали два окровавленных ножа. Заметив меня, он закричал:

– Мара, берегись!

Я обернулась и при виде огромной серой туши, несущейся на меня, дыхание остановилось. Инситор испустил вопль и метнул один из ножей, пытаясь привлечь внимание зверя, но нож пролетел мимо, а волк всё неумолимо приближался ко мне. Я испуганно прижалась к стволу дерева и, перебирая руками, поднялась, пальцы нащупали что-то прохладное.

– Мара, нет!

Но я уже обхватила рукоять меча и, выдернув клинок, выставила его перед собой. В это же мгновение серая туша налетела на меня, лезвие пронзило плоть волка, раздался хлюпающий звук, рукам стало тепло и мокро. Меч опустился под действием тяжести, и мёртвый зверь соскользнул с острия, да замер неподвижной серой кучей у моих ног. Я подняла глаза на инситора: лицо Генриха было белым, изумрудные глаза расширены.

– Мара, – с отчаянием простонал он.

Кончики моих пальцев словно пронзило током, я вскрикнула от боли и попыталась выбросить меч, но не смогла двинуть и мизинцем. Ужас сковал плечи, ноги стали ватными. Я медленно опустила взгляд на светящийся синим пламенем клинок и ахнула: мои руки стали полупрозрачными! Я видела сквозь свои пальцы узоры на рукояти меча так ясно, словно мои руки внезапно стали стеклянными. И самое ужасное, что эта жуткая прозрачность завладевала уже и запястьями!

– Что со мной? – вскрикнула я.

Олдрик оглянулся, и даже Аноли притормозила своего чудовищного «коня», Генрих же не сдвинулся с места, окровавленный нож выпал из его руки и воткнулся в дерево крыльца. Волки вдруг заскулили, словно побитые собаки и, поджав хвосты, бросились наутёк. Все, кроме загипнотизированного. Красная птица иллюзий соскочила на землю и, держась от меня на безопасном расстоянии,

стремительно подошла к институтору.

– Ты знаешь, что происходит? – деловито спросила она, но Генрих покачал головой. Аноли нахмурилась и посмотрела на Олдрика: – А ты?

– Даже не читал о таком, – растерянно проговорил хранитель. – Мара, что ты чувствуешь?

Я обречённо смотрела, как прозрачность медленно ползёт к локтям.

– Пальцы я чувствую, – звенящим голосом ответила я, – но разжать их не получается. Может, синий огонь сжигает меня изнутри?

– Ты не ведьма, – покачала головой Аноли. – И синее пламя не навредит тебе. Оно выжигает силу, а ты лишена её…

– Может, сила даймонии возвращается ко мне? – встрепенулась я.

– Вряд ли, – глухо сказал Генрих. – Сила не воспоминания, так просто не перемещается.

Я с тоской посмотрела на него: институтор бессильно сжимал и разжимал кулаки. Я даже не могла обнять его, порадоваться, что он жив и в безопасности. А вдруг я вся стану прозрачной? А вдруг совсем исчезну, так и не сказав самого главного? По спине прокатилась волна жара, и я поспешно произнесла:

– Генрих, прости мне те гадости, которые я тебе наговорила…

Институтор шагнул вперёд и вытянул руку:

– Мара…

– Стой! – взвизгнула я, и институтор замер. Облегчённо выдохнула и продолжила: – И за то, что не слушалась… и перечила… – Ощутила в горле ком, на глаза навернулись слёзы. Генрих снова шагнул, но я быстро помотала головой: – Не подходи! Не сей прикасаться ко мне! Я рада, что ты жив! Даже, если твоё спасение будет ценой моей жизни, я согласна.

– Ты не умрёшь! – рявкнул Генрих. – Я говорил, что не позволю. – Он резко обернулся к Красной птице иллюзий: – Аноли?

– Не думаю, что смогу помочь, – пожала та плечами. – Сила, которая перетекла из дерева в меч, ведёт себя непредсказуемо… словно живая. Конечно, всё живое можно подвергнуть гипнозу, но я никогда в жизни не пыталась воздействовать на источник магии. И кажется мне, что это бессмысленно…

– Да ты хоть попытайся! – яростно потребовал Генрих.

Я посмотрела на полупрозрачные локти и грустно улыбнулась:

– Во всяком случае, это не больно. Я так боялась синего пламени! Не хотелось бы корчиться в муках. А так я останусь в

твоей памяти красивой, и ты… – Я снова всхлипнула и, стараясь сдержать слёзы, с трудом продолжила: – Помни меня!

Одна из девушек вцепилась в рукав Олдрика и потрясла руку хранителя:

– Что вы стоите? Спасите её!

Я покосилась на отца и горько усмехнулась:

– Он только пакости строить умеет. Ненавижу!

– Мара… – Олдрик побледнел.

– Умирая, жалею лишь о том, что так и не смогла провести ночь с Генрихом! – зло крикнула я и наградила родителя таким взглядом, что Олдрик невольно отступил. Ярость слегка притупила страх перед близкой смертью, и я распалилась ещё сильнее: – Нашёлся папочка и сразу права качать! Как смел ты связать Генриха своим дурацким договором? Видел бы ты, как он страдал от боли, когда целовал меня на кладбище! Ты – мерзкий садист, а не отец! У мужика член стоит, а воспользоваться он им не может…

Аноли прижала ладонь к губам и странно покосилась на застывшего Генриха, а девица, которая держала Олдрика за рукав, густо покраснела и спряталась за хранителем.

– Мара, ты не понимаешь, – пролепетал он.

– И не хочу понимать! – перебила я и прорычала: – Повезло тебе, что сила ушла от меня, иначе ты бы уже был бы мёртв! Ты хоть понимаешь, что лишил счастья собственную дочь? Свадьбу ему подавай!.. – Я осеклась и виновато посмотрела на бледного Генриха: – Знала бы, что так получится, не стала бы сопротивляться этим вашим традициям… Прости! Я люблю тебя.

Девушка за спиной поникшего Олдрика разрыдалась, другие захлюпали носами.

– Страсти какие! – уважительно отозвался невесть откуда взявшийся Севир.

Некромаг с силой ударил меня по запястьям, и меч выпал и воткнулся в землю рядом с трупом волка. Я удивлённо подняла полупрозрачные руки и покрутила ими перед собой:

– Так просто?

– Только не прикасайся к волшебным вещичкам, иначе снова прилепишься, – предупредил некромаг.

– Мара! – Генрих бросился ко мне и, распахнув объятия, нерешительно замер. Покосился на Севира и недовольно спросил: – А её можно трогать?

– Нельзя! – отрезал некромаг и тут же хитро улыбнулся: – Нельзя обнимать чужих невест. – Институр опустил руки и исподлобья посмотрел на Севира. Тот поспешно добавил: – Да можно трогать, можно! Уж и пошутить нельзя…

Я, не выдержав, сама бросилась к Генриху и, обняв его, уткнулась заплаканным лицом в его безрукавку. Генрих крепко прижал меня к себе и, зарывшись лицом в мои волосы, медленно выдохнул: я ощутила, как дрожат его руки. Аноли осторожно прикоснулась к моему полупрозрачному локтю и изумлённо покачала головой.

– Жуть какая…

К нам подошёл Олдрик.

– Некромаг, ты что-нибудь об этом знаешь? – избегая смотреть в мою сторону, спросил он. – Мы не успели запереть силу ведьм в дереве. Возможно ли, чтобы она так преобразилась?

– Сила семи, – кисло улыбнулся Севир. – Магическое число… Я планировал использовать его для обряда, а тот волколак, похоже, надоумил зверуна как извлечь силу из ведьм. Интересно, откуда у него такие знания? Но ещё интереснее, зачем Данья собрала магию в это дерево…

Я отстранилась от Генриха и посмотрела на Севира:

– Она же хотела стать бессмертной! Хвасталась, что как только завершит ритуал, будет жить вечно…

– В истории, – саркастично хмыкнул Генрих, но улыбка тут же сползла с его губ. – Вукула всё рассчитал! Стоило Данье оторваться от последней записи, как сила вырвалось бы, да сожгла синим пламенем самоуверенного зверуна. – Институтор помрачнел ещё больше: – Я успел в последний момент, но всё оказалось напрасно: я потерял и свидетеля, и обвиняемого. Доказать незаконные действия Вукулы будет теперь практически невозможно…

– Но сила-то не сгорела, – подал голос хранитель. – Значит, мы ещё не проиграли.

– А что собственно тут произошло? – лениво полюбопытствовал Севир. – Я видел твоего полумёртвого волка и тушку зверуна, да слышал вой… Эта сумасшедшая девчонка, – он иронично кивнул на меня, – едва не бросилась в пасть зверю, едва оттащил!

– Спасибо, – сухо кивнул Генрих и прижал меня к себе так сильно, что я крякнула от боли в рёбрах. – Мара мастерски притягивает неприятности!

– Поэтому решил добить, чтобы не мучилась? – усмехнулся Севир.

Генрих нехотя разжал руки, и я судорожно вдохнула. Потёрла ноющий бок и зло посмотрела на институтора: лучше бы поцеловал! Я тут в любви прилюдно призналась, а он ёрничает… Но институтор не обратил внимания на моё обиженное пыхтение. Скрестив руки на груди, он не отрывал задумчивого взгляда от

некромага.

– Волки напали неожиданно, и Вукула сумел освободиться, – тихо проговорил он. – Он сразу бросился к зверуну и отгрыз Данье пронзённую мечом руку. Стоило ей оторваться от дерева, как Данья превратилась в безлапую кошку, а кисть, пригвождённая к стволу, мгновенно сгорела. Скорее всего, усилия Вукулы бесполезны, и зверун уже мёртв. К сожалению…

Меня замутило при попытке представить себе процесс отгрызания, и я, чтобы не опозориться, присела на корточки, да сделала вид, что рассматриваю мёртвого волка.

– Действительно, к сожалению, – горько повторил Севир. – Хотелось бы удавить тварь собственными руками. И всё же, план волколака удался не полностью, твой меч удержал основную часть силы в дереве. А если бы седьмая невеста не схватилась за клинок, я, возможно, со временем сумел бы придумать, как обратить процесс, чтобы вернуть даймонии хоть часть сил.

Я сжалась под ироничным взглядом некромага и, опустив глаза, провела полупрозрачной рукой по жёсткой серой шерсти. Неужели, Вукула ненавидит меня настолько, что не поленился призвать зверуна и, погубив с его помощью некромагиню, подстроить в Тремдише такую хитроумную ловушку? И всё из-за того, что я отказалась выходить за него замуж? Я помотала головой: нет! Волколак стремился не убить меня, – это легко можно было сделать и в столице, Вукула же невидим! – а именно лишить силы. И хотел видеть, как это случится! И чтобы я видела…

Тяжело вздохнула и покосилась на мрачного Генриха: если верить институ, Вукула стремится развалить Комитет. И, хотя я всеми фибрами души ненавидела Крамор, всё равно не могла не признать, что без некоторых ограничений в мире может наступить хаос. С другой стороны, как раз ограничения мешают сейчас Генриху. Институ имеет право уничтожить на месте ведьму или зверуна, но волколака без лицензии убить не может. Сначала должен доказать вину Вукулы, но тот сбежал, и даже труп Даньи с собой прихватил…

Я снова провела ладонью по жёсткой серой шерсти мёртвого волка: а этих вот оставил. Почему волки послушно пришли на зов волколака? И что меня так настораживает в звере?

– А он не слишком крупный для обычного волка? – осенило меня. – Если бы я встретила его в столице, скорее бы приняла за сородича Вукулы. Жаль, мёртвого волколака не отличить от мёртвого волка…

– Не думаю, что это волколак, – отозвался Олдрик. – Не дотягивает по реакциям и силе. Но и на обычного волка тоже не

сильно похож!

Аноли потрепала загипнотизированное животное по холке и подмигнула мне:

– Потому-то я не убила этого красавчика, а загипнотизировала…

– Молодец, Аноли, – сдержанно улыбнулся Генрих, и у меня на душе заскреблись кошки: да как он смеет так мило улыбаться другой?! Инститор посмотрел на хранителя и тихо произнёс: – Нам ещё придётся изучить, во что превратился Вукула. Похоже, он может не только менять облик без ножа или меча, но и каким-то образом влияет на зверей.

– Возможно, – кивнул Олдрик. – Судя по информации от Багиры, Вукулу она сопровождала одна. А, значит, подкрепление волколак собрал уже на месте…

Я поднялась и нервно оглядела двор:

– Кстати, а где сама Багира? И Лежик?

Аноли вздрогнула и вцепилась в волка, а Севир пожал плечами:

– Возможно там, где ты их бросила…

– Я бросила?! – взвилась я и исподлобья посмотрела на некромага: – Страж теперь твоя нежить!

– Но инкуб пока ещё жив, – ухмыльнулся Севир. – Не понимаю, чем ты недовольна, моя дорогая невеста.

Я содрогнулась и виновато покосилась на мрачное лицо Генриха: тот рассматривал собственный меч, торчащий из земли. Рядом с институром присел Олдрик, он протянул руку, указывая на что-то, но лезвия касаться избегал.

– Не слушается? – тихо спросил хранитель, и инститор поджал губы. – Это плохо…

Некромаг скрестил руки на груди и, словно сова, слегка склонил голову набок:

– Если ты думаешь, что я оставил твоего брата на растерзание волколаку, то ошибаешься. Зверь не рискнул вступать со мной в личную схватку. Подхватив мёртвого зверуна, Вукула трусливо сбежал.

– Вукула не трус! – вырвалось у меня.

Севир приблизился ко мне вплотную и внимательно посмотрел в глаза:

– Защищаешь волколака? Похоже, Генрих кое о чём умолчал во время нашей битвы… то есть, беседы. Так всё это из-за тебя? Любопытно… Чем же ты так довела этого волка, что он затеял такую сложную игру? И даже не побоялся вовлечь в неё не только непредсказуемого зверуна, но и некромагов?

Я стушевалась, щёки опалило жаром.

– Он мой бывший…

Севир коротко хмыкнул и кивнул на Генриха, всё ещё разглядывающего меч:

– Институр отбил ведьму у волколака?! Забавно… А сейчас твой жених – некромаг. Собираешь коллекцию? И кто будет следующим? Инкуб?

Я поперхнулась и закашлялась, а некромаг тихо рассмеялся.

– Помолчал бы! – оттолкнув Севира, прорычала я. – Твоя персона, между прочим, в этом списке совершенно лишняя! Это магическая помолвка и, даже если она считается официальной, для меня это ничего не значит…

– Как и для меня, – с безразличием пожал плечами Севир. – Ведьмы мне нужны только для того, чтобы воскресить истинную любовь. Ничего личного…

Олдрик поднялся и быстро осмотрел двор.

– А где Аноли? – спросил он.

– Та брюнетка? – уточнил некромаг и пожал плечами: – Вскочила на волка и испарилась…

– Понеслась спасать инкуба, – покачал головой хранитель. – Неисправима!

– Кстати, она замужем? – заинтересовался Севир.

– Кстати, нет! – с воодушевлением отозвалась я.

– Она не подойдёт, – поспешно проговорил Генрих и хитро покосился на меня: – Аноли не ведьма. И, хотя в реестре записи ещё нет, по законам Крамора она жена инкуба.

Я сжала челюсти так, что заныли зубы. С одной стороны, меня обрадовало то, что Генрих считает Аноли замужней женщиной, а другой – я бы не пожелала брату такого «счастья»!

– Нам пора выдвигаться, – заявил Олдрик, он поманил сжавшихся за деревом девчат и добавил: – Представим Комитету пострадавших и некромага. Возможно, нам удастся выбить лицензию.

– Некромаг! – позвал Генрих, и Севир неохотно обернулся: – Посоветуй, как быть с мечом. Я не могу прикоснуться к нему, Олдрик тоже… Но и оставлять клинок здесь нельзя.

Некромаг понимающе кивнул:

– Разумеется! – Севир посмотрел на меня и хитро сощурился: – Есть у меня одна мыслишка.

Я с подозрением покосилась на некромага, – что ещё задумал? – а Севир выудил из кармана чёрные перчатки и протянул мне:

– Выглядят ужасно, но сейчас не до эстетики. Надень и попробуй взять меч.

Я невольно отступила:

– Уже бегу! – Вытянула полупрозрачную руку и сложила из пальцев едва заметную фигу: – Я понимаю, что плохо видно, но поверь, что ответ мой отнюдь не положительный! Я не хочу становиться ведьмой-невидимкой!

– Так ты и не ведьма, – холодно проговорил Севир. Некромаг отвёл мою руку и недовольно покосился на Генриха: – Кажется, я кое-что начинаю понимать! – Он обернулся к институ: – и как с таким характером её до сих пор никто не придушил?

– Не так-то это просто, – весело рассмеялся Генрих.

От злости я топнула ногой и вырвала из рук некромага перчатки. Рывками натянув их, быстро подошла к мечу и схватилась за рукоять.

– Если я стану невидимой, – в упор глядя на институ, прошипела я, – то обещаю, что стану твоим личным привидением!

Но меч оказался в руках, а со мной ничего не произошло. Я подождала с минуту и, беспокойно переминаясь с ноги на ногу, виновато проговорила:

– Кажется, всё в порядке…

– Жаль, – приподнял брови Генрих. – Обломилось мне личное привидение!

Я беспомощно заскрипела зубами, а Севир ехидно усмехнулся:

– Может, стоит начать доверять людям?

– Людям – да, – недовольно буркнула я. – Некромагам – нет! – Вытянула руку и, направив острие меча в сторону груди Севира, сурово добавила: – Ты меня заманил в ловушку, отравил… два раза! Угрожал моим друзьям и напал на моего парня! Доверять тебе смертельно опасно.

– Я бы поспорил, – хмыкнул Севир и прикоснулся к синяку на скуле, – кто на кого напал. Но не будем терять время: дорога дальняя, а дела в столице ожидают до неприятного скучные… Одна мысль о Краморе вызывает тоску!

Я невольно улыбнулась и тепло посмотрела на Севира:

– Сейчас ты вдруг стал не таким уж и противным…

Генрих подхватил меня под локоть и повлёк к воротам.

– У тебя опять галлюцинации, Мара, – недовольно проворчал он. Обернулся к Олдрику и крикнул: – Жди, я пришлю за вами машину!

Хранитель кивнул и помахал нам, а Генрих нетерпеливо потащил меня к алой машине, – наверняка, тачка Аноли! – да усадил на заднее сидение. Некромаг расположился на переднем, а сам институ уселся за руль. Я выдохнула и медленно положила меч на сидение рядом с собой: не прилип!

– Генрих, дай сотовый! – попросила я. – Мой в гостинице остался…

– И тебе бы не помешало оставаться там же, – проворчал инситор и, передавая мне телефон, спросил: – Посмотри, не разряжен?

Зубами стянув перчатку, я схватила сотовый и буркнула:

– Почти… Надеюсь, на один звонок хватит, – набрала Забаву: – Ты как?

– Мара, рыжая твоя башка, – заорала взбешённая русалка, – куда ты провалилась?! Как Лежка? Жив? Я уже вся извелась! И уйти не могу, и остаться не в силах. Думала, с ума сойду! Час назад народ куда-то побежал, вся гостиница опустела… А недавно такая паника началась: постояльцы вернулись и спешно собирают вещи, хозяйка сумасшедшей белкой носится по номерам и лопочет о конце света… Может, нам пора рвать когти из этого чокнутого городка?

– Пора, – согласилась я и быстро проговорила: – Сотовый почти разряжен. Собирай вещи, мы скоро за тобой заедем. Лежка жив, он с Аноли… Что бы ни случилось, злая птичка инкуба в обиду не даст! Всё… Скоро увидимся!

Отключилась и посмотрела, сколько зарядки осталось. При виде мигающего значка молнии, брови мои поползли на лоб.

– Генрих, – сипло проговорила я, – ты не поверишь!

– Что ещё? – обеспокоенно обернулся инситор, быстро осмотрел меня и нетерпеливо рявкнул: – Мара, не тяни! Говори, что случилось.

Я нервно рассмеялась и протянула ему сотовый:

– Кажется, я превратилась во внешний аккумулятор! Сотовый заряжается…

– Реально? – с интересом обернулся Севир. Он покопался в карманах и протянул мне свой смартфон: – И мой заряди, пожалуйста!

– Издеваешься? – вспылила я.

– Дорога дальняя, – пожал плечами некромаг. – Тебе жалко, что ли?

Генрих изумлённо покачал головой, а я цапнула телефон некромага и хмуро покосилась на его затылок. Сумасшедшая мысль пришла мне в голову и я, хихикнув, положила телефоны на колени и, вытянув указательный палец, легонько прикоснулась кончиком ногтя к шее Севира. Ощутив прикосновение, некромаг обернулся:

– Что?

– Не прокатило, – огорчённо выдохнула я и откинулась спиной на сидение. Взяла сотовые и хмуро посмотрела на значки

зарядки: – Лучше бы появилась способность поражать током противника!

– Кровожадная какая, – саркастично отозвался Севир. – Сразу попыталась вырубить меня… Забыла, что я не жив?

– Как раз поэтому и поэкспериментировала, – вызывающе ответила я. – Что тебе терять?

Севир провёл ладонью по волосам:

– Мою идеальную причёску!

Я заметила впереди пару волков и воскликнула:

– Смотрите! Это Лежка… и Аноли.

– Кажется, у них всё в порядке, – весело проговорил Генрих и, быстро оглянувшись, напряжённо добавил: – Не переживай, я заранее попросил Аноли привезти восстановительные зелья для инкуба… – Я хмуро посмотрела на институтора, и он поспешно добавил: – Прости, что подверг твоего брата опасности, но мне было необходимо поймать Данью на месте преступления.

Отвернулась к окну и, сжав челюсти, смотрела, как мягко бегут по улице загипнотизированный волк и мёртвая волчица. Если я сейчас хоть что-то отвечу институтору, мы снова поругаемся.

– Если бы ты оставалась в гостинице, как я и просил, – не унимался Генрих, – Данья от бессилия кусала бы локти в своём поросячьем домике, а Вукула заявился бы на кладбище, где мы с некромагом подготовили для волколака ловушку…

Я опустила голову и всхлипнула: если бы я послушалась Генриха, может, Багира осталась бы жива?

– Но Генрих, – неожиданно вступился за меня Севир, – вины Мары в провале не так уж и много. От ведьмы не зависело появление случайных факторов… – Я удивлённо вскинула голову: от некромага поддержки я ожидала в последнюю очередь. Севир загибал белоснежные пальцы: – Второй неизвестный зверун, уловивший мой призыв. И то, что страж убил собаку, считая её Даньей, на самом деле удача… Иначе ты бы лишился важного свидетеля ещё раньше, к тому же не смог доказать мне, что зверун – предатель и вор. – Он криво усмехнулся: – И тогда я бы не упустил возможности использовать силу ведьм для воскрешения истинной любви…

– А почему не стал этого делать? – сорвалось у меня с языка, но некромаг проигнорировал вопрос.

С подозрением покосилась на затылок Севира. В шаге от исполнения своего плана, некромаг вдруг отступил. Не странно ли это? Или институтор пообещал что-то значительное, или перед Севиром открылась возможность получить нечто большее. По спине поползли мурашки при мысли, что придётся какое-то время провести рядом с этим опасным человеком… нечеловеком…

некромагом!

Генрих притормозил, когда машина поравнялась с парочкой. Аноли остановила своего волка. Институтор вышел из машины и, приблизившись к Красной птице иллюзий, коротко кивнул. Аноли соскользнула с волка, губы её зашевелились, но о чём они говорили, расслышать никак не удавалось. Я распахнула дверь и вылезла из автомобиля, твердя, что хочу лишь убедиться, что брат в порядке. Покосилась на неподвижную волчицу, поспешно отвела взгляд от её стеклянных глаз и натянуто улыбнулась Лежке:

– Ты как?

– Гораздо лучше, – кивнул инкуб.

Я обошла Багиру и, осторожно прикасаясь к чёрной шерсти, на которой ещё остались алые искры, напряжённо прислушалась, но Аноли говорила слишком уж тихо. Брат ехидно проговорил:

– Так приятна забота сестрички!

Я вздрогнула и недовольно посмотрела на инкуба:

– Генрих сказал, что тебя не так просто убить, и я ему верю.

– Я тоже, – невесело усмехнулся Лежик. – Только поэтому и согласился на кровопускание. Ох, Эрос! И как же мне теперь жить? Благословенное неведение в прошлом, и теперь в каждом волке, в каждой кошке я буду видеть потенциальную угрозу…

Я внимательно посмотрела в тёмные глаза брата и тихо спросила:

– Так ты действительно не знал?

Лежик скривился, и мне стало неловко за своё недоверие. Я похлопала инкуба по плечу и, виновато улыбнувшись, вновь посмотрела на институторов.

– Интересно, о чём они говорят? – понимающе спросил Лежик. Я ощутила, как заалели щёки, но упрямо помотала головой. Инкуб ухмыльнулся: – Знаю, что интересно! Аноли рассказала мне. Не понимаю, почему Генрих от тебя скрывает, что…

Подалась вперёд, чтобы не пропустить ни слова, как на плечо легла рука Севира, и я вздрогнула от неожиданности.

– Не стоит совать нос не в свои тайны, – холодно проговорил некромаг, и я зло заскрежетала зубами: сам бы он не лез! Севир погладил загривок Багиры и, вытащив кинжал, прикоснулся алым навершием ко лбу волчицы: – Скорее всего, вы с брюнеткой отправитесь верхом. Чтобы нежить не пострадала в дороге, не давай ей пить.

Лежик кивнул, а я невольно проследила, как из кровавого камня вылетело облако красных искр и, окутав волчицу, осело на чёрной шерсти. Вспомнила, как в воздухе проявились очертания

волколака, и сердце замерло.

– Это действует только на нежить? – напряжённо уточнила я.

– Разумеется, – высокомерно отозвался Севир. – Ты же видела, что магическая пыль не задела никого из живых…

– Но Вукулу оно окутало! – воскликнула я. – Почему? Волколак… умер?

При мысли, что Вукула стал нежитью, мне стало дурно. А вдруг он умер ещё тогда, когда я пыталась спасти его с помощью меча институра? Волколак мёртв, а то, что продолжает ходить в его теле, пытается разрушить систему контроля магии. Кожу на голове стянуло от ужаса…

– Он не жив, – равнодушно ответил Севир. – И не мёртв. Такова участь стражей. Каждый из них умирает, как только прикасается к оружию, в котором заключена душа волколака. Стражи становятся пленниками мёртвой стаи… Всё это очень похоже на то, как появляются некромаги.

От неожиданного откровения некромага я затаила дыхание, и даже разговор Аноли с Генрихом перестал меня волновать, но Севир смолк и понимающе улыбнулся:

– Я не стану раскрывать тайн, Мара… Во всяком случае, сейчас.

– Не больно-то и интересно, – разочарованно фыркнула я, и некромаг иронично покачал головой.

К нам подошёл Генрих:

– Аноли и Лежик отправятся в столицу на волках. – Я покосилась на некромага, но его бледное лицо казалось бесстрастным. Такое ощущение, что Севир легко просчитывает каждый наш шаг, и это настораживало. Генрих продолжал: – Мы забираем Забаву и выезжаем, а Олдрик привезёт ведьм в Крамор…

– Нет! – воскликнула я.

Институр нахмурился:

– Мара, не сейчас…

– Именно сейчас! – горячо возразила я. – Я не дам ведьм в обиду! Только не в Крамор!

– И куда прикажешь их вести? – раздражённо спросил Генрих. – В гостиницу? Это небезопасно.

– А давайте ко мне! – с придыханием предложил Лежик.

– Нет! – рявкнули мы одновременно с Аноли, и инкуб виновато сжался. А я добавила: – Если ты привезёшь в свой дом сразу шестерых девушек, с меня твои жёны скальп снимут! Пусть Олдрик везёт их ко мне…

– В однушку? – хмыкнул Генрих. – Где кухонька с пятачок, и всего полторы тарелки?

– Ничего не полторы, – пробормотала я.

– Добила уже и эти? – иронично уточнил институтор, и я обиженно насупилась.

– Тогда, может, ко мне? – спокойно предложил Севир, и у меня отвисла челюсть.

– А у тебя есть квартира в столице? – заинтересовался Генрих.

– Дом, – скромно ответил некромаг.

– А почему тогда живёшь на кладбище? – полюбопытствовала я.

– Там гораздо комфортнее, – хищно улыбнулся некромаг. – Ближе к земле, к праху…

– Там может, навеки останешься там? – с надеждой спросила я и покосилась на меч, лежащий в машине: – Мы, так уж и быть, поможем… Прах к праху!

Севир широко улыбнулся и подмигнул:

– Если только с тобой… и силой семи ведьм, заключённой в этих прелестных ручках!

Он подхватил мою ладонь и, стянув перчатку, поднёс к своим губам с намерением поцеловать, но Генрих резко хлопнул меня по руке.

– Ай! – Я недовольно потёрла ноющую кисть, но непослушные губы расплывались в улыбке: видеть ревность институтора было чертовски приятно. – Больно же!

– Не позволяй никому трогать тебя за руки, – напряжённо приказал Генрих и, опустив взгляд на мои полупрозрачные ладони, задумчиво добавил: – Неизвестно, как поведёт себя сила…

Улыбка сползла с моих губ: так он не приревновал, а лишь побеспокоился о силе ведьм?

– Если бы я мог испить эту силу, – понимающе проговорил некромаг, – я бы не стал тянуть. – Он протянул мне перчатку и насмешливо покосился на институтора: – Так вы принимаете моё приглашение?

Генрих сухо ответил:

– Нет! Чем скорее мы попадём в Крамор, тем будет лучше для всех.

– Встретимся там, – отрывисто проговорила Аноли. Она посмотрела на Генриха и многозначительно добавила: – Я позвоню Олдрику, предупрежу его…

– Главное, не отступай от плана, – оборвал её Генрих. – И постарайтесь наследить побольше.

Аноли, криво ухмыльнувшись, запрыгнула на волка, и направила его по дороге, а Лежик послушно двинулся следом. Волки ускорили шаг и быстро удалялись, а я не могла понять, что

же меня так тревожит: то, что инкуб беспрекословно отправился с женщиной, которую боится до чёртиков, или то, что Аноли потащила с собой возлюбленного, который только что потерял так много крови? Или то, что я сама так легко отпустила брата? Генрих нетерпеливо потянул меня за локоть:

– Садись!

Я быстро глянула на него и вновь обернулась на слегка сгорбленную спину Лежика: может, остановить его?

– Мара! – рявкнул институр: он уже уселся на водительское сидение и недовольно поглядывал на меня: – Может, решила пробежаться? – Он протянул руку, повернул ключ, взревел мотор. – Тогда до встречи в гостинице!

– Стой! – вскрикнула я и торопливо распахнула дверцу. Усевшись, немного отодвинула меч и спросила: – Что значит «побольше наследить»? Ты что, дал им задание? Опасное? Лежка же едва жив…

Институр не ответил, и я обиженно поджала губы. Севир обернулся ко мне и, внимательно посмотрев мне в глаза, задумчиво проговорил:

– И как тебя угораздило влюбиться в институра, ведьма?

Генрих искоса глянул на него и молча нажал на газ, а я невесело усмехнулась:

– Дня не проходит, чтобы я не задавала себе этот вопрос. Злой рок, не иначе!

Севир тихо рассмеялся и подмигнул:

– Тогда тебе очень повезло стать моей невестой. Есть шанс разорвать мучительные отношения…

Генрих круто повернул руль, направляя автомобиль к серому зданию гостиницы. Казалось, ему не было дела до нашего разговора. Я недовольно посмотрела на его профиль и громко спросила:

– И как же? Я так поняла, что помолвка с некромагом – лишь способ умыкнуть мои силы.

– Конечно, – не стал отпираться Севир и хитро покосился на мрачного, как туча, институра. – Но есть множество других преимуществ от нашего союза…

– Похоже, стоит оставить вас наедине, – сквозь зубы процедил Генрих, он с силой нажал на тормоз, и машина остановилась так резко, что я едва не разбила себе лоб о спинку переднего сидения. – Я схожу за Забавой, а вы продолжайте вашу увлекательную беседу.

Он рванул ручник с такой яростью, что раздался жалобный скрежет, распахнул дверцу и торопливо, словно из огня, выскочил из машины. Севир внимательно проследил, как институр

широкими шагами приблизился к входу в гостиницу, и задумчиво проговорил:

– Судьба жестоко подшутила, соединив такие противоречивые натуры. – Он обернулся и, наблюдая, как я потираю растущую шишку на лбу, добавил: – Никто из вас не уступит другому. Это похоже на полёт связанных птиц, каждая из которых пытается лететь в свою сторону…

– Чушь! – фыркнула я. – Как могут лететь связанные птицы? Они же разобьются!

– Вот именно, – лукаво улыбнулся Севир, и у меня засосало под ложечкой от дурного предчувствия.

– Что же ты задумал? – звенящим голосом спросила я и, схватившись за меч, сурово предупредила: – Настраиваешь меня против Генриха? Или пытаешься подлизываться? Говори честно, некромаг! У меня был жуткий день, и я на взводе…

– Не веришь мне? – в фальшивом удивлении Севир приподнял чёрные брови. – После всего, что между нами было?

– Ни на минуту не поверю тебе, – прорычала я, – именно потому, что между нами произошло! Не понимаю, почему Генрих не сжёг тебя на месте. Что ты пообещал ему? Предупреждаю, если ты задумал гадость, я тебе уши отрежу!

– Гадость? – рассмеялся Севир. Утирая слёзы, выступившие от смеха, некромаг тихо простонал: – Уши-то мои тебе зачем? Уверяю, это не та часть некромага, которую можно использовать в зельях…

– А какие-то части можно? – тут же заинтересовалась я и, сплюнув от злости, рявкнула: – Не уходи от ответа! Что тебе надо?

– Хочу помочь этим несчастным птицам, – мягко ответил Севир. Я нервно сглотнула, а некромаг подался вперёд и быстро прошептал: – Я наблюдал за вами, Мара! Это не любовь… Уж поверь мне, я знаю. Истинная любовь объединяет, мужчина и женщина дополняют друг друга и словно становятся единым целым… Как две связанные птицы с единой целью, они будут быстро лететь в одном направлении. Как моя любимая и я… Мы могли общаться без слов, и у нас не было секретов друг от друга. Всё, что мы делали вместе – удавалось!

От неприятного чувства защемило сердце, а на глаза навернулись слёзы. Я быстро опустила глаза и глубоко вдохнула. Горько признавать, но некромаг абсолютно прав. У Генриха от меня ворох секретов, да и не верит он мне… Да и я отвечаю полной взаимностью!

– Это не любовь, – снова проговорил некромаг, и я сжала кулаки так, что кожа перчаток сморщилась. – Больше похоже на

болезненную одержимость. Тебе больно… Позволь мне помочь.

Я исподлобья посмотрела на Севира и упрямо проговорила:

– Ты действительно думаешь, что я поверю тебе, маг? Ты пытался меня соблазнить, отравить, украсть силу…

Севир поднял руки и, выставив перед собой раскрытые ладони, быстро проговорил:

– Не пытался я тебя соблазнить! Подумаешь, поцеловал… А отравил лишь для того, чтобы не сбежала. Если бы вернулась – получила бы противоядие. Что до силы, так мне кажется, ты больше всех выиграла.

– Чем это? – возмущённо воскликнула я, демонстрируя полупрозрачные руки. – Разве что могу бумажники воровать, да впечатлительных девиц в обморок укладывать!

Севир осторожно провёл указательным пальцем по моему запястью и медленно ответил:

– Это и собирается выяснить институтор, потому и тащит всех в Крамор. Уверен, что Комитет очень заинтересуется твоим случаем…

– Это вряд ли, – не сдержавшись, саркастично хмыкнула я. – Комитет и так мной болезненно озабочен, сильнее заинтересоваться просто нереально! Так и вижу, как Джерт хлопает по жуткому зеркальному столу правой ладонью и под радостный крик комитетчиков приказывает сжечь меня!

Я сжалась на заднем сидении и, пытаясь унять дрожь, обхватила себя руками. Генрих не допустит этого! Но что, если Севир прав, и чувства институтора ко мне – лишь временное помешательство? И в тот момент, когда он поймёт это, то без сомнений сожжёт ведьму? Я помотала головой и произнесла:

– Нет! У меня же лицензия…

Спина похолодела: так она же недействительна! Я утратила способность изымать и внедрять воспоминания, – а именно на это Комитет выдал разрешение! – но в то же время осталась ведьмой: с ненавистью покосилась на свои едва видимые руки. Вот она сила! Неизвестная, а, значит, опасная…

– А если это вырвется и навредит кому-либо? – испуганно прошептала я. – Суда мне не избежать… и синего огня!

– И сбежать ты не успеешь, – поддакнул Севир, и я вскинула на него испуганный взгляд. Некромаг посмотрел мне в глаза и многозначительно добавил: – Позволь мне помочь. Когда связь между вами прервётся, тебе будет проще понять и обуздать свою новую силу… – Он покосился на распахнувшуюся дверь, – появился Генрих, который нёс наши вещи, а следом за институтором вылетела радостная русалка, – и тихо проговорил: – Подумай над моими словами.

Забава мчалась к машине так быстро, что её светлые волосы развевались золотым пламенем. Она подбежала, торопливо распахнула дверцу автомобиля и практически вытащила меня.

– Ты в порядке! – радовалась подруга, обнимая меня так крепко, что я серьёзно забеспокоилась о сохранности рёбер.

– Это ненадолго, – просипела я, – если ты будешь меня так тискать…

– Ой, прости! – Забава отпустила меня и быстро окинула беспокойным взглядом. Заметив полупрозрачные предплечья, она вытаращила глаза: – Что это?!

Испуганно прижала руки к груди и невольно отшатнулась, а я лишь скрипнула зубами: если бы я знала! Но при виде побелевшего лица подруги, обречённо вздохнула:

– Это временно, Забава. Не бери в голову…

Русалка с ненавистью покосилась на Севира:

– Это всё от яда? Тебе больно? Или из-за того, что ты вовремя не приняла противоядие? А как же зелье Аноли? Не подействовало? Ой, у меня же та бутылочка, которую передал тебе Генрих… Да где же она? Ох! Вот, пей!

Когда она сунула мне в руки противоядие, к машине приблизился Генрих.

– Бесполезно, – буркнул он и, не глядя на меня, прошёл мимо, открыл багажник и бросил внутрь сумки.

Забава не сдавалась.

– Пей скорее! – дёргала она меня за плечо, не решаясь прикоснуться к полупрозрачной части руки. – Не слушай его…

– Она и не слушает, – холодно сказал Генрих. Захлопнув крышку багажника, иронично хмыкнул: – Назло всё наоборот делает…

– Потому что хочу помочь! – не сдержавшись, крикнула я.

– А только мешаешь, – пробурчал Генрих.

– Мешаюсь под ногами институров? Так больше не буду! – решилась я. Обернулась к Севиру и нарочито-спокойным тоном проговорила: – Я согласна.

Лицо некромага оставалось спокойным, но глаза его сузились, как у довольного кота. Генрих вздрогнул и схватил меня за предплечье:

– На что согласна?

Я вырвала руку и, окинув институра ледяным взглядом, выпалила:

– Не понимаю, каким боком это касается тебя! – Генрих опёрся руками о крышу автомобиля по обе стороны от моего тела, и я ощутила себя в ловушке, но лишь вздёрнула подбородок. – Ты же не говоришь мне, что тебя связывает с некромагом, так почему

я должна?

– У нас с ним сделка, – прошипел он, не отрывая от меня пристального взгляда.

– У нас… тоже, – пробормотала я.

По спине побежали мурашки: как же Генрих хорош, когда разъярён! Он всегда красив, но в такие моменты сексуален настолько, что у меня невольно дрожат колени. Я, кусая губы, едва сдерживалась, чтобы не прижаться к его губам. Уверенность в том, что некромаг прав, таяла быстрее, чем моё самообладание. И вот, когда я уже вытянула губы трубочкой, Генрих резко оттолкнулся и процедил:

– Делай, что хочешь!

Быстро обогнул автомобиль и сел на водительское сидение. Забава осторожно, пододвинув меч, расположилась на заднем. Я же на ватных ногах с трудом забралась в машину: голова кружилась, а в сердце поселилась тоска. Да, надо разорвать эту болезненную связь!

Глава 9. Новые возможности

Рывок, и я, испуганно сжавшись, распахнула глаза. И тут же зажмурилась от яркого солнца. Забава потянула меня за руку:

– Мара, просыпайся! Приехали.

Я недовольно вырвалась: и откуда в ней столько энергии? Русалка всю дорогу теребила меня, вытаскивая всё новые и новые подробности жуткого приключения в доме зверуна. Мне даже в какой-то момент показалось, что она испытывает от моего рассказа удовольствие едва ли не большее, чем от ночных посиделок на дереве в местном парке. И это пугало сильнее, чем необходимость топать в Крамор и показывать свои странные руки Джерту.

При воспоминании о сероглазом братце Генриха в животе похолодело. Я подняла голову и с изумлением узнала здание, рядом с которым мы остановились. Торопливо толкнула дверцу и, выскочив из автомобиля, обогнула его. Генрих вытаскивал из багажника наши вещи, а Севир равнодушно наблюдал за процессом: похоже, у некромага не возникало и мысли помочь институтору.

Я дёрнула Генриха за край жилетки:

– А почему мы у офиса? Разве ты не хотел отвезти меня в Крамор?

Институтор с силой захлопнул багажник и, едва удостоив меня взглядом, склонился над сумками:

– Не понимаю, чем ты недовольна. Ты же была против визита в Крамор! – В голосе Генриха послышались саркастичные нотки: – Или хотела представить некромагу ещё одного своего бывшего жениха?

Я разозлилась:

– Хорошая мысль! – Покосилась на равнодушного Севира и иронично добавила: – Надо бы список написать, а то начинаю забывать очерёдность…

– Не волнуйся, – рванув сумки, натужно проговорил Генрих. Водрузив ношу на плечо, холодно посмотрел на меня: – Я напомню!

И пошёл к входу, а я лишь зло топнула и повернулась к русалке:

– Жаль, что я лишилась возможности отобрать эти воспоминания!

– Так всё равно с Генрихом бы не получилось, – пожала плечами Забава. – Сама знаешь…

– Почему? – оживился Севир. – На институтора не действует

сила ведьм?

– Так он утверждает, – скривилась я и тут же горделиво выпрямилась: – Но иногда, когда он терял контроль, я могла воздействовать и на Генриха…

– Ага, – хихикнула Забава. – В первом Мара уникальный специалист! Только она способна доводить Генриха до белого каления.

Севир внимательно посмотрел на меня: глаза его сузились, губы сжались. Казалось, он что-то обдумывает. Я пожалела, что не сдержалась и рассказала об этом. Нельзя забывать, что некромаг опасный и непредсказуемый тип, который ещё недавно едва не угробил меня.

– Идём, – весело улыбнулась Забава. Она потащила Севира за рукав, и у меня от удивления пропал дар речи. – Я тебе покажу наш офис! Я секретарь Мары и Генриха, но это так – хобби! А так я…

Они исчезли за дверью, и я уже не могла разобрать слов русалки. Когда это они успели подружиться? Забава что, забыла, что этот гад её в колодец засунул? И почему она стремится наладить отношения с каждой сволочью, которая появляется в нашей жизни? Я подтянула отвисшую челюсть и передёрнула плечами: возможно, пока я спала, Севир сумел найти ключик и к русалке. Что у некромага не отнять – так это способность заключать сделки. Надо бы уточнить у подруги, какую её слабость он использовал.

Уныло потопала по лестнице и, прислушиваясь к голосам, которые доносились сверху, подумала о Генрихе. Возможно, освободившись от мучительного чувства к институ, я вновь обрету спокойствие. А вдруг, после того, как наши отношения закончатся, в сердце останется лишь пустота? Словно пепелище после синего огня… Я упрямо помотала головой: нет, я же пыталась понять Генриха, но достучаться до института сложнее, чем проникнуть в Дубовую рощу! Казалось, чем дольше мы с ним вместе, тем сложнее наши отношения. То он холоден и даже немного жесток, то вдруг говорит такие слова, от которых кружится голова, а сердце трепещет от нежной боли! Я остановилась и, застонав, прижалась разгорячённым лбом к прохладной стене: как же глупо было так сильно влюбиться! Болезненная привязанность…

Совладав с собой, мрачно посмотрела вверх: сейчас-то я полна уверенности, что эти отношения нужно разорвать, но знала, что стоит посмотреть на института, как задрожат колени, тело охватит жар, и я снова засомневаюсь. Поднялась на площадку и замерла у двери, касаясь ручки дрожащими

пальцами. Интересно, если Генрих поднялся в офис только для того, чтобы отнести вещи, почему до сих пор не вышел? Может, он ждёт меня? Сердце дрогнуло, и я отдёрнула руку. Вот бы заглянуть в его голову!

Посмотрела в большое зеркало, которое Забава, обрадовавшись моему исцелению от спектрофобии, не так давно повесила в коридоре, и, заметив, насколько жутко выглядит моя одежда, недовольно нахмурилась. Стянула перчатки, попыталась отряхнуться, поскребла полупрозрачными пальцами кожу на шее, стирая грязь, – оказалось удобно видеть сквозь них! – и, подняв лицо, посмотрела в глаза своему отражению. Спина мгновенно похолодела, а сердце пропустило удар. Руки мои словно сами собой потянулись вперёд, кончики пальцев ощутили прохладу стекла, и мир вокруг будто сковало льдом, – всё вдруг стало ослепительно-белоснежным. Я с ужасом смотрела в зеркало, но себя не видела.

Передо мной стояла Багира в своей второй ипостаси, и глаза чёрной волчицы мерцали огоньком. Неужели она жива?! Но как? Почему?.. Я хотела броситься к ней, сжать мохнатую морду в своих объятиях, но не смогла и с места сдвинуться. В груди растекалось болезненное чувство, и я вдруг услышала голос Генриха:

– Так Вукула сейчас в Тремдише? Ты уверена, что с ним зверун?

Сердце заколотилось так, что стало трудно дышать, но одновременно с этим я легко сделала вдох и выдох так, словно я вдруг стала ощущать сразу два тела. Ноги стали ватными… и в то же время напряглись так, будто я сейчас рвану с места. Ощущения были настолько жуткими и противоречивыми, что мозги просто взрывались. Я бы с удовольствием упала в обморок… если бы смогла. Боль, горечь, страх сжали горло… Генриха?! Я в теле инститора?

Пока я пыталась совладать с собой, Багира сменила ипостась и приблизилась в институру вплотную.

– Да! И этот зверун завлёк некромагиню в ловушку, не думаю, что это было просто. Говорят, некромаги умны и осторожны! Вукула же убил женщину лишь для того, чтобы некромаг решился на ритуал семи невест. То, что Мара поехала в Тремдиш именно сейчас, нельзя назвать простым совпадением…

Сердце Генриха заныло, он сглотнул и, коротко кивнув, схватился за меч:

– Выезжаю немедленно!

– Один?! – ахнула Багира и помотала головой: – Как ты собираешься одолеть некромага, волколака и зверуна в

одиночестве? Комитет…

– В Комитет сообщать нельзя! – сурово произнёс Генрих и горько улыбнулся: – Вукула расставил красивые сети, но если в Тремдиш приедет десяток институров, он может махнуть рукой на все приготовления, и попросту убить Мару! И даже если я успею спасти её… думаешь, Вукула остановится на этом? Следующая ловушка может оказаться коварнее! Нет, я постараюсь воспользоваться ситуацией, чтобы всё прекратить.

– Но как? – взволнованно спросила Багира.

Генрих медленно выдохнул и, успокоив тревожно бьющееся сердце, быстро произнёс:

– Проще всего поймать охотящегося зверя. Когда всё его внимание сосредоточено на жертве, он не заметит, что сам угодил в ловушку.

– А как же Мара? – недовольно уточнила Багира. – Неужели ты позволишь ей стать жертвой? Мне казалось, ты неравнодушен к ведьме…

Генрих судорожно вдохнул, и сердце его защемило так, что у меня на глазах выступили слёзы.

– Тебе не казалось, – глухо ответил институр. Сжал пальцы в кулаки и с трудом улыбнулся. – Я сделаю всё, что в моих силах, чтобы защитить её… – Он иронично хмыкнул: – Если понадобится, конечно. Ты же знаешь Мару! Вукула не мог предусмотреть абсолютно всё. Никто не способен предугадать, что ведьма выкинет в следующий момент. К тому же, она невероятно удачлива…

– На неприятности, – упрямо перебила его Багира. – Она может смешать и твои планы.

Генрих вдруг улыбнулся и кивнул, а я ощутила, как сердце его дрогнуло от нежности.

– Уверен, так и будет, – тихо произнёс он. – Такова Мара… хаос во плоти! Она с лёгкостью разрушит стены, но умудрится запутаться в лёгкой паутине. Вукуле придётся импровизировать, и каждая ошибка волколака будет моим шансом уничтожить его. А для начала я постараюсь договориться с некромагом.

– Что?! – взвилась Багира. – Ты доверишься нежити?

Генрих покачнул головой:

– Некромаги не нежить. По природе своей он, кстати, ближе к стражам. То, что Вукула убил его женщину, первая ошибка волколака, и я не упущу возможность заручиться поддержкой некромага. Не беспокойся, Багира, я знаю его слабое место и у меня есть, что ему предложить.

– А если ты ошибаешься? – звенящим голосом уточнила Багира. – Что, если он не согласится? – Генрих опустил ладонь на

рукоять меча, и это движение не укрылось от внимательного взгляда Багиры. – Убьёшь его без лицензии? Тогда Джерт получит шанс раздавить тебя и навсегда завладеть местом Главы.

– Я готов потерять место Главы и даже свою жизнь, – прошептал Генрих, – но только не Мару…

Я ощутила, что задыхаюсь, а по щекам градом покатились слёзы. Белоснежное марево застилало глаза, и я зажмурилась от нестерпимой рези, а когда подняла взгляд, Багиры перед собой уже не видела, лишь полутёмный коридор и слабо мерцающее зеркало на стене. Тело пробила дрожь, ладони, упирающиеся в пол, вспотели. Когда я упала?

– Что это было? – одними губами прошептала я. Волосы на голове стянуло от холода, я не могла оторвать зачарованного взгляда от гладкой поверхности зеркала. – Я что… увидела воспоминание, даже не вытягивая его?! Генрих…

– Что? – От неожиданности я сжалась и посмотрела снизу вверх на институра: тот прикрыл дверь и, окинув меня колким взглядом, присел на корточки. – Что с тобой? Тебе нехорошо? У тебя лицо белее бумаги. Укачало? Или настолько тошно меня видеть?

Я посмотрела в его изумрудные глаза, и сердце стало биться в два раза быстрее. Он готов отказаться от всего, лишь бы оградить меня от опасности! Готов расстаться с жизнью. А я? Лишь злюсь и делаю его жизнь невыносимой! Не слушаю, огрызаюсь, поступаю наперекор… По щекам вновь покатились крупные слёзы, и я застонала.

– Мара, почему ты не отвечаешь? – Генрих положил тёплые ладони мне на плечи и пытливо заглянул в глаза: – Ты странно ведёшь себя… даже для тебя это странно! Заболела? Скажи, где болит?

Я подняла руку и прижала ладонь к груди.

– Здесь, – с трудом прошептала я. – Здесь болит… Мне стыдно! Ненавижу себя!

– Это что-то новенькое, – растерянно хмыкнул Генрих. – Ну-ка, поднимайся! – Он помог мне встать на ноги, оглядел с ног до головы, пощупал пульс, легко тронул лоб. – Мара, мне срочно нужно в Крамор. Прошу тебя, постарайся дождаться меня в офисе… Я понимаю, что бесполезно тебя просить, ты всё равно сделаешь по-своему. – Он искоса посмотрел на меня и вдруг улыбнулся: – Эх, надо было приказать тебе сбежать! Тогда бы ты точно осталась тут…

Я порывисто прижалась к его груди и всхлипнула:

– Я буду здесь! Обещаю…

Генрих с силой отстранил меня и, с беспокойством заглянув в

глаза, пробормотал:

– Точно заболела! Может, это побочный эффект от яда? Попрошу Аноли сделать ещё зелья.

Я уронила руки и слабо улыбнулась:

– Иди же. Ты говорил, что это срочно…

Генрих коротко кивнул, отпустил меня и, торопливо спускаясь по лестнице, иногда поглядывал в мою сторону. Каждый раз, ловя его пытливый недоверчивый взгляд, я отвечала нежной улыбкой. Когда шаги затихли, я поспешно распахнула дверь и, влетев в офис, быстро огляделась в поисках Забавы.

– Закажи пиццу! – приказала я русалке. – И, пока не попрошу, никого не впускай в мой кабинет! – Присела перед столом секретарши на корточки и, выдвигая один за другим ящики, быстро нашла настольное зеркало. Посмотрела на озадаченную Забаву снизу вверх и улыбнулась: – И сама не входи.

Не удостоив и взгляда застывшего у окна некромага, бегом направилась в свой кабинет. Заперев дверь, быстро подошла к своему столу, аккуратно водрузила на него свою ношу и плюхнулась на стул. Положив руки по обе стороны от зеркала, прикрыла глаза и медленно выдохнула. Если моя догадка верна, то теперь я могу заглядывать в головы людей, не вытягивая воспоминания… Всего лишь нужно коснуться пальцами зеркала!

Сердце колотилось, как бешеное, в горле пощипывало от напряжения, а пальцы дрожали. Я нервно скинула вторую перчатку, посмотрела на свои полупрозрачные руки, грудь сдавило от сомнения: а что, если это не так? Что, если видение, которое меня посетило, лишь плод воображения? Раньше я пропускала воспоминания через себя, но при этом меня почти не оставалось, словно ныряла в чужую жизнь, на время теряя собственную. В этот раз всё было по-другому: я оставалась собой и одновременно была сразу кем-то ещё. Ощущения очень разные, первое – словно сон, второе – жуткое ощущение раздвоения личности.

Я сжала зубы и решительно посмотрела на зеркало, пока избегая встречаться взглядом со своим отражением: ну что же, есть только один способ проверить!

Больше всего меня сейчас интересовало, какую сделку заключил институтор с некромагом. Почему тот согласился отступить от вожделенного воскрешения своей подруги и поехал в столицу, которую так ненавидел? В видении Багира сказала, что некромаги умны и осторожны, а значит, Генрих предложил Севиру нечто особенное. Что же это? Что может для некромага важнее истинной любви?

Сердце билось так быстро, что шумело в ушах, дыхание стало

прерывистым, а щёки начали гореть. Я медленно протянула руку к зеркалу и, мягко прикоснувшись к стеклу кончиками пальцев, встретилась взглядом со своим отражением:

– Хочу заглянуть в воспоминания некромага…

Уже знакомое белоснежное марево заволокло мир вокруг так, словно я внезапно оказалась в центре снежной бури, глаза пронзала колючая боль, будто ледяные крошки действительно летели мне в лицо. Дыхание остановилось, тело похолодело, я умерла на миг, но тут же осознала, что это иное тело. Меня окутали ощущения Севира. Так вот, что значит «ни жив, ни мёртв»! Жуть какая…

Я подняла лицо и уставилась на Генриха: инситор тяжело дышит, тело его напряжено, руки выставлены вперёд, кулаки сжаты. Миг, и он, словно кобра, совершил рывок. Сердце ёкнуло, я замерла в ожидании сокрушительного удара. Но Севир, в теле которого я находилась, успел поднырнуть под руку инситора и, резко выбросив кулак, ударил Генриха по лицу. Тот отшатнулся и, вытерев кровь с губ тыльной стороной руки, криво ухмыльнулся:

– Один-один.

Севир отступил на шаг и покосился на меч, который холодно сверкал на одной из могил:

– Не понимаю, к чему эти танцы, инситор. Ты мог просто убить меня…

Генрих осторожно шагнул в сторону и оказался между некромагом и своим мечом, чтобы не дать Севиру шанса завладеть оружием.

– Знаешь же, что у меня нет на это лицензии, – неприветливо проговорил он. – К тому же, у меня к тебе деловое предложение. Поговорим?

Севир с деланным равнодушием отвернулся от меча и, присев на соседнюю могилу, осторожно прикоснулся к ноющему виску, посмотрел на свои окровавленные пальцы и усмехнулся:

– Так мы уже беседуем… с полчаса уже.

Генрих, вытерев пот со лба, тоже присел на могилу и, посмотрев на собеседника, приподнял правую бровь:

– Данья предала тебя.

Сердце Севира замерло на миг, и он отрицательно покачнул головой:

– Невозможно! Зверуны инстинктивно подчиняются некромагам…

Генрих, сузив глаза, холодно улыбнулся.

– Потому что признают их мёртвую силу. Но что, если найдётся тот, чья сила превзойдёт твою, и он призовёт Данью?

Думаешь, зверун останется верен?

Севир сжал края могильной плиты так, что на землю посыпалась каменная крошка.

– И кто же у нас такой сильный? – насмешливо уточнил он. – Институры не обладают магией, а та столичная ведьма уже доказала свою бестолковость…

– Это она умеет, – не сдержался Генрих, и я с замиранием сердца заметила, как его лицо озарила нежная, так редко появляющаяся, улыбка. Но в следующий миг институр уже твёрдо смотрел в глаза некромагу: – Что, если эта тварь тебе неизвестна? В прошлом волколак, он подвергся жестокому гипнозу и, потеряв в этом мире всё, что было ему дорого, прошёл обряд стражей, но возродился кем-то иным: могущественным, опасным, сильным и… мёртвым. Ничего не напоминает?

Севир вздрогнул и поспешно скрестил руки на груди, чтобы скрыть тревогу. Обряд посвящения некромага, жестокий и кровавый, промелькнул перед его внутренним взором, и я ощутила, как зашевелились волосы на голове, а сердце замерло. Ещё никогда, даже пропуская через себя воспоминания самых жутких убийств, я не испытывала такого всепоглощающего ужаса. Не в силах выдержать даже миг, я отпрянула… и упала на пол. Дрожащими руками обхватила голову и сквозь мутную пелену увидела очертания своего кабинета. С усилием отогнала страшное воспоминание и откинулась на спину. Уставившись в белый потолок, попыталась взять себя в руки. Голова гудела так, словно превратилась в улей, а зубы стучали, будто я решила немного посидеть в холодильнике.

С трудом приподнялась и ухватилась за край стола. Избегая смотреть в сторону зеркала, поднялась на ноги и, тяжело опираясь о стену, с усилием вдохнула: лёгкие разрывались от боли, словно я нахлебалась воды. Откашливаясь, двинулась к выходу, замерла у двери, – слабые пальцы никак не могли совладать с ключом, – и медленно открыла её.

– Мара! – воскликнула Забава. – Что случилось? Ты выглядишь хуже нежити…

– Спасибо за комплимент, – скривилась я и повернулась к окну.

Севир до сих пор стоял там. Скрестив руки на груди, он с интересом рассматривал меня, словно желая вынести свой вердикт о верности высказывания русалки. Забава подлетела ко мне и, схватив за руки, взволнованно произнесла:

– Да у тебя руки как лёд! – Она резко повернулась к некромагу: – Это могут быть последствия от яда?

Тот задумчиво покачал головой:

– Раньше подобного не было. – Приподнял брови и медленно проговорил: – Очевидно, что Мара преобразилась… даже взгляд другой. Не скажу, что мне это нравится. Может, из-за силы семи ведьм?

Он кивнул на мои полупрозрачные руки, а я посмотрела на Севира и, вспомнив жуткую картину посвящения, неосознанно содрогнулась. Взглянув мне в глаза, некромаг вдруг изменился в лице и рявкнул:

– Кем ты себя возомнила, ведьма?

Забава изумлённо обернулась, а Севир едва ли не бегом приблизился ко мне: глаза его горели яростью, а рот перекосился. Некромаг толкнул меня, припечатывая к стене, и прошипел:

– Не смей жалеть меня!

Я смотрела на него снизу вверх и понимала, что жизнь моя висит на волоске, но в сердце не было ни тени страха. Так, будто его воспоминание о ритуале посвящения выжгло из меня это чувство. С помощью Севира я на миг заглянула за таинственный порог и теперь не боялась смерти. Казалось, некромаг ощущает моё состояние кожей, и это бесит его с каждым мгновением всё больше.

На шее сомкнулись холодные жёсткие пальцы, и Забава испуганно вцепилась в руки Севира.

– Пусти её!

Она пыталась оттащить от меня некромага, но тот словно и не заметил её усилий. Приблизившись нос к носу, он прорычал:

– Кто дал тебе право так смотреть на некромага?!

Ощущая, как растёт боль в горле, как разрываются в спазме лёгкие, я умудрялась оставаться спокойной. Но, понимая, что некромаг действительно может придушить меня сейчас, я прохрипела:

– Виски…

От изумления пальцы Севира слегка расслабились, и я повторила уже громче:

– Виски! Забава, тащи скорее виски… И стаканы.

Ярость начала угасать во взоре некромага, Севир усмехнулся и отпустил меня. Забава, убедившись, что я свободна, побежала в мой кабинет, и тут раздался стук в дверь.

– Доставка пиццы!

– А вот и закусь, – нарочито весело добавила я и, желая оказаться как можно дальше от некромага, пошатываясь, направилась к выходу.

На пороге стоял улыбающийся розовощёкий юноша, но при виде меня лицо его вытянулось. Я вспомнила о сомнительном комплименте Забавы, что выгляжу как нежить, и хлопнула

ладонью по лбу: надо было подождать русалку! Взгляд курьера остановился на моей руке, сквозь которую он мог видеть и лоб, и рыжую чёлку, и щёки его побелели, а объёмная сумка выпала из ослабевших рук. Я поспешно завела руки за спину и спросила:

– Сколько с меня?

Парень вздрогнул, втянул голову в плечи и, медленно пятясь, промычал нечто невразумительное. К нам подошёл Севир и, положив руку на рукоять кинжала, мрачно посмотрел на курьера:

– Что ты застыл, как нежить?

При виде некромага парень побелел ещё больше и, наткнувшись бедром на перила, взвизгнул и опрометью бросился вниз по лестнице. Я печально покачала головой и недовольно покосилась на Севира:

– Ну и зачем было так пугать мальчика? Я даже не успела ему заплатить.

– И что? – безразлично пожал плечами маг. – Какие проблемы?

– Ну, конечно! – саркастично хмыкнула я. – Ты же на кладбище жил! Откуда тебе знать, что за доставку платить надо?

Севир повернулся и с улыбкой посмотрел на меня.

– Какие проблемы? – иронично повторил он и слегка приподнял брови: – Оплати онлайн. Картой!

Я недовольно поджала губы и, втянув сумку с пиццей в офис, с силой хлопнула дверью.

– Интересно, – проворчала я себе под нос, – как часто он себе пиццу на кладбище заказывал…

Из моего кабинета выглянула Забава: в руках она держала две початые бутылки, а в зубах пластиковые стаканчики. Не обращая внимания на моё ворчание, она оперативно расставила всё это на своём столе и, сдвинув в сторону бумаги, вырвала из моих рук сумку. Когда русалка открыла её, светлые брови девушки сошлись на переносице:

– Я заказывала три… А тут шесть! И почему курьер оставил свою сумку?

– Сказал, чтобы сами потом привезли, – криво усмехнулась я, – вместе с деньгами.

– У тебя налички нет? – без особого интереса уточнила девушка и, принюхиваясь, добавила: – Разумеется, чего спрашивать! Когда она у тебя была-то?

Я недовольно цокнула языком и, схватив бутылку, быстро разлила остаток спиртного по стаканам. Подняв свой «бокал», торжественно произнесла:

– За полный провал нашего дела!

– Ты не права, – улыбнулась Забава, разрезая пиццу

канцелярским ножом.

– Не права? – фыркнула я. – Денег так и не получили, командировочных потратили кучу! Вернулись с новым гаремом и… – я хмуро покосилась на некромага: – Одним весьма странным субъектом!

– Мы же выжили! – пожала плечами русалка.

– Ага, – я мрачно посмотрела на стаканчик сквозь свои пальцы: – Местами…

Севир, не обращая на нас внимания, тем временем выпил виски одним глотком. Поморщился:

– Ну и гадость!

Подхватил вторую бутылку и, вылив все остатки, вновь наполнил свой стакан, да тут же опрокинул содержимое себе в рот. Смятый пластик захрустел в его длинных пальцах, и Севир скривился:

– Ещё хуже. Чем можно запить эту низкопробную мерзость?

– Закуси лучше, – кивнула я на пиццу и сама сделала большой глоток: да нормальный вискарь.

Забава медленно, мелкими глоточками, отпила из своего стакана и проговорила:

– Десятилетка же… А он нос воротит. Что же обычно пьют некромаги?

– Яд, – саркастично хмыкнула я и покосилась на Севира, который, вытянув шею, высматривал что-то в отодвинутых ящиках секретарского стола.

– Да уж лучше яд, – проворчал он и, выуживая из ящика небольшую бутылочку, добавил: – Привкус такой противный, что едой не перебьёшь, нужно смыть… Думаю, это подойдёт!

Откупорив, он сделал несколько торопливых глотков. Я внимательно посмотрела на бутылочку и спросила русалку:

– Не просроченная водичка? Хотя, какая разница тому, кто живёт на кладбище…

Забава обернулась и, заметив в руках Севира бутылочку, вздрогнула и выронила пластиковый стаканчик.

– Не пей! – крикнула она.

– А что? – ощущая, как от виски, выпитого на голодный желудок, уже зашумело в голове, я хихикнула: – Козлёночком станет?

Но Севир опустил уже опустошённую бутылку, и Забава мрачно ответила:

– Примерно. – Она многозначительно посмотрела на меня и добавила: – Это то самое зелье, которым я по просьбе Аноли пыталась напоить Лежика…

Я вздрогнула и резко повернулась к некромагу:

– О, нет! – С ужасом отмечая, что взгляд Севира слегка изменился, с надеждой произнесла: – Надеюсь, на некромагов любовное зелье не действует.

Я искренне полагала, что это так, ведь Севир спокойно пил яд и без последствий вдыхал дурманящий аромат тех жёлтых цветов, но некромаг шумно застонал и потёр грудь.

– Какое-то странное ощущение… – пробормотал он. – Тепло и тревожно.

– Не надейся, – нервно хохотнула Забава. – Кажется, у Аноли новый поклонник! Жаль… А я уже размечталась о жутком свидании с некромагом!

Севир развернулся, зачем-то подбежал к окну, развернулся, посмотрел на нас, и я изумлённо покачала головой, наблюдая на его бледном красивом лице мягкую улыбку. По спине поползли мурашки:

– Он меня пугает…

Некромаг схватился за голову и с шумом вдохнул. Мы с Забавой встревоженно смотрели, как он мечется по приёмной. Севир резко остановился посреди комнаты и, вытаращив глаза, громко застонал. Забава задумчиво покрутила пустую бутылочку:

– Может, у него передоз? Мне рекомендовали добавлять чайную ложку на стакан воды…

Севир подпрыгнул на месте и, страшно закричав, бросился к выходу, по пути едва не столкнув русалку: та едва успела отпрыгнуть в сторону. Бутылка покатилась по полу, распахнутая дверь брякнулась о стену и, заскрипев, тоскливо повисла на одной петле. Некромага же и след простыл. Я, резко протрезвев, присела на корточки и задумчиво посмотрела на пустую бутылочку:

– Интересно, а Вукулу таким приёмом можно вырубить? – Криво усмехнулась и добавила: – Всех послать к Аноли, и пусть злая птичка сама разбирается…

Забава потянула меня за руку:

– Мара, что же нам делать? Может, стоит его догнать? Кто знает, что некромаг натворит с передоза-то…

Я окинула секретаршу рассеянным взглядом и пожала плечами:

– Можешь попробовать, конечно, но он умчался так, словно у него выросли крылья… Можно сказать, некромаг улетел на крыльях любви!

– Ты ещё смеёшься? – взволнованно воскликнула Забава.

– Плакать начнём, когда вернётся Генрих, – мрачно хмыкнула я. И тяжело вздохнула: – Эх, я так и не смогла понять, что же за сделка между ними, но ясно одно: некромаг нужен Комитету, и

инситор каким-то образом убедил его сотрудничать. Как бы из-за этого треклятого любовного зелья не рухнули планы Генриха…

– А с каких пор тебя стали заботить планы институтов? – удивлённо отозвалась Забава: – С чего вдруг такая перемена?

Я, ощутив прилив энтузиазма, схватила листы бумаги и, разложив их на полу, уселась, скрестив ноги. На одном написала своё имя.

– Мара, – прочитала заинтригованная Забава и, присев напротив, с любопытством спросила: – И что?

Я разместила листок между нами и задумчиво проговорила:

– Как бы то ни было, я эпицентр всего этого безумия. – Написав на другом листе имя волколака, сдвинула бумагу влево: – Вукула был моим парнем, а теперь стал тем, кто хочет лишить меня силы… ну или жизни.

Лицо русалки побелело:

– Думаешь? Но он же не убил тебя в Тремдише, хотя не раз мог это сделать.

Я неприязненно поёжилась:

– Возможно, он хотел сначала меня унизить. Но этот изощрённый план, чтобы лишить меня силы, не сработал… – Я осеклась и, поглядев на свои руки, поправилась: – Частично сработал.

– Нет! – уверенно махнула рукой Забава: – Ты же не считаешь, что Вукула мог тебя убить? Мара, он любит тебя!

– Любил, – раздражённо отмахнулась я. – Ты и сама знаешь, что от любви до ненависти один шаг, а у Вукулы их было множество. Я много чего натворила, часто делала ему больно, так что не удивительно, что он жаждет самой изощрённой мести. Он сам в нашу последнюю встречу сказал, что стал моим врагом. Но я не поверила… А зря! – Я горько усмехнулась и, схватив ещё один листок, вывела имя погибшего стража. – Багира осталась в Дубовой роще, но только для того, чтобы шпионить за Вукулой. Обо всём она докладывала Генриху…

– Откуда ты знаешь? – ахнула Забава, русалка склонилась ко мне и прошептала: – Генрих раскололся?

– Дождёшься от него! – фыркнула я и тут же прикусила язык: пока я сама не разобралась со своей новой способностью, о ней нельзя говорить даже Забаве! – Э… Кое-кто другой мне рассказал. Не важно! – Я положила лист между своим именем и волколаком. – Главное, инситор узнал, что Вукула готовит мне ловушку в Тремдише, и бросился меня спасать. – Ощутив прилив нежности, я невольно вздохнула: – Эх, если бы он сразу рассказал мне обо всём, то я…

– Не поверила бы ни единому слову, – авторитетно заявила

Забава. Она окинула меня насмешливым взглядом и покачала головой: – Мара, ты сама только что сказала, что признала в Вукуле врага лишь после случая в Тремдише. Увидев, так сказать, всё собственными глазами. Ты бы стала обвинять Генриха в том, что он наговаривает на твоего бывшего, вывалила бы на инститора тысячу обвинений и наломала бы дров!

– Будто я и без этого не наломала, – мрачно буркнула я и, помотав головой, продолжила: – Итак, Генрих приехал в Тремдиш, но вёл себя тихо и аккуратно вызнавал обо всём, а Багира прикрывала меня. – Я вывела на новом листе имя зверуна и, держа его в руках, помрачнела: – Данья… Зверун предал некромага потому, что Вукула превратился в нечто посильнее мёртвого мага. Но Вукуле Данья была не нужна. Её миссия была лишь в том, чтобы заманить меня в ловушку, заставить отдать силу, и сгореть в синем пламени, спрятав все концы в воду…

Я рассеянно улыбнулась и положила листок в сторону.

– Вукула убил её, да?

– Возможно, – я пожала плечами. – Я видела лишь тушку кошки в пасти волка. Мертва ли она? А может, без чувств или притворялась, – не могу утверждать. Ясно только, что у неё теперь нет руки. – Я положила новый лист и вывела имя брата Генриха. – Джерт спит и видит, как остаться на месте Главы навсегда. Он так рвался занять то чудовищное зеркальное кресло, и, оказавшись в нём, стремится оставить всё, как есть… Раньше разглагольствовал о прогнившей системе, а теперь яростно поддерживает её.

Забава поджала губы и осуждающе покачала головой, а я двинула листок в правую сторону и вздохнула. Разглядывая эту «схему», думала о том, насколько же непросто Генриху вертеться в этом аду… особенно, если учесть, что я тоже добавляю масла в огонь.

– Так что всё это значит? – нетерпеливо спросила русалка. Она провела рукой над листами и пытливо посмотрела на меня: – Вукула жаждет мести, а Джерт закрывает глаза на нарушения?

– Думаю, всё сложнее, – медленно проговорила я. – Вукула лишил меня силы, а не жизни. И, если предположить, что он и не собирался меня убивать, а лишь хотел уничтожить последнюю из даймоний, то… – Я встрепенулась: – Знаешь, у меня в голове постоянно крутится одна фраза. «Комитет – это лишь организация. И, как любую организацию, её можно изменить». Сказал ли её Вукула? Не могу точно вспомнить. Но если это его слова, то… – Я, покусывая нижнюю губу, ещё раз пробежалась взглядом по именам и, подхватив последний, написала на нём имя некромага. Положив лист на пол между именами Главы

Комитета и его брата, закончила свою мысль: – То он вознамерился разрушить Комитет! Первая часть – лишить инститоров такого козыря, как даймония, и для этого использовал некромага…

– Не знал, что у ведьмы ещё и мозги есть!

Услышав насмешливый голос Генриха, я вздрогнула и хмуро посмотрела на стоящего в дверях инститора. Хотела ответить на его издёвку привычной колкостью, но, вспомнив то, что прочувствовала не так давно через зеркало, сдержалась. Генрих не стремился меня унизить или оскорбить, теперь я понимала это. Сказанное – своеобразный корявый комплимент. Увы, для моего сурового избранника даже это требовало немалых усилий, ведь наши отношения, по сути, его первые.

– Ты ещё многого обо мне не знаешь, инститор! – буркнула я.

– Уверен в этом, – искренне ответил Генрих, выразительно посмотрел на болтающуюся на одной петле дверь и спросил: – Но сейчас мне хотелось бы узнать, кто взял штурмом наш офис…

– Скорее, вырвался на свободу, – невольно рассмеялась я и, ощущая волнение, переспросила: – Так мои размышления верны?

Генрих подошёл к нам и, присев на корточки, с удовольствием рассмотрел разложенные листы с именами. Протянул руку и ткнул пальцем в один из них: прямоугольный ноготь Генриха царапнул имя Джерта.

– Точнее, чем у него, – вздохнул инститор и хитро покосился на меня: – И когда ты успела поумнеть? Похоже, что вместе с силой тремдишевских ведьм, к тебе перешли и их мозги…

Я возмущённо вскрикнула и ткнула его кулаком в бок так, что инститор, не удержавшись, уселся на пол и рассмеялся. Забава, не обращая внимания на наши выкрутасы, подхватила листок, который я положила последним.

– А это кто? Э… о… – Она щурилась и моргала, словно из тёмного помещения вышла на залитую солнечными лучами улицу. – Вроде понимаю, что буквы знакомые, но в слово они не складываются, словно абракадабра какая-то!

– Это истинное имя некромага, – ответила я. – После того, как стала его невестой, оно возникло в голове, но произнести его так ни разу и не смогла. Написать получилось, но, похоже, никто, кроме меня, не может это прочесть… То есть, меня и ещё шести невезучих девчат из Тремдиша. – Обернулась к Генриху и спросила: – Кстати, как они? И где?..

– Они с Олдриком, – отстранённо ответил инститор. Я заметила, что его взгляд его прикован к листу в руках Забавы. Он требовательно протянул руку, и русалка отдала Генриху бумагу, которую тот спешно сложил несколько раз и сунул в карман. – В

городском доме Аноли.

Я удивлённо воззрилась на инститора:

– Ты же торопился отвезти их в Крамор! Почему передумал?

– Пришлось на ходу менять план, – хмуро ответил он.

Подхватил ручку и нарисовал на листе со своим именем ещё несколько, среди которых я увидела Аноли, Олдрика и Ханка.

– Те, кому ты можешь доверять, – прокомментировал Генрих, и, когда я недовольно скривилась, внимательно посмотрел на меня: – Какие бы отношения не связывали тебя с этими людьми, они никогда не пойдут против Комитета. Но многие институры, и даже некоторые хранители, как попугайчики повторяют каждое слово Джерта. Ужесточают получение лицензий, увеличивают взносы… А потом искренне удивляются, почему нелегальных ведьм становится всё больше, как и работы у институров. Им уже некогда заниматься порядком применения магической силы. Расследовать крупные преступления попросту некому: институры в мыле гоняются за слабенькими, но юркими знахарками!

Генрих написал на листе с именем Джерта несколько имён и вздохнул:

– Самые ярые и непробиваемые! Чтобы показать им последствия, я хотел предоставить доказательства неправильной политики Комитета…

– В смысле? – я растерянно моргнула: – Что может доказать этим индюкам кучка перепуганных бывших ведьм?

Институр ткнул пальцем в имя Вукулы и мрачно произнёс:

– То, что в столице растёт оппозиция, и чем больше будет недовольных, тем быстрее Комитет прекратит своё существование.

– Не понимаю! – раздражённо воскликнула я.

– Я поспешил с выводом о твоих умственных способностях, – саркастично ухмыльнулся Генрих, и я едва сдержалась, чтобы не запустить в него бутылочкой из-под любовного зелья. Но улыбка быстро исчезла с его лица, и институр сурово спросил: – Как ты думаешь, к кому идут те, кто не смог получить лицензию и вынужден ежедневно рисковать своей жизнью?

Спина похолодела: до меня, наконец, дошло, что Генрих имеет в виду.

– Всего лишь организация, – прошептала я и быстро посмотрела на институра. – Пришло время перемен! Это точно слова Вукулы. Стражи охраняли чужие тайны, а теперь они охраняют тех, кто остался без лицензии.

– Хотите сказать, – пролепетала бледная Забава, – что в Дубовой роще собирается армия недовольных Комитетом ведьм?

– Не только ведьм, – серьёзно кивнул Генрих. Он пристально

посмотрел на меня и проговорил: – Я получил сообщение от Ханка, что уже прошёл слух об исчезновении силы у последней из даймоний. Сначала, я хотел отвезти тебя и девушек в Крамор, собрать Комитет и, предоставив доказательства, раскрыть хранителям коварный план Вукулы, но потом передумал.

– Почему? – опередила меня Забава.

– Потому что это длинный путь, который может как укрепить Комитет, так и окончательно его развалить. Я подумал, что проще и быстрее дать Вукуле надавить на хранителей и, когда он будет уверен, что победа за ним, поймать волколака!

– Проще всего поймать охотящегося зверя, когда всё его внимание сосредоточено на жертве, – хитро проговорила я, и у Генриха на лице появилось растерянное выражение: – Он не заметит, что сам угодил в ловушку. – Невинно похлопала ресницами и мягко спросила: – Правильно поняла?

Институтор коротко кивнул, но взгляд его стал колючим, и я, поёжившись, пожалела о своей выходке.

– Раз слух распространился в Краморе, – задумчиво проговорила Забава, – значит, кто-то из институторов уже на стороне Вукулы. Привези ты Мару, это сразу стало бы известно в Дубовой роще, так?

Генрих сухо кивнул, а я потёрла гудящие виски и уточнила:

– Так значит, нам остаётся только ждать, что произойдёт? Но если Вукула действительно рискнёт напасть на Крамор? Он ведь может потребовать голосования за новый Комитет и, некоторые институторы поддержат волколака. Он даже может стать новым Главой!

– Скорее, он попытается стереть Крамор с лица земли, – усмехнулся Генрих. – Уничтожить всю систему лицензирования.

– Полное отсутствие контроля, – пробормотала я. – С одной стороны – мечта! С другой – беспредел и хаос… – Я подняла глаза и, с надеждой взирая на институтора, спросила: – Ты же не допустишь этого?

– Разумеется, – мягко улыбнулся Генрих и серьёзно добавил: – Главное заманить Вукулу на территорию Крамора, и там убить.

– Но у тебя нет лицензии, – воскликнула я и вновь прижала руки к губам, проклиная свою несдержанность: Генрих может догадаться о моих новых способностях, и тогда не смогу помочь, поскольку институтор не допустит, чтобы я использовала свою силу без лицензии. – Так ведь? Ты говорил, Джерт почти перестал их выдавать.

– Правильно, – отозвался Генрих, и я облегчённо выдохнула: кажется, на этот раз он ничего не заметил. – В этот момент в игру

вступит наш некромаг! Я обещал, что он собственноручно прикончит Вукулу. – Институтор жёстко ухмыльнулся: – Некромагу не требуется лицензии. Он утолит свою жажду мести и заодно спасёт Комитет…

– Идеальный план! – восхищённо выдохнула Забава.

Генрих огляделся:

– А где наш будущий герой?

– Э, – протянула я, ощущая, как вспыхнули щёки.

– Улетел! – Ответила за меня русалка, и брови Генриха поползли на лоб, а Забава торжественно добавила: – На крыльях любви!

Генрих оглянулся на дверь и понимающе усмехнулся:

– Что ещё ожидать от ведьмы? – Генрих перевёл взгляд на меня, и улыбка его стала натянутой, а взгляд колючим: – Чем же ты его так напугала? Потребовала немедленного исполнения обязанностей жениха?

– Генрих! – возмущённо воскликнула Забава.

Институтор перевёл взгляд на русалку, и она сжалась и побледнела так, словно тот окатил её холодной водой.

– Я прекрасно знаю, какая Мара невоздержанная. Раз не удалось оседлать меня, так переключилась на некромага. Он же идеальный вариант! Жених без права жениться.

Едва сдерживая ярость, я изо всех сил сжала зубы. О! Как хотелось всё высказать Генриху! А лучше, – огреть бы чем-нибудь потяжелее… Если бы не горечь в его словах. Сердце дрогнуло, и я спрятала горящее лицо в ладонях. Похоже, отказом выйти замуж обидела его сильнее, чем могла представить. Эти пропахшие нафталином ритуалы казались совершенно излишними, но для институторов, которым с детства прививались подобные ценности, они были необходимостью. Отказ же был сродни разрыву отношений. Да ещё этот треклятый договор с Олдриком! Как же Генриху было больно и горько…

От осознания вины на глазах выступили слёзы. И в то же время я была зла на себя и свою новую возможность: если бы не эти проклятые руки, никогда бы не ощутила то, что испытывает институтор! Оставалась бы в беззаботном неведении и творила бы что хотела…

Не поднимая лица, невесело усмехнулась: похоже, с этого момента нам обоим придётся учиться отношениям заново. Мне стоит больше доверять Генриху, чтобы он, ощутив это, перестал осыпать меня словесными колючками, а ему, похоже, предстоит понять, что со своей любимой девушкой надо общаться нежнее… и вообще, надо общаться! Делиться планами, чувствами, – даже страхами! – а не пытаться оградить от всего на свете, выдавая

колючую проволоку ограничений за искреннюю заботу.

Молчание затянулось, и Забава осторожно притронулась к моему плечу:

– Мара? – Голос русалки стал сварливым, когда она проговорила: – Генрих, зачем ты так? Доволен? Довёл-таки Мару до слёз…

– До слёз? – растерянно отозвался институр. – Разве Мара умеет плакать?

– Она что, по-твоему, железная? – взвилась Забава. – А ну, извиняйся!

Ощутив лёгкое прикосновение к макушке, я медленно подняла глаза на институра, осторожно отвела его руку и тепло улыбнулась:

– Ух ты! Даже не за шиворот… Не ожидала, Генрих, что ты можешь быть настолько ласковым. Постарайся запомнить это: девушкам гораздо больше нравится, когда их гладят, нежели когда пытаются придушить.

– Ах, актриса! – расхохоталась Забава, а Генрих отдёрнул руку и нахмурился.

– Я не плакала, а думала, – серьёзно проговорила я. – Мне кажется, в словах Генриха есть смысл.

– Да ладно? – фыркнула русалка и ревниво покосилась на меня: – Хочешь сказать, что заинтересовалась некромагом? Мало того, что этот идиот выдул любовное зелье, втюрился в Аноли, а теперь ещё и ты, подруга? Добить меня хочешь?

– Если продолжишь мечтать о свидании с некромагом, он справится и без меня, – иронично усмехнулась я.

Генрих схватил меня за запястье:

– Некромаг выпил любовное зелье?! Как такое могло случиться?

– Это, – я пыталась сдерживаться, но, глянув на обеспокоенное лицо институра, невольно задрожала: – Понимаешь, твоя бывшая пыталась опоить Лежку, но на него такие штуки не действуют. Одна из бутылочек, которые передала Аноли, всё ещё осталась в офисе, и некромаг решил запить вискарик…

– Аноли?! – расхохотался Генрих, и я нервно дёрнулась, ожидая чего угодно, но институр вдруг весело добавил: – Так это же замечательно!

– Да неужели? – растерянно спросила я. – И чем это?

Генрих скрестил ноги и, положив локти на колени, слегка наклонился в мою сторону: изумрудные глаза его сияли, а губы то и дело подрагивали в довольной улыбке.

– Я никак не мог придумать, как же мне провести некромага в

Крамор. После того, как Джерт наотрез отказался собрать Комитет, это стало… затруднительно. Но теперь проблема решена! Главное, чтобы Аноли оказалась в Краморе, а уж очарованный некромаг наверняка проберётся к ней. Но нужно поспешить. – Он достал сотовый и прижал к уху. – На некромагов зелья действуют иначе… если вообще действуют! Неизвестно, как быстро он освободиться от любовных чар…

– Освободится? – хмыкнула Забава. – Судя по дозе, это ему не грозит… Во всяком случае, быстро.

– И с каких пор ты стала экспертом по некромагам? – холодно спросил Генрих, и русалка снова стушевалась. Ещё раз набрал номер и прижал телефон к уху: – Почему она не отвечает?

Я же ощутила себя немного «экспертом», потому как недавно удалось краем глаза заглянуть в тёмное нечто, которое пропитывает этих не живых и не мёртвых существ.

– Ты сказал, – громко произнесла я, – что некромаг – жених без права жениться. Меня тревожит эта фраза…

– А что? – тут же съязвил Генрих, отключил вызов на сотовом и скривился: – Замуж вдруг захотелось?

– Захотелось, – не отрывая от него хитрого взгляда, отозвалась я, и, когда лицо Генриха помрачнело, мягко добавила: – За одного не в меру колючего инститора… если не прибью его до свадьбы, конечно!

Забава, прижав руки ко рту, хихикнула, а Генрих напрягся и, не сводя с меня застывшего взгляда, прошептал:

– Что?..

Щёки мои ожгло, и я, смущённо потупившись, упрямо продолжила:

– Что-что? Говори, почему некромаг «жених без права жениться»? Я нервничаю, думая об этом. А как же «истинная любовь»? Та некромагиня тоже была лишь невестой?

Генрих сунул сотовый в карман и, избегая смотреть на меня, резко поднялся. Подошёл столу Забавы и, с силой задвинув один за другим все ящики, проговорил:

– Вот у своего жениха и спроси.

Я осторожно встала, посмотрела на его хмурые брови и легонько прикоснулась к руке инститора.

– Так я и спрашиваю…

Генрих стряхнул мою руку и, отвернувшись, проворчал:

– Хватит шуток, Мара! Аноли не отвечает, нам нужно немедленно найти её… Нельзя упускать неожиданный шанс.

Я покосилась на его широкую спину и подумала, что, наверное, даже прикосновения причиняют ему боль. Поклявшись себе в том, что сегодня же уничтожу проклятый договор с

Олдриком, – а если понадобится, то и самого Олдрика, – подхватила свою сумку и весело проговорила:

– Я готова! А ты будешь брать с собой свои жуткие приспособления?

Генрих на мгновение замер, размышляя, а в офис ворвался инкуб.

– Мара! Аноли похитили!

Я растерянно посмотрела на бледное лицо брата, его расширенные глаза, дрожащие руки и растерянно спросила:

– Что?

Лежик, не в силах говорить, лишь махнул рукой. Покачиваясь, он прошёл к стулу Забавы и устало рухнул на него. Генрих быстро приблизился к инкубу и потряс за плечо:

– Как это произошло? Когда?

– Час назад, – с трудом проговорил Лежка. – Мы только успели добраться до столицы, как он напал на меня. Когда я очнулся, волки были мертвы… – Он подумал и мрачно усмехнулся: – Окончательно мертвы. А Аноли исчезла!

– Кто же сумел похитить хранителя? – высоким голосом спросила Забава.

Мы с Генрихом переглянулись:

– Некромаг!

Глава 10. Ловушка на охотника

Генрих ударил по тормозам, и машина резко остановилась у большого красивого дома. Я, зная, как водит инститор, заранее вцепилась в поручни, поэтому избежала очередной шишки на лбу, а вот Забава покачнулась и ударилась лицом о сидение. Прижимая ладонь к окровавленному носу, русалка пробубнила нечто нелицеприятное, но инститор и не посмотрел в её сторону, он выскочил из автомобиля и бегом бросился к Олдрику, который только что распахнул перед Генрихом ворота.

Я повернулась к русалке и сочувственно тронула её плечо:

– Ты как?

– Вроде не сломан, – прогнусавила она.

Я выудила из сумки салфетки и предложила подруге.

– Значит, ночное представление не отменяется, – ехидно прокомментировала я, – и твои заскучавшие поклонники будут довольны!

Воспоминание о предстоящем развлечении мгновенно улучшило настроение Забавы, она было заулыбалась, но потом снова нахмурилась:

– Как ты думаешь, до вечера Аноли найдётся?

– А что? – хмыкнула я. – Так беспокоишься о птичке? Или планировала по ночному парку голышом в дуэте побегать?

– За Лежку переживаю, – вздохнула Забава и снова приложила салфетку к носу: – Изведётся весь!

– Действительно, – помрачнела я. – Не узнаю брата… Он так боялся её, а теперь места себе не находит, еле домой отправила. У него жёны не тисканные, дети не считанные, а он об Аноли переживает… Ненормальный инкуб!

– Послушать тебя, – хитро покосилась Забава, – так ты рада, что некромаг похитил Аноли!

– Разумеется, – кивнула я. – Мне эта синеглазка никогда не нравилась!

– Мара! – Забава осуждающе покачала головой и, шумно высморкавшись, тихо добавила: – Ты же не всерьёз?

– Не нравится мне всё это, – пробормотала я, наблюдая за Генрихом и Олдриком: мужчины, казалось, мрачнели с каждой минутой, и у меня от дурного предчувствия засосало под ложечкой. – Знаешь, не выходит из головы фраза про бесправного жениха. Это беспокоит меня больше, чем похищение Аноли. Между прочим, злобная птичка никогда не производила впечатление беспомощной особы…

– Но она молила о пощаде! – воскликнула Забава.

Я покосилась на подругу и, ощутив укол ревности, резко спросила:

– Действительно о ней беспокоишься? Так сразу скажи! Зачем прикрываться Лежкой?..

– Прости, Мара! – Щёки Забавы очаровательно зарделись. – Мне кажется, тебе не нравится моя дружба с Аноли…

– Тебе не кажется, – спокойно ответила я и примирительно улыбнулась: – Но я потерплю. Ради тебя… ну и братца моего чокнутого! – Скрестила руки на груди и нехотя добавила: – В конце концов, она Лежке жизнь спасла. – Забава непонимающе посмотрела на меня, а я перевела взгляд на двухэтажный дом Аноли и вздохнула: – Может, оно и к лучшему… Переедет Лежка со всем своим гаремом сюда, и у меня перестанет голова болеть по кредиту за дом!

– Мара! – возмущённо вскрикнула Забава.

Я рассмеялась и посмотрела на подругу:

– На шее Лежки ранки не заметила? А зря. Думается мне, Аноли умоляла того, кто напал на инкуба, отпустить его. Если это был некромаг, он, скорее всего, вынудил хранительницу следовать за ним в обмен на то, что оставит Лежку в живых. Этот гад обожает использовать шантаж… вспомни себя в колодце. И если Аноли с ним… – Я хищно усмехнулась: – То я не позавидую некромагу! Она к зелью добавит ещё парочку своих фокусов, и…

– Забава, – перебил меня Генрих, – выходи! Останешься с тремдишевскими ведьмами. Если мы до ночи не вернёмся…

– То, – перебила я, делая такое же строгое лицо, как и у институра, – всё равно не смейте бегать обнажёнными по парку всемером!

Генрих недовольно замолк, а Забава вылезла из автомобиля и проворчала:

– Вот чёрт! А у меня уже воображение разыгралось! Умеешь ты, Мара, и идею хорошую подсказать, и удовольствия сразу лишить!

– Мара права, никаких шабашей! – строго предупредил Генрих, и мы с Забавой, не выдержав, расхохотались, а институр добавил громче: – Дом не покидать, пока не приедет Олдрик или Аноли.

– Аноли? – тут же отозвалась Забава, она вцепилась Генриху в руку и потрясла её: – Она спаслась? Мара, ты была права!

Генрих вопросительно посмотрел на меня, и я рассказала о ранке. Институр нахмурился:

– Почему промолчала в офисе?

Я пожала плечами:

– Тогда не удалось бы Лежку домой отправить, наверняка, за

нами бы увязался… А ему и так досталось, удивляюсь, как ходит ещё. Так что с Аноли? Нашлась?

Генрих кивнул и задумчиво постучал кончиками пальцев по дверце:

– Она написала сообщение Олдрику, – отрывисто произнёс он, – что у неё проблемы с телефоном. Как купит новый, перезвонит. Сейчас направляется в Крамор…

– Я так рада! – воскликнула русалка.

– Напиши Лежке, пожалуйста, – попросила я её, – чтобы не волновался.

– Конечно! – весело ответила Забава и по просьбе институра направилась к дому, из которого вышел Олдрик.

В нескольких шагах от машины он остановил русалку и, взяв её за руку, что-то проговорил. Забава сосредоточенно выслушала его и кивнула, а хранитель положил ей в руки что-то блестящее и направился к машине. Русалка помахала нам и исчезла в доме Аноли.

– Рад тебя видеть, Мара, – улыбнулся Олдрик и уселся рядом со мной.

Как только Генрих захлопнул дверцу я, буравя родителя многообещающим взглядом, прошептала:

– Если ты немедленно не уничтожишь договор с Генрихом, – сам знаешь, какой! – то я сделаю так, что ты будешь содрогаться от ужаса при одной мысли, что придётся меня увидеть.

– Мара, – пробормотал Олдрик. Старик показался мне растерянным и смущённым: щёк его коснулся болезненный румянец, а пальцы рук сжались в кулаки: – Что ты такое говоришь?

Генрих уселся на водительское сидение и с подозрением покосился на меня:

– А что она говорит?

Я многозначительно улыбнулась Олдрику и, стянув перчатки, покрутила полупрозрачными руками.

– Не кажется ли вам, что если отправляться в Крамор в таком виде, это слегка… э… раскроет наши карты?

– Какие карты? – удивился Олдрик, но я проигнорировала его вопрос, решив общаться только с Генрихом… во всяком случае, до тех пор, пока отец не уничтожит унизительный договор!

– Мы не едем в Крамор, – отозвался Генрих. Завёл мотор и опустил ручник, а потом добавил: – Но в таком виде тебе, действительно, не стоит расхаживать. По пути заедем в магазин…

– А куда мы едем? – с любопытством уточнила я.

– В дом некромага, – ответил за институра Олдрик.

– Зачем? – проигнорировав ответ, спросила я у Генриха и,

стараясь рассуждать логически, проговорила: – Если некромаг под воздействием любовного зелья похитил Аноли, хранительница, убедившись, что инкубу ничего больше не угрожает, могла запросто загипнотизировать поклонника!

– Увы, – слегка улыбнулся Генрих, поворачивая на главную улицу: из-за обилия машин, ему пришлось значительно снизить скорость. – Аноли не могла его загипнотизировать без лицензии…

– Даже, если он её похитил? – возмущённо воскликнула я. – А как же самозащита?

– Не в этом случае, – покачнул головой Генрих и, обсигналив подрезавшего его водителя, добавил: – Разумеется, есть ситуации, когда она могла бы применить гипноз без лицензии. Но не против некромага.

– Не кажется ли тебе, – проговорила я, ощущая, как внутри нарастает беспокойство, – что у некромагов слишком много привилегий? – Генрих не ответил, и я нетерпеливо постучала пальчиком по его плечу: – Всё равно, не понимаю! Почему мы едем к его дому? Аноли прислала смс, что направилась в Крамор. Думаю, логичней, что очарованный маг увязался за ней…

– Логичней, – не отрываясь от дороги, кивнул Генрих. – И меня бы это полностью устроило. Вот только сообщение Аноли… странное. Она так не пишет.

– Так это некромаг написал! – догадавшись, подпрыгнула я. – Чтобы направить нас по ложному следу? Вот гад! Так ты думаешь, он потащил Аноли в свой дом?

Генрих крутанул руль, останавливая машину перед большой сверкающей витриной.

– Я быстро, – бросил он и выскочил из автомобиля.

Олдрик тут же повернулся ко мне:

– Как ты узнала про договор? – тихо спросил он. – Генрих рассказал?

Я скрестила руки на груди и, отвернувшись, ответила:

– Да. И я хочу увидеть, как ты его уничтожишь. Сегодня же! Всё равно придётся изображать в Краморе приманку для зверя… Так пусть хоть бонус от этого будет.

– Он тебе и это рассказал? – мрачно проговорил Олдрик.

Я резко развернулась и, едва сдержавшись, чтобы не выдрать старику оставшиеся волосы, холодно осведомилась:

– Значит, о ловушке Генрих молчал по твоей указке?! Ты не отец! Ты хуже врага… Предупреждён – вооружён, не слышал о таком?

– Я хотел защитить тебя, – воскликнул Олдрик.

– Больше никогда не пытайся меня защищать, – прошипела я

и, приблизившись к нему вплотную, добавила: – Я не ребёнок, которого нужно держать в неведении! Я опаснее любой из ведьм! Хоть раз ещё полезешь в мою жизнь… – я на мгновение замолчала, собираясь с духом, и произнесла как можно спокойнее: – Я тебя убью.

Олдрик изменился в лице: кажется, впервые хранитель действительно испугался меня. Даже когда мы оказались в подземелье, и я изливала силу даймонии, он выглядел намного спокойнее. Боясь, что уверенность и хладнокровие покинут меня, я отвернулась к окну. Высматривая Генриха, убеждала себя, что всё сделала правильно.

– Айка, – тихо позвал Олдрик.

Услышав своё детское имя, я невольно вздрогнула, резко повернулась и ахнула: в руке Олдрик держал желтоватый лист. Конечно, я не увидела ни строчки, но и так было понятно, что это за бумага. Сердце моё заколотилось в два раза быстрее. Олдрик медленно протянул руку и церемонно произнёс:

– Последняя из даймоний! Я, хранитель Олдрик, позволяю уничтожить этот договор.

Я возмущённо подпрыгнула:

– Издеваешься? Сам же говорил, что ваши магические бумажки не порвать, не сжечь! Сам и уничтожай!

Олдрик грустно улыбнулся и покачал головой:

– Не могу. Он исчезнет сам после достижения договорённости. Но раз тебе необходимо видеть, как он будет уничтожен – сделай это сама. Ты сможешь. – Он кивнул на мои полупрозрачные руки: – Испепели синим пламенем.

Во рту мгновенно пересохло, а по шее пополз холодок: я посмотрела на Олдрика так, словно хранитель предложил мне немного прогуляться по политым бензином и подожжённым осколкам стекла.

– Спятил?!

Олдрик вытянул вторую руку и сложил пальцы особым образом: я видела ранее, как подобные движения делал и Генрих. Хранитель повторил манипуляции несколько раз, чтобы я всё хорошенько рассмотрела, а затем приказал:

– Повторяй!

– И не подумаю, – отшатнулась я. – Да у меня и не получится! Я ведьма, а не чёртов институтор!

– Хочешь уничтожить договор? – сурово спросил Олдрик. Я сжала зубы, а он с усмешкой кивнул: – Пробуй! Но если скажу «стоп», сделаешь так…

Он показал ещё одну замудрёную «фигу», и я беспомощно застонала: как это можно повторить?! Но избавиться от пут,

сдерживающих нашу любовь, хотелось до смерти! Поэтому нерешительно подняла руки, пытаясь изобразить первую фигуру. После нескольких неудачных попыток, на кончике ногтя возник синий огонёчек: малюсенький, чуть больше искорки!

Я так испугалась, что взмахнула рукой, пытаясь стряхнуть искру, но Олдрик схватил меня за запястье и быстро поднёс к огоньку лист бумаги, тот мгновенно вспыхнул, чернея и скукоживаясь на глазах. Через несколько мгновений от договора не осталось даже пепла!

– Стоп! – рявкнул неизвестно когда появившийся в окне Генрих, и я послушно сложила вторую выученную фигуру, а потом только вздрогнула и уставилась на разъярённого инститора. – Вы с ума сошли?! Вызывать синий огонь в машине, посреди города… из рук ведьмы! Жить надоело?

Я только сейчас осознала, что сама смогла сжечь договор между институторами, да ещё таким чудовищно жутким способом: руки затряслись, сердце замерло, а кожу на щеках словно стянуло льдом.

– Мара! – Генрих поспешно сел в машину и, перегнувшись через сидение, коснулся пальцами моего лица: – Тебе плохо! Ты так побледнела… – Он повернулся к Олдрику и прорычал: – Ты спятил? Что творишь? – Я медленно выдохнула и сжала кулаки, а институр растерянно посмотрел на мои дрожащие руки: – Как тебе вообще удалось?!

Ощутив, как от эйфории, которая накрыла меня пушистым облаком, зашумело в ушах, подняла руки и замирающим от волнения голосом спросила:

– Показать?

– Нет! – одновременно крикнули мужчины, а Генрих, сунув мне в руки пакетик, добавил: – На, лучше надень это!

Я вытащила длинные чёрные перчатки и тут же натянула их, с удовольствием расправляя пальцами маслянисто-гладкий шёлк: магическое увечье было надёжно скрыто от посторонних глаз. Настроение подскочило до отметки «отлично»! В этот миг всё было хорошо: брат жив-здоров, Забава с девчатами… И договора, сдерживающего нашу страсть, не существовало! Лукаво покосилась на профиль институра и улыбнулась: Генрих ещё не знает об этом, пока постараюсь не прикасаться к охотнику, чтобы не испортить предстоящий сюрприз!

– Ну, – с энтузиазмом воскликнула я: казалось, мне сейчас по плечу свернуть пару-другую гор, – поехали ловить некромага и освобождать нашу злую птичку!

Генрих недовольно покосился на меня:

– Сколько оптимизма у ведьмы. Это не к добру…

Я лишь загадочно улыбнулась и, прикусив нижнюю губу, чтобы сдержаться и не завизжать в предвкушении счастья, опустила глаза. Взревел мотор, и автомобиль тронулся с места. Олдрик поднёс сотовый к лицу и тихо проговорил:

– Ни звонков, ни сообщений. Времени было достаточно, чтобы купить несколько телефонов.

– Значит, наши подозрения верны, – коротко кивнул Генрих и прибавил газу.

***

Я с усилием подтянула отвисшую челюсть. Не отрывая восхищённого взгляда от трёхэтажного особняка из чёрного камня, тихо присвистнула и протянула:

– Это и есть «дом» некромага? Больше похоже на замок…

– Не свисти, – оборвал меня институтор.

– Денег не будет? – хмыкнула я.

– Возможности их потратить, – буркнул Генрих и наградил меня своим коронным тяжёлым взглядом: – Вспомни, как некромаг оживил Багиру… Или хочешь познакомиться с мёртвой живностью мага?

По спине пробежался холодок: Генрих, возможно, прав. Даже если Севир предпочитает жить на кладбище, он не бросит свой дом на произвол судьбы… и воров. Наверняка, здесь есть какие-то охранные мерзости… Или просто мерзости для охраны. Надо быть осторожнее. Я, беспокойно оглядываясь, шагнула к охотнику и легонько уцепилась за край его безрукавки. Генрих в ожидании хранителя перебирал пальцами по рукояти меча. Не отрывая взгляда от распахнутой двери дома, нетерпеливо постукивал по заасфальтированной дорожке носком ботинка. Наконец, в тёмном проёме заалели одежды хранителя: Олдрик отрицательно покачнул головой и приглашающе махнул рукой. Генрих сухо кивнул:

– Идём!

– А как же живность? – беспокойно огляделась я.

– Если бы что-то было, – уверенно ответил Генрих, – мы бы уже об этом знали. – Он оглянулся и, увидев, что я всё ещё недоверчиво топчусь на месте, неожиданно мягко улыбнулся: – Мара, не бойся. Я же с тобой.

– А кто тут боится? – нервно ответила я и, сжав кулаки, пошагала к дому. Но с каждым шагом в груди возрастала ноющая боль. Словно зарождающийся кашель от лёгкой простуды. У самого порога, задыхаясь, прижала руки с груди. – Генрих… я не могу! Меня словно душит что-то.

Институтор схватил мою руку и заглянул в глаза:

– Что именно? Как душит?

Я неопределённо махнула рукой и отступила на шаг: дышать стало капельку легче, и сердце забилось ровнее.

– Словно все внутри сжимается, – пролепетала я, глядя на инститора. – Может, это какая-то магическая защита? Мне не подойти к дому, кажется, я просто задохнусь.

– Я ничего не чувствую, – озадаченно проговорил Генрих и внимательно посмотрел на меня: – Или это действует только на ведьм?

Я отступила ещё на пару шагов и, ощущая, как становится всё легче, пробормотала:

– Да я вроде уже не ведьма… Но если так, то странно: некромаг то ловит ведьм, то отгоняет. И вот ещё что меня беспокоит: зачем он приглашал в свой дом, если знал, что мне в него не войти?

– Он лишь предложил приют тремдишевским ведьмам, которые потеряли свою силу, – напомнил Генрих. – Возможно, они зашли бы без проблем. Как и мы с Олдриком…

– Что такое? – приближаясь, спросил Олдрик. – Давайте быстрее! Следов пока не нашёл, но стоит осмотреть и другие этажи…

– Мара не может, – ответил за меня Генрих и многозначительно посмотрел на хранителя: – Она задыхается.

Олдрик перевёл на меня озадаченный взгляд и приподнял брови.

– Я всё проверил, никаких заклятий на дом не наложено, нежити не обнаружено… Как именно задыхаешься?

– Словно заболеваю, – просипела я и, прокашлявшись, дотронулась до грудины: – Вот здесь становится тяжело.

Олдрик опустил взгляд на мою грудь, и я неуютно поёжилась, а хранитель вдруг шагнул ко мне и сорвал с шеи кулон.

– А если так?

Я ощутила себя настолько лёгкой, словно мне подарили крылья, и я уже готова взлететь над землёй. Видимо, это отразилось на моём лице, поскольку мужчины слаженно кивнули. Олдрик покрутил в пальцах маленькую амфору с воспоминаниями.

– Интересно, – пробормотал он. – А вот я ничего не ощущаю. Генрих?

Он передал кулон охотнику, и инститор, повесив его себе на шею, покачал головой.

– Ничего. – Он схватил меня за руку и увлёк в сторону дома: – Идём.

Я уныло побрела за ним: хоть дышать теперь ничего не мешало, но в дом заходить совершенно не хотелось: кожа на

груди, к которой соприкасался кулон, ныла, словно от лёгкого ожога. Неловко замерла перед дверью: сердце забилось гулко и неровно, будто стояла у края пропасти.

– А можно, я тут подожду? – жалобно спросила я и, виновато покосившись на Генриха, смущённо улыбнулась: – Почему-то мне дурно от одной мысли, что придётся переступить порог этого дома… Не могу объяснить, почему. Можете считать, что я боюсь!

– Мара, – терпеливо проговорил Генрих. Он положил руки мне на плечи и заглянул в глаза: – Я обещал тебе, что больше не оставлю одну. Будь рядом, и всё будет хорошо. Ты мне веришь?

Я благодарно сжала его руку и, глубоко вдохнув, шагнула в дом с чувством, словно нырнула в тёмную холодную воду. За порогом сжалась от нового приступа паники, но ничего не произошло. Ни грома, ни молний… Генрих ободряюще улыбнулся и увлёк меня к тёмной деревянной лестнице.

– Олдрик осмотрит подвал, а мы пробежимся по верхним этажам.

Страх отступил, и его следы таяли быстрее клочков тумана под ярким солнцем. Я шагала за инститором и уже вовсю крутила головой, с любопытством рассматривая старые картины на стенах, поблёскивающие перламутровым блеском статуи, да красивую антикварную мебель…

– Здесь так… чисто! – тихо протянула я. – Не похоже на заброшенный дом.

– Угу, – отозвался Генрих.

Он приоткрыл очередную дверь и быстро осмотрел комнату. Ощущая, как остатки страха покинули меня, я подошла к широкому окну и выглянула во двор. Тёмный дворик, окружённый кряжистыми деревьями, показался смутно знакомым. Силясь вспомнить, откуда, наморщила лоб и прислонилась носом к холодному стеклу. Взгляд упал на груду камней, наполовину скрытых густой листвой, и спина вмиг похолодела: уж очень похожи они на ритуальные камни стражей…

– Дубовая роща! – воскликнула я, и в коридор выскочил Генрих. Я покосилась на меч в его руке и перевела взгляд на встревоженное лицо охотника: – Генрих, смотри! Тут растут волшебные дубы!

Инститор, поняв, что мне ничего не угрожает, опустил меч и подошёл к окну.

– Действительно, – пробормотал он. – Волшебные дубы не так-то просто вырастить. Впрочем, помимо стражей, это могут и некромаги. Другое дело, зачем ему это…

– Для защиты дома, – отмахнулась я. – Гораздо интереснее, почему здесь лежат ритуальные камни стражей!

– Нет, – покачал головой Генрих. – Для защиты нужно было окружить саженцами весь дом, а некромаг посадил деревья только на заднем дворике. Но ты права: эти камни тут явно неспроста.

– Генрих! – Мы оглянулись на запыхавшегося Олдрика: хранитель размахивал алыми одеждами, словно флагом. – Нашёл! Одежда Аноли…

Инситор метнулся к Олдрику и выхватил платье из рук хранителя. Я услышала тонкий протяжный звук и, обернувшись к окну, заметила, как резкий порыв ветра дёрнул ветви дубов, открывая взгляду огромных размеров хищника.

– Там! – вскрикнула я и, тыкая пальцем в стекло, повернулась к мужчинам: – Волк! Я видела живого волка у камней!

Платье Аноли выпало из рук Генриха и с шуршанием замерло у его ног огромной кровавой кучей. Я посмотрела на алую ткань, бросила короткий взгляд в окно и нервно рассмеялась:

– Нет! Ты же не подумал, что некромаг заставил Аноли стать стражем? Он же под воздействием любовного зелья! Не зоофил же он… Надеюсь.

Олдрик вдруг сорвался с места, и Генрих бросился за ним. Я вприпрыжку побежала по ступенькам, стараясь не отставать от них, а сердце забилось так быстро, что снова начала задыхаться. Неужели, это возможно? Неужели, некромаг действительно принудил Аноли превратиться в волка? Бедный, бедный Лежка! Второго стража он не переживёт…

Олдрик распахнул дверь и выскочил из дома, Генрих не отставал от хранителя, а я вдруг ощутила удар такой силы, что меня отбросило к противоположной стене. Замерла в углу и, прижав руки к пульсирующему болью лбу, застонала.

– Мара? – Генрих бросился ко мне и, опустившись на колени, помог приподняться. Коснулся кончиками пальцев ноющей шишки и зло рявкнул: – Ослепла? Чего косяки бодаешь?!

Я недоверчиво посмотрела на дверь: неужели, так смешно промахнулась и действительно врезалась в косяк? А казалось, что бегу за институтом…

– Горе моё, – проворчал Генрих и, подхватив меня за талию, повёл к выходу: – Почему с тобой всегда одни проблемы?

Молча пожала плечами, размышляя, как же так случилось, как уперлась во что-то. Генрих продолжал тянуть меня вперёд, но я не могла и с места сдвинуться, но ощущаемой преграды при этом не видела. Перевела взгляд на институтора, который спокойно сквозь эту невидимую стену мог проходить.

– Мара, не упрямься, – нетерпеливо проговорил Генрих. – Надо спешить, Олдрик наверняка уже у дубов…

– Генрих, – растерянно прошептала я, не зная, что и думать. – Я не могу…

– Сильно ударилась? – озабоченно уточнил Генрих. – Совсем не можешь идти?

Он вздохнул и, подхватив меня на руки, попытался выйти из дома, но вынести меня не получалось. Убедившись, что мои ноги и руки не упираются в косяк, инситор пробормотал:

– Да что же такое?

– Генрих, – снова позвала я, и когда он посмотрел на меня, проговорила, едва сдерживая слёзы: – Кажется, я понимаю, почему мне так не хотелось переступать порог этого дома. Я не могу выйти… Как тогда, на кладбище. Это защитная стена!

Генрих опустил меня и, схватив мою руку, приблизил её к проёму двери, но моя ладонь упёрлась в невидимую преграду. Инситор повёл моей кистью вправо до самого косяка и разжал пальцы. Я безвольно уронила руку и, кусая губы, вспомнила, как тяжело дышалось при приближении к дому.

– Кулон, – прошептала я и посмотрела на маленькую амфору, которая висела на груди Генриха. – Это было предупреждение! А я подумала, что это магия некромага… Дай мне его.

Инситор дёрнул за цепочку и протянул мне кулон, я осторожно приняла его и прислушалась к своим ощущениям, но ничего на сей раз не происходило: ни удушья, ни сердцебиения. Надела цепочку, и маленькая амфора коснулась груди, но я так ничего и не ощутила.

– Что? – тревожно спросил Генрих.

– Похоже, это правда, – уныло пробормотала я и снова потрогала невидимую стену: та, увы, оставалась на месте. – Мне не выбраться отсюда.

Генрих деловито осмотрелся:

– Окно? – предложил он.

И тут раздался вскрик, за которым последовал протяжный волчий вой. Генрих схватился за меч, бросился к двери, но замер на пороге и беспомощно посмотрел на меня. Вой стихал, и я вытолкнула замешкавшегося инситора:

– Беги! А я попытаюсь выбраться через окно. – Генрих крутанулся на месте, бросил на меня взгляд, полный отчаяния, и я крикнула: – Да беги же! Обещаю, ничего со мной не случится!

Инситор кивнул и исчез, а я беспокойно огляделась: несмотря на заверения, уверенности, что со мной ничего не случится, не было. Как-то уж всё странно здесь. Кусая губы, задумчиво посмотрела на выход, которым мне не суждено воспользоваться. Там Генрих и Олдрик… возможно, и Аноли. Интересно, если она стала стражем, могла ли она напасть на

Олдрика? Может, у злой птички помутнение рассудка? Хотя… какая птичка? Аноли теперь волчица! Если, конечно, это она… Мне вдруг вспомнились те волки, которые пытались освободить Вукулу в Тремдише, и по спине прокатилась волна холода.

А что, если те волки… и не волколаки вовсе? Что, если это стражи некромага? И один из них вёз Аноли до столицы. Возможно, по пути он каким-то образом освободился от гипноза и напал на Лежку. Я вспомнила ранку на шее брата: это могли быть и волчьи зубы, а не кинжал некромага! Но непонятно было, почему Аноли снова не загипнотизировала волка, зачем последовала за ним в этот дом… Сняла платье! И, если там, на камнях, я увидела того самого стража, то где сама Аноли?

Быстро осмотрелась: разумеется, подвал! Некромагов так и тянет к земле… За Генриха я не переживала. Будь там хоть десяток стражей, мой отважный институтор справится со всеми и даже престарелого Олдрика вырвет из мёртвой волчьей пасти! Он уже это доказал не раз. А вот мне стоит доказать любимому, институторам, всему миру, да и самой себе, что я не такая уж и бесполезная.

– Где же ты, Аноли? – прошептала я, заглядывая во все двери в поисках той, что вела в подвал. – Кажется, я догадываюсь, почему жуткое платье хранителя не на тебе…

Не зря весь день в голове постоянно крутилась фраза про жениха без права жениться! Заглянув в воспоминания некромага, я ощутила нечто пугающее, странное, не вяжущееся с его словами об истинной любви. Я ощутила *полное* безразличие к той самой, которую он так жаждал воскресить. То-то мне показалось подозрительным, что Севир, напившийся любовного зелья, вёл себя так, словно ему были незнакомы подобные чувства. Как же он описал? Тепло и тревожно. Странно! Он сказал именно это слово. Странно.

Если бы истинная любовь действительно существовала, то некромаг вёл бы себя иначе. Да, искусственная страсть больше похожа на пластмассовый цветок и от живого сильно отличается, но тот, кто видел цветы, сразу узнает его образ даже в пластмассовой имитации! Я прикусила нижнюю губу и отчаянно заметалась по коридору: дурное предчувствие всё росло.

Дверь в подвал обнаружилась в самом дальнем углу, и я, затаив дыхание, медленно ступила на каменные ступеньки, ведущие вниз. Энтузиазм таял с каждым мгновением, а сердце колотилось всё быстрее. Влажная прохлада, тронувшая кожу лица, казалась могильным холодом. Возможно, так оно и есть, – я же в доме некромага! Ужас ледяными пальцами сжал макушку, спина покрылась влагой, а волоски на руках встали дыбом, но я

упрямо переставляла ноги…

Ступеньки всё же закончились, и я, выставив руки, неохотно двинулась по тёмному коридору. Вопреки страху, заставляла себя двигаться вперёд, хотя с огромным облегчением и радостью бросилась бы обратно. Сжав зубы, помотала головой: Аноли мне не чужая. И пусть ненавижу эту чертовку! Но она сестра брата моего любимого… От этой мысли я нервно хихикнула, страх слегка уменьшился: ровно настолько, чтобы можно было нормально дышать. И с каждым вдохом приходило понимание природы этого страха.

Когда я заглянула в Севира с помощью новой способности, прикоснулась к тайне инициации некромагов. И некая сила, которую ощущала сейчас практически всем телом, была той самой: и мёртвой, и живой. Не осталось сомнений, что свои тёмные дела некромаг творил не на кладбище, как он уверял, а именно в подвале своего столичного дома! Здесь всё пронизано тёмной склизкой энергией, даже стены, казалось, впитали ледяной ужас живой смерти.

Ещё шаг, и я оказалась в полной тьме, – какое же ощущение я пережила на кладбище, когда Севир провёл меня сквозь защитную магическую стену. Замерла в нерешительности: что ожидает меня с той стороны? Смогу ли противостоять силе некромага? Руки задрожали, а сердце забилось ещё чаще, хотя, казалось, это уже невозможно. Страх снова сжал горло, и, чтобы справиться с минутной слабостью, вызвала в памяти образ Аноли. Красивая и опасная, она, кажется, действительно нравится моему брату. И Забава переживает за подругу. Генрих написал имя Красной птицы иллюзий на листе доверия, поэтому я не могу отступить! Ну, давай же, Мара, соберись!

Двигалась я всё с бо́льшим трудом, но виной тому не сопротивление защитной стены: слишком велик был соблазн избавиться от злой соперницы! Но всё же сделала шаг, и окружающая темнота мгновенно растворилась в ослепительном сиянии. Я судорожно вдохнула и, словно защищаясь, закрылась руками.

– Мара, я рад, что ты посетила моё скромное жилище! – Услышала мягкий насмешливый голос, и сердце замерло. – Добро пожаловать!

Сощурившись, я опустила руки и посмотрела в сторону, откуда доносился голос. Увидев безрукую Данью, которая стояла рядом с Севиром, невольно вздрогнула. Взгляд зверуна полыхал алым пламенем, а по телу скользили яркие искры.

– Ты?! – невольно воскликнула я. – Ты же мертва!

Севир усмехнулся:

– Чему ты удивляешься? Я некромаг. Для нас смерть открывает больше возможностей…

– Так ты ждал меня? – перебила я. Точно, стена! Олдрик не обнаружил логова некромага из-за защиты, которая легко пропустила меня. Разумеется, я бы не попала в подвал, если бы Севир не желал этого. – Зачем?

– Как всегда нетерпелива, – осуждающе покачал головой некромаг. Он подошёл и, подхватив меня за локоть, повлёк за собой: – Впрочем, мне тоже не терпится! Смотри…

Он остановился у огромного каменного гроба, который занимал большую часть подвального помещения, и я послушно опустила глаза. Аноли, окружённая яркими жёлтыми цветами, лежала в белом свадебном платье. Смертельную бледность кожи хранительницы оттеняли иссиня-чёрные волосы, в руках, сложенных на груди, тоже красовались жуткие кладбищенские цветы, и их пьянящий аромат уже окутывал меня удушающим облаком. Я невольно отшатнулась и, закрывая нос, поспешно прижала руки к лицу. Севир кивнул:

– Познакомься с моей женщиной!

Я непонимающе посмотрела на некромага, и тут сердце ёкнуло, а руки безвольно упали вдоль тела.

– В смысле? – ахнула я. – Это что – восьмая невеста?

– С чего ты взяла? – искренне удивился Севир.

Пожала плечами:

– Да потому что нет никакой «истинной любви»! Есть лишь красивые слова. Женщина, которую некромаг подвергает ритуалу, становится очередным артефактом. Только в отличие от кинжала или кольца, даже если потеряется, вернётся к хозяину в любом случае… А это значит, что нет смысла искать семь невест для воскрешения старого артефакта. Зато можно собрать ведьм и, лишив их силы, поместить в новый объект! – Я посмотрела на удивлённое лицо Севира и, стянув перчатки с полупрозрачных рук, усмехнулась: – Только недавно я догадалась, что была не невестой, а хранителем силы, своеобразным живым артефактом… И всё же, зачем тебе Аноли? – Я мрачно посмотрела на некромага: – Она же не ведьма!

Севир скривил губы и, хитро покосившись на меня, поманил пальцем Данью. Та тут же приблизилась и резко сдёрнула тёмную ткань, открывая моему взору огромное зеркало в тяжёлой золотистой оправе. Я невольно отшатнулась: спектрофобия меня почти не мучила, но всё же на зеркала до сих пор тревожили меня. Некромаг положил руки на мои плечи и, удерживая на месте, заставил взглянуть на отражение.

– Да, мне нужен новый артефакт, Мара. Но это не ты. – Севир

резко подтолкнул меня к зеркалу, и я, чтобы не удариться, выставила руки, упираясь ладонями в стекло. Полупрозрачные пальцы тут же приклеились к прохладной гладкой поверхности, и, когда я осознала, что не могу оторваться от зеркала, по спине прокатилась ледяная волна ужаса. А некромаг продолжал: – Ты права лишь в одном: «истинная любовь» – лишь красивые слова. Но это тайна, которую никто не должен знать. Откуда тебе известно?

Я, тяжело дыша, пыталась отлепиться от зеркала, но пальцы, казалось, приклеились намертво. Севир сделал это, чтобы обездвижить меня? Мысли метались, словно белки. Чтобы спасти ту, которую ненавижу, я добровольно сунула голову в петлю? Точнее, руки в зеркальные оковы… Почему не могу освободиться? Может, некромаг действительно применил банальный клей? В любом случае, стоит потянуть время: Генрих спасёт нас! Я покосилась на Севира и нехотя проговорила:

– Сама догадалась… – Он иронично приподнял чёрные брови, и я убедительно добавила: – Когда ты выпил любовное зелье, то вёл так, словно влюблённость – нечто новое для тебя.

Разумеется, я не собиралась рассказывать ему о своих новых способностях. Мельком взглянув в зеркало, заметила, что пальцы мои слегка подрагивают, но с места руки так и не смогла сдвинуть. Не похоже на клей, скорее всего, это магия.

Севир похлопал меня по плечу и улыбнулся:

– Ты права, как ни странно. Не предполагал, что испытаю нечто подобное, и даже благодарен. Ощутил себя чуточку живым, и хочу навеки запомнить это.

Он убрал руку с моего плеча и двинулся в сторону гроба, замер у чёрного камня и, скрестив руки на груди, задумчиво посмотрел на неподвижную Аноли. Я же оглянулась на Данью: зверун стоял, вытянувшись в струнку, и не подавал признаков жизни, лишь в страшных мёртвых глазах плескалось пламя некромагии. Передёрнув плечами, я произнесла звенящим голосом:

– Для этого тебе Аноли и нужна?

– Да, – нежно улыбнулся Севир и, протянув руку, нежно погладил Аноли по щеке. – Никогда не понимал, зачем затевать сложные ритуалы, когда есть простой путь.

По коже пробежался мороз, и я, ощутив укол вины, тревожно посмотрела на хранительницу. Неужели, некромаг подвергнет её жуткому ритуалу, и Аноли превратится в жуткого монстра? Но Севир так смотрит на неё… Интересно, на некромага всё ещё действует любовное зелье? Может поэтому он жаждет превратить Аноли в некромагиню?

– Но если ты и не собирался воскрешать свою «истинную любовь», – тихо спросила я, – зачем было устраивать весь этот цирк с «невестами»?

Севир посмотрел на меня, и я содрогнулась от ярости, которая вдруг мелькнула в его синих глазах.

– Ненавижу быть пешкой, – прошипел он. Вскочил, прошёлся по подвалу и, запрокинув голову, расхохотался: от неожиданности я прижалась к зеркалу грудью, испугалась ещё больше, что приклеюсь вся, отпрянула и с облегчением выдохнула. Севир приблизился и, склонившись к моему лицу, проговорил обманчиво-мягким тоном: – Но раз уж я ей стал, то решил дойти до конца доски и в правильный момент, превратившись в ферзя, поставить мат королю!

– Гениально! – скрывая нервную дрожь, фыркнула я. – И кто же король? – И замерла на месте, словно громом поражённая: – Неужели…

– Сегодня я не только приобрету новую женщину, но и новую собачонку! – горделиво проговорил некромаг.

Я заскрипела зубами: Вукула! Волколак подослал некромагу Данью, убил некромагиню, подсказал ритуал… Рулил Севиром, как пешкой, но тот, как оказалось, отчётливо осознавал, что им манипулируют, и принял участие в чужой игре! Ради какой-то своей выгоды. Что же хочет некромаг? Как оказалось, месть ему не важна. Я невольно покосилась на Данью: в последний раз, когда я видела безлапую кошку, её тащил Вукула. Так она вернулась к Севиру? Помотала головой:

– Нет! Только не говори, что решил подчинить Вукулу.

Севир хищно усмехнулся:

– Подчинить? – Он выпрямился и расхохотался так зловеще, что у меня по коже поползли мурашки. – Нет, конечно! – Смех его резко оборвался, и некромаг одарил меня тяжёлым взглядом: – Я хочу насладиться его агонией. – Внезапно он лучезарно улыбнулся, и от этой широкой улыбки меня бросило в дрожь, а Севир произнёс почти нежно: – Знаешь, Мара, жизнь, – то есть существование некромага, – весьма скучное занятие. Когда исчезает страх перед смертью, становится пресно жить.

Не выдержав холодный взгляд его ядовито-синих глаз, отвернулась. Если уж я, едва заглянув в щёлочку страшного воспоминания, ощутила, как всё изменилось в жизни, то каково некромагу? Его душа выжжена, сердце окаменело, а чувства давно рассыпались в прах… Если даже простое действие любовного зелья сделало Севира почти счастливым, позволило ощутить капельку жизни, то чем он заполняет свою мёртвое существование, чтобы избавиться от пыльной скуки? Любимая

игра мужчин – борьба за власть, но Генрих говорил, что некромагов такие мелочи не интересуют…

Сглотнула, пытаясь избавиться от комка в горле, и, посмотрев на свои полупрозрачные руки, прохрипела:

– Так я тебе и не нужна вовсе…

– Уж прости, – с безразличием отозвался Севир, – лично мне ты совершенно не интересна. Сначала было забавно с тобой играть, твои действия казались алогичными, хаотическими, но это лишь видимость. Стоило немного понаблюдать, и просчитать тебя стало очень легко. В моей игре ты была лишь конем. Отвлекая внимание и короля волколаков, и своего прямолинейного до идиотизма институра, – ладью! – лишь прикрывала пешку…

– Шахматист чёртов, – прорычала я, испытывая горячее желание разбить о голову Севира как минимум шахматную доску… а лучше, могильную плиту! А потом второй прикрыть и сказать, что так и было! – Испытываешь кайф, манипулируя людьми?

Севир едва заметно улыбнулся и пожал плечами:

– Не стоит лишать себя единственного удовольствия. В кои-то веки встретился безумец, который решил подёргать смерть за усы… в смысле, убить соперника руками некромага. Грех упускать такой шанс! Когда ещё появится такой идиот?

Я смотрела на Севира во все глаза, понимая, что сейчас, словно привязанный кролик, жду в ловушке тигра… волколака, с которым решил поиграть заскучавший некромаг. Так вот зачем это зеркало! Но что же за магия держит мои наполненные силой семи ведьм руки, и почему раньше я спокойно прикасалась к отражающему стеклу?

Пока я судорожно размышляла, как же освободиться, чтобы попытаться сбежать и предупредить Генриха, некромаг, приняв моё молчание по-своему, привалился плечом к тяжёлому зеркалу, которое, похоже, не свалить и Жоре, и проговорил:

– Не понимаю, что Вукула нашёл в тебе, Мара. Столько приложено усилий, чтобы вернуть ведьму, которая бросила его! Похоже на одержимость… или месть. Второе мне кажется более вероятным, поскольку он пытался надавить на ту же точку у меня, ошибочно полагая, что она не менее болезненна, чем у него.

– Ты ошибаешься, – прохрипела я: во рту резко пересохло, сердце заколотилось так, что отдавало шумом в ушах. Возможности освободиться не было, и я решила переубедить Севира. – Я не нужна Вукуле! Он стремится лишь уничтожить Крамор и отменить лицензии…

Севир расхохотался и покачал головой:

– Это можно было сделать, не привлекая ни тебя, ни меня. Мара, открой глаза! Если бы Вукула захотел, он с лёгкостью стёр бы с лица земли весь Крамор! Я видел ресурсы волколака… Пока чиновники разбирались бы с лицензиями, стражи по одному передушили бы всех комитетчиков и институторов. Но нет! Вукула разработал хитрый план, чтобы сначала лишить тебя силы, а потом на твоих глазах убрать из игры ладью.

Некромаг высокомерно скривился, а я сжала зубы, сдерживая приступ паники: Генрих в опасности! Нет, он не такой уж бесхитростный, как считает этот хладнокровный гад! Когда институтор спасёт Олдрика, он вернётся за мной! Стена? Институтор взломал её на кладбище, справится и сейчас. Вспомнилась уверенность, которую так и излучал мой любимый в тот момент, когда подковыривал мечом защиту некромага, и стало легче дышать. Да! Генрих гораздо умнее, чем ты думаешь, некромаг!

– Так улыбаешься, – флегматично проговорил Севир, – словно до сих пор питаешь надежду о спасении своим ненаглядным институтором.

Я вскинула подбородок и вызывающе ответила:

– Да! Ты не знаешь, что такое истинная любовь! Все легенды о некромагах оказались ложью. Для тебя женщина – это лишь очередной инструмент. Но Генрих другой! Он любит меня. И спасёт. А тебя нарежет на кровавую лапшу!

Севир оттолкнулся плечом от зеркала и, шагнув ко мне, обнял со спины, я ощутила у уха его горячее дыхание и невольно сжалась.

– Знаешь, что больнее всего? – прошептал он. – Когда считаешь, что достиг победы, берёшь в руки приз… а он рассыпается пеплом в пальцах! И всё, чего ты добился с таким трудом, обращается в прах, стоит лишь прикоснуться. И ты летишь с той высоты, на которую забрался, и падаешь ещё ниже, чем был до этого… Ощущение, что сам превращаешься в пепел, и даже смерть кажется желанной! – Я задрожала от ужаса, дёрнулась, пытаясь вырваться из противных объятий, но Севир лишь сильнее прижался ко мне, его тёплые губы скользнули по моей щеке: – Твой ненаглядный институтор, получив новое сообщение от Аноли, сейчас спешит в Крамор, на который совсем недавно напали стражи, ведьмы и волколаки…

Удерживая меня одной рукой, Севир вытянул вторую передо мной, в его длинных пальцах блеснул сотовый, на экране я прочла сообщение: «Мара со мной, мы едем в Крамор. Вукула атаковал Комитет». В груди словно что-то оборвалось, надежды растаяли, как дым на сильном ветру, возникло ощущение беспомощности. Некромаг, убедившись, что я прочла,

отстранился и, развернувшись, с силой метнул телефон: тот врезался в стену и со звоном разлетелся на множество осколков. Севир обернулся ко мне и, вновь обняв, провёл пальцами по моим волосам, с ложной заботливостью заправляя прядь волос за ухо.

– А Вукула, получив отчёт Даньи о том, что обессиленная даймония вернулась в Крамор, не замедлил действительно поднять своих стражей. Вскоре с Комитетом будет покончено… как и с твоим институтом.

Я ощутила, как злость накрывает меня горячей волной, и изо всех сил наступила Севиру на ногу, вкручивая пятку и стараясь причинить как можно больше боли. Некромаг вскрикнул и отшатнулся.

– Вукула уже не раз уступал Генриху! – борясь со слезами, выкрикнула я. – Проиграет и сейчас!

Севир откинул с лица длинные пряди чёрных волос и прорычал:

– Думаешь, я так глуп, чтобы пустить всё на самотёк? Я усилил его армию нежитью, использовал даже деревья! У институтов нет шансов выжить.

Я потрясённо ахнула: так вот что это за камни и дубы на заднем дворе! Севир и не думал использовать волшебные деревья для защиты. Дубы-нежить?! Кожу на затылке стянуло от ужаса так, что зашевелились волосы.

– Вукула одержит победу, – словно издеваясь, продолжал Севир. Он присел на краешек чёрного гроба, в котором лежала бесчувственная Аноли, и проговорил: – И когда он испытает её пьянящий вкус, Данья сообщит волколаку, что я скрыл тебя в своём подвале… для него, конечно. – Он широко ухмыльнулся: – Я же его пешка! И вот, когда Вукула придёт за тобой, он ощутит, как сам из короля превращается в пешку: его армия рассыплется по одному моему слову, его любимая умрёт у него на глазах… Вукула потеряет всё, что ему дорого, а уже потом умрёт сам. А после смерти станет моей вечной мёртвой собачонкой.

– Ты садист, – прошипела я, пытаясь оторвать ладони от зеркала. – Чёртово зеркало! Если бы не оно, придушила бы тебя…

Севир саркастично хмыкнул и резко поднялся, я сжалась от омерзения, ожидая очередного объятия, но некромаг протянул руку, его длинные пальцы постучали по стеклу.

– Думаешь, это обычное зеркало? – жёстко спросил он. – Глупая ведьма! Это древний артефакт, своеобразный сосуд. Кстати, волей случая ты и сама оказалась весьма ценным артефактом, но, увы, при жизни. Живые женщины своенравны и верностью не отличаются… Будь ты хотя бы немного более покладиста, я позволил бы остаться рядом, но тебе ведь истинную

любовь подавай! Выбора нет, но, перед тем, как я убью тебя, нужно изъять ценную силу ведьм.

Он кивнул на мои руки, и я опустила глаза. При взгляде на предплечья, которые перестали быть полупрозрачными, спина покрылась холодным потом.

– Что же это? – вскрикнула я, с ненавистью глядя на своё отражение. – Эта стекляшка выкачивает из меня силу?!

А ведь я даже ничего не почувствовала… Впрочем, на меня столько навалилось, что запросто могла пропустить и что-то более необычное. Но, если так, то прилепилась я только потому, что стекло высасывает силу семи ведьм, телом-то я не приклеилась! А значит, зеркало отпустит меня, когда руки перестанут быть прозрачными. Плоть приобрела нормальный цвет уже у запястий, а значит, свобода близка. Я быстро огляделась в поисках хоть какого-то оружия: некромаг ещё огребёт у меня! Вон та странная штука кажется вполне тяжёлой… Я разочарованно выдохнула: слишком тяжёлой, я не подниму это. Взгляд больше ни за что не зацепился. Почему в подвале некромага практически ничего нет?

Пока осматривалась, Севир проговорил что-то Данье, та кивнула и растворилась в воздухе… Конечно, я знала, что она просто прошла сквозь магическую стену. Тревога тисками сжала сердце: как там Генрих? Смог ли он разгадать коварный план некромага или поддался на хитрость Севира? А вдруг он уже погиб от смертоносных корней ужасных деревьев-нежити? Я нетерпеливо приплясывала у зеркала, молясь, чтобы прозрачность отступала быстрее. Вот сейчас, уже скоро… Осторожно покосилась на пояс Севира: попробую выхватить кинжал некромага. Попытка – не пытка!

Глава 11. Гори всё синим пламенем!

Севир задумчиво смотрел на бледную Аноли, а я бросала быстрые взгляды то на руки, то на некромага. Сумею ли подобраться достаточно близко, чтобы выхватить кинжал? Смогу ли проткнуть им мага? Удержит ли это его?

Основание моих ладоней потеряло полупрозрачность, и я смогла немного приподнять кисти, наблюдая, как кожа, словно приклеенная, слегка натягивается. Испытав ноющую боль, вновь прижала запястья к прохладному стеклу и вздохнула. Некромаг сильнее меня и явно искуснее во владении кинжалом. Энтузиазм растаял, и мной снова овладела тоскливая безнадёжность. Как же противно ощущать себя слабой!

Больше всего раздражало то, что я обездвижена, и не могу даже попытаться что-то исправить… Хотя, если верить словам Генриха, мои попытки помочь лишь мешали и усугубляли ситуацию. Может, как раз потому, что я сначала делала, а потом думала… если не отключалась от последствий сделанного.

Вот и сейчас: не будь я прилеплена к проклятому зеркалу, попыталась бы прирезать некромага, и, разумеется, проиграла бы. Севир не убил бы меня, – ему нужно насладиться агонией Вукулы, который посмел использовать некромага в своих интересах, – но мог ранить или подвергнуть некромагии… отравить, в конце концов! Это мы проходили.

Пытливо рассмотрела зеркало: стекло словно стало светлее, а моё отражение слегка фосфоресцировало. Да, я не могу двигаться, но зато могу сначала подумать, а уже потом действовать. Вот только можно сделать? Так! Как бы поступил Генрих в такой ситуации? Мрачно усмехнулась: он бы в неё не попал. Но если… Инститор легко бы смог обратить слабость в силу, но даже он ничего бы не смог сделать, будучи связанным. Наверное…

Я вздохнула и покосилась на некромага: Севир, покусывая губы, нервно постукивал кончиками пальцев по краешку каменного гроба. Он жаждет исполнения своего гениального плана? До сих пор некромаг не выказывал такого нетерпения. Задумалась и, вспоминая реакции Севира, всё больше убеждалась, что маг нервничает. После того, как огорошил меня признанием, он старательно избегал смотреть в мою сторону.

Снова посмотрела на своё отражение: когда-то я так радовалась, что сумела увидеть, как выгляжу! Много лет, наполненных страхом собственной силы, и сейчас заставляли невольно вздрагивать при виде отражающих стёкол. Я грустно

усмехнулась при воспоминании о том вечере, когда Генрих спас меня, разбив зеркала, выкачивающие из меня силу… Жаль, что нечем разбить это зеркало! И институр мне не поможет, Генрих в этот момент пытается выстоять против жутких чудовищ и нежити. Да и зеркало не выглядит хрупким. Если попытаюсь уничтожить его, скорее разобью лоб в кровь или ноги сломаю. Снова вздохнула.

Прозрачность медленно стекала с моих пальцев, освобождая фаланги, еще несколько минут, и я снова стану никем… как тогда, во дворе Даньи, когда моя сила покинула меня. Вспомнила светящееся дерево, кинжал некромага, перечёркивающий вырезанную на коре надпись, облако силы, туманом плывущее над землёй… Меч институра, пригвоздивший ладонь зверуна к стволу, и кровь убитого волколака, струящаяся по моим рукам.

Спина похолодела, а лоб покрылся холодным потом: кровь! Кровь Лежика, которой Данья щедро оросила дерево, кровь зверуна и волка… Каждый раз сила переходила, испив чьей-то крови! Затаив дыхание, покосилась на смертельно бледное лицо Аноли, а затем встревоженно рассмотрела раму зеркала: сначала мне показалось, что золотая лепнина потемнела от времени, но сейчас поняла, что виной винного оттенка. Кровь хранительницы! Руки, прилепленные к стеклу, крупно задрожали от осознания. Казалось, в этот миг я увидела реальную картину происходящего.

Севир, затеявший свою игру, и не думал мстить кому-то, тем более Вукуле. Маг сам признался, что ему чужды подобные эмоции, да и мои впечатления после того, как я заглянула в его воспоминания, подтверждали это. Некромаги практичны до мозга костей! Севира не интересует ни власть, ни любовь, ни слава… Всё, что они делают, направлено лишь на увеличение силы, на рост собственной магии. А значит, вся эта чёртова шахматная комбинация – лишь ловушка! Очередная ловушка хитрого некромага, который решил под шумок заполучить сильнейший артефакт: магия семи ведьм.

Первый его план провалился, когда Севир понял, что я не предам свою любовь и не буду с ним… в качестве живого артефакта. Второй план рухнул, когда Генрих успел остановить Данью. Уверена, что то дерево было дубом-нежитью! А теперь зеркало… Да, некромаг убьёт и меня, и Вукулу, но не из мести, а просто чтобы избавится от отработанного материала.

Злость разрасталась во мне, затуманивая разум и прерывая дыхание, но я постаралась сдержаться. Тяжело дыша, нервно перебирала варианты. Если накормлю зеркало своей кровью, смогу втянуть силу обратно, но на это потребуется время, которого может и не быть. Что предпримет Севир, если

разрушится его очередной план, даже представить страшно. Прозрачными оставались лишь самые кончики пальцев, времени на раздумья не было.

И тут я вспомнила слова Севира: «Больнее всего, когда берёшь в руки приз… а он рассыпается пеплом в пальцах». Если некромаг будет считать, что план его удался, у меня появится шанс использовать остатки силы! Я спешно прикусила губу до крови и на мгновение прижалась губами к стеклу, по зеркальной поверхности пошла мелкая рябь, и я резко оттолкнулась. Оторвавшись, упала на спину и поднесла руки к глазам: самые кончики пальцем слегка мерцали: получилось! Оторвалась от проклятого зеркала как раз в тот момент, когда со мной ещё оставалась капелька силы семи ведьм!

Севир подскочил и нетерпеливо бросился к зеркалу. Ловушка на охотника захлопнулась!

Я быстро поднялась и кинулась к Аноли. Схватив её безвольные руки, повернула запястья: так и есть! Под тяжёлыми браслетами я обнаружила скрытые раны. Сердце болезненно сжалось при мысли, как отреагирует брат на возможную смерть его возлюбленной. Осторожно положила руки и склонилась над Аноли, пытаясь уловить дыхание. Слабое, но есть! Жива… пока. Пожалуйста, потерпи!

Повернулась к некромагу, который ощупывал зеркало с непередаваемой нежностью, – так не каждый мужчина будет ласкать женщину! – и усмехнулась:

– Доволен? Возможно, с силой семи ведьм это зеркало действительно стало могущественным артефактом.

Севир медленно обернулся, его колючий взгляд царапнул меня:

– Догадалась?

– Представь себе, – кивнула я. – Должно быть, обычный телевизор тебе и даром не нужен, а такое вот магическое зеркало, позволяющее заглянуть в любого живущего, очень даже необходим! Интересно только, как ты планировал использовать дерево…

Севир резко развернулся, спина его напряжённо выпрямилась, а глаза сверкнули синим льдом:

– Не твоего ума дело!

– Действительно! – Я пожала плечами. – Какое мне дело до дерева, испещрённого знаками и буквами? Что бы ты ни задумал тогда, план провалился. Генрих оказался сильнее тебя!

– Не сильнее, – брезгливо поморщился Севир, – а лишь чуточку расторопнее.

– Так что? – я кивком указала на зеркало. – Покажешь, как это

чудо работает? Сколько программ? Есть ли спутниковый канал? – Севир усмехнулся и покачал головой, и я понурилась: – Жаль! Хорошая задумка, много усилий, а результата может и не быть. Могущественный артефакт? По мне так это обычное зеркало… с красивой подсветкой. Понимаю – удобно накладывать устрашающий макияж перед походом на кладбище!

Севир вздрогнул и посмотрел на меня так, словно пытался испепелить на месте, а я мило улыбнулась:

– Не проверишь – не узнаешь! Так?

Лицо некромага потемнело, взгляд заметался, и я с трудом сдерживала ликование: мне удалось поселить сомнение в его сердце! Надо дожать и сделать так, чтобы маг попробовал воспользоваться зеркалом прямо сейчас. Во-первых, необходимо узнать, что творится в Краморе… узнать, что с Генрихом. При одной только мысли, что мой любимый охотник мог пострадать, всё внутри сжималось. А во-вторых, я отчаянно надеялась, что капелька силы ведьм, которая осталась при мне, сильно повлияет на работу артефакта. Если повезёт, то используя зеркало, некромаг пострадает сам, а я смогу воспользоваться моментом и прикончить Севира! Я притворно вздохнула и медленно произнесла:

– Не понимаю, почему ты медлишь. Стоило мне завладеть силой ведьм, так я сразу воспользовалась ею, чтобы проверить, что ты за тварь такая… – Севир замер на месте, лицо его словно окаменело, а я довольно улыбнулась и продолжила: – Да, я заглянула в твои воспоминания! Ты спрашивал, откуда я знаю, что никакой «истинной любви» не существует? Теперь понимаешь, откуда. Как ты думаешь, что ещё я могла увидеть? И кому рассказала?

Севир сжал пальцы в кулаки, дыхание его стало прерывистым, а взгляд тяжёлым. И хоть он молчал, я чувствовала, что нащупала нужные кнопки для воздействия на некромага. Сердце забилось быстрее: может, мне удастся увидеть в зеркале того, кого люблю. Пусть даже в последний раз… Но для этого мне нужно и дальше дёргать смерть за усы… то есть, Севира за нити сомнений. Я спрятала руки за спиной, чтобы некромаг не заметил светящихся кончиков пальцев, и приблизилась к зеркалу. Разглядывая отражающее стекло, с удовольствием отметила, что следов от капли крови, которой я напоила зеркало, нет.

– Ты так уверен в себе! – саркастично произнесла я и искоса посмотрела на Севира. – План, действительно, безупречен! Вукула либо разрушит Крамор, либо Комитет уничтожит волколака, но ты – личность, хоть и гадкая до омерзения, но неприкосновенная! Предположу, что комитетчики попросту

боятся некромагов… И раз те не претендуют на власть, существует негласный закон невмешательства. И даже если ты нарушишь его, институры тебя не тронут… – Я скривилась и фыркнула: – Лицензии, чтоб их! Трусишка Джерт не рискнёт выписать лицензию на ликвидацию некромага! Но есть и другие… более смелые!

Севир пристально посмотрел на меня:

– И кто же эти другие? – Усмехнулся и покачал головой: – Намекаешь, что рассказала о моём плане Генриху? И что? Чем мне помешает простой институр? Крамор будет разрушен, Комитет перестанет существовать…

– Не перестанет, – жёстко перебила я, – пока жив главный комитетчик. Ты просчитался, некромаг! Джерт – лишь исполняющий обязанности Главы, и, если он погибнет, то истинный лидер придёт за тобой, и, обладая особыми привилегиями, безо всякой лицензии прикончит!

Севир тяжело опёрся о раму зеркала, и по отражающей поверхности пробежалась лёгкая волна, словно это не стекло, а вода… Я тревожно покосилась на рябь, а некромаг прохрипел:

– Неужели… Генрих?

Я сухо кивнула:

– Пока ты расставлял хитроумные ловушки, он уже выиграл эту партию! Я уверена, Генрих сейчас в твоём доме и ждёт лишь известия о смерти исполняющего обязанности Главы, чтобы лично сжечь тебя синим пламенем! Всё ещё не веришь? – Я с усмешкой кивнула на зеркало: – Убедись!

Севир схватился за раму обеими руками и, вперив взгляд в своё отражение, прорычал:

– Покажи мне Генриха!

Я затаила дыхание, сердце пропустило удар, а ладони вспотели: вот он, мой шанс!

– Нужно прикоснуться, – непослушными губами прошептала я, – к зеркалу… – Севир недоверчиво покосился на меня, и я быстро кивнула: – Я так делала! Сработало два раза.

Некромаг вытянул руку и дотронулся до стекла кончиками пальцев:

– Что делает институр Генрих?

Зеркало помутнело, поверхность зашевелилась, словно задышала, и на миг я увидела, как Генрих изо всех сил орудует мечом, но не успела заметить ни то, где он был, ни с кем дрался. Но он жив! В груди разлилась горячая волна, и сердце сжалось от противоречивых чувств.

– Что это? – высоким голосом вскрикнул Севир, и я вздрогнула. – Я не могу оторвать руки!

Пальцы его намертво приклеились к зеркалу, поверхность которого потемнела настолько, что стала напоминать болото, а по запястью некромага поползли голубоватые искры. Они затухали, едва касаясь кожи, но оставляли на руке чёрные пятна. Некромаг, пытаясь освободиться, упёрся свободной рукой в зеркало, но та тоже увязла в тёмной массе и покрылась искрами.

– Так не должно быть! – взвизгнул некромаг, его обезумевший взгляд остановился на мне, и Севир хищно улыбнулся: – Только если ты не излила всю силу полностью! Неужели догадалась о силе крови и решила, что сможешь одолеть меня?

Я замерла, с ужасом наблюдая, как чёрные пятна расползаются, съедая кожу на руках Севира, уже показались белоснежные кости, но некромаг не обращал на это внимание, словно ничего и не ощущал. Скорее всего, так оно и было…

– Это не остановит меня! – расхохотался некромаг, и от его жуткого смеха к моему горлу подкатилась тошнота. – Сила ведьм умирает, соприкасаясь с некромагией. Скоро я обрету свободу… А ты ответишь за то, что уничтожила ценный артефакт!

Я испуганно посмотрела на зеркало: с каждой погасшей искрой зеркало бледнело, тени расползались, как облака в солнечный день. Стоит некромагу освободиться, и он убьёт меня, разрушит Крамор и, если Генрих погибнет, то останется безнаказанным. Не могу позволить этому случиться! Возможно, если Севир умрёт, его нежить, лишённая некромагии, исчезнет, как Багира. То, что инситор справится с Вукулой и его собачонками, у меня не вызывало сомнений.

– Возможно, ты не считаешь меня умной, – решительно проговорила я и в упор посмотрела на Севира. – Но я умею учиться и, чтобы выжить, никогда не упускаю возможности получить новые знания. Ты говорил, что нет ничего болезненнее, чем смотреть, как достижения рассыпаются пеплом в руках. Так вот, смотри! Смотри, как умирает сила ведьм, за которой ты так долго гонялся! Но это лишь начало, начало твоего конца! Хочу показать тебе ещё один фокус, которому обучил меня мой отец!

Подняла руку и, не удержавшись, показала Севиру кукиш, а потом сложила пальцы определённым образом и щёлкнула ими, вызывая мерцающий синий огонёк. Севир замер на мгновение, а потом прошипел:

– Невозможно! Ты же ведьма, а не инситор…

– Сюрприз, – мрачно усмехнулась я и, собираясь стряхнуть пламя на некромага, вытянула руку: – Ты не можешь защищаться, пока руки твои заняты. Прощай, женишок…

– Нет! – отпрянул Севир и быстро затараторил: – Ты тоже

погибнешь! И та женщина… её же любит твой брат! Мы в подвале, вам не выбраться…

– Значит, так тому и быть, – прошептала я и, стряхнув огонёк на плечо некромага, отступила на несколько шагов. – Зато и ты прекратишь своё существование!

– Нет! – завизжал Севир и, дергаясь всем телом, попытался стряхнуть пламя, но огонёк лишь разгорался всё ярче, охватывая плечи некромага, синими змеями полз по рукам, дымился в волосах. – Нет!

Севир впился зубами в свои пальцы, в приступе отчаяния пытаясь отгрызть их и освободиться от хватки зеркала, а я нервно посматривала на мутное зеркало, на котором быстро таяли тени, удерживающие некромага. Лишь бы пламя справилось со своей задачей быстрее, чем некромаг сумеет освободиться. Будь он жив, и кровь напитала бы зеркало, ещё неизвестно, чем бы всё закончилось, но плоть мага чернела, кожа слезала, обнажая кости, и я не увидела даже капельки крови. Часть зеркальной поверхности стала ясной, и одна рука некромага, объятая пламенем, опустилась.

Севир, воспользовавшись свободой, попытался выхватить свой кинжал, но магическое пламя уже сожрало фаланги его пальцев, и оружие с грохотом упало на каменный пол, алое навершие лопнуло, и то, что казалось драгоценным камнем, разлилось по полу меленькой лужицей крови. Бордовая капля коснулась зеркала, и стекло с треском разлетелось на куски. Я закрылась руками и присела, пытаясь избежать столкновения с осколками, а когда подняла голову, увидела лишь столб синего огня, в котором невозможно было разглядеть хоть что-либо.

Пламя, поглотив некромага, медленно оседало, расползалось по полу, протягивало синие щупальца в сторону чёрного гроба и ко мне. Я судорожно подскочила и метнулась к Аноли. Забралась в гроб и, обхватив хранительницу за талию, попыталась её приподнять. Огонь становился всё ближе и ближе, стало очень трудно дышать.

Закашлявшись, я вытянула Аноли из гроба и, прижимаясь к стене, потащила в сторону выхода, но уперлась в невидимую стену. Дрожащие руки безвольно повисли, и бесчувственная Аноли мягко осела на пол, а я опустилась рядом и, схватившись руками за голову, завыла от ужаса. Сбывался мой самый жуткий кошмар!

По щекам заструились слёзы, дышать стало совершенно невозможно, перед глазами потемнело. Как же страшно! Не хочу умирать! Пламя медленно, словно голодный хищник, подбиралось ко мне…

Раздался взрыв, и синяя стена отпрянула, недовольно зашипела и, сияя прорехами, медленно осела на пол. Сквозь пелену дурноты я едва расслышала:

– Мара, вот ты где, горе моё луковое!..

***

– И вот, когда я уже думал, что страж перегрызёт мне глотку, как появляется Генрих. Чтобы отвлечь зверя от моей шеи, бросает свой телефон… Уверяю, своим метким броском он выбил волку глаз! Тот с воем и визгом удрал, а наш славный инситор рубил корни ожившим дубам так, что щепки летели…

– Олдрик, – недовольно пробурчал Генрих, – если ты немедленно не прекратишь это, я откажусь возвращаться на пост Главы…

– Генрих! – подскочил хранитель, и его алые одежды взметнулись, словно паруса. – Как ты можешь? В то время, когда Крамор лежит в руинах, надежда только на нескольких выживших инситоров!

Инситор отмахнулся и вновь повернулся ко мне, на губах его заиграла нежная улыбка:

– Мара, он тебя ещё не утомил?

Я попыталась приподняться, но лишь скорчилась от боли в обожжённых руках и со вздохом опустилась на подушки.

– Пусть говорит, – прохрипела я, и Генрих тут же потянулся за водой. Приподнял мою голову и осторожно приблизил к губам стакан, помог сделать глоток: зубы застучали о стекло, возрождая страшные воспоминания, и по спине пробежался холодок. Я откинулась и, медленно выдохнув, с содроганием произнесла: – Это отвлекает меня…

– Говори, – сурово приказал Генрих. – Но без сказок! Я не выбивал глаз, волк проглотил мой телефон.

Олдрик тут же разразился потоком слов, восхваляя доблесть и сноровку своего, – и моего! – спасителя, а Генрих осторожно, чтобы не причинять лишней боли, обхватил ладонями мою забинтованную кисть. Инситор смотрел на меня, и я всем телом ощущала, как из его изумрудных глаз словно изливается поток тревожной нежности. Дыхание перехватило, а по щекам покатились слёзы. Да, он немногословен, мой дорогой охотник. Но зато как красноречив его взгляд!

– Так вот почему ты остался у дома некромага, – тихо проговорила я, представляя, как Генрих метает сотовый в пасть волколаку. – Ты не получил сообщение, которое Севир отправил с телефона Аноли!

В комнату вошёл Лежик, и я встрепенулась, но тут же скорчилась от боли. Брат подошёл и, успокаивающе похлопав

меня по плечу, ответил на невысказанный вопрос:

– Аноли лучше. Но досталось ей больше, чем тебе…

– Да ладно, – обиделась я. – Я закрывала её собой от синего пламени!

– А она тебя от рухнувшей защитной стены некромага, – в тон мне пробурчал Лежик.

– Нет, ну что такое? – взвилась я. – Я спасла его драгоценную любовь, а в ответ одни лишь упрёки… Хоть обо мне бы побеспокоился. Даже спасибо не сказал. Брат, называется!

– Спасибо, – неожиданно улыбнулся Лежик, и все возмущённые слова застряли у меня в горле. Я всхлипнула, а инкуб погладил меня по голове: – Да ты не переживай! Волосы отрастут, руки заживут, снова станешь похожей на девушку…

– Что значит похожей? – зло посмотрела я на брата: – Я и есть девушка!

Инкуб смерил меня ироничным взглядом:

– Сейчас ты больше напоминаешь ощипанную сову. Особенно круглыми от возмущения глазами.

Я растерянно моргнула, и инкуб хихикнул, а я прошипела:

– Ах ты, драконище недобитый! Жить надоело? Да я…

– Извини, – Лежка махнул рукой и двинулся к выходу: – У меня жёны несчитанные, дети не тисканные. То есть, наоборот! – У двери брат обернулся и показал мне язык: – Да и не сможешь ты мне ничего теперь сделать!

Я повернулась к Генриху и простонала:

– Зарежь моего брата! Я выпью его крови и сразу исцелюсь!

Генрих решительно поднялся, рука его легла на рукоять меча, и лицо Лежика побелело.

– Мара, – просипел он. – Я же пошутил!

И тут же исчез за дверью. Олдрик громогласно захохотал, я захихикала, и даже Генрих, возвращаясь к кровати, слегка улыбнулся: разумеется, он и не думал убивать инкуба… наверное.

– Кстати, – отсмеявшись, проговорил Олдрик, – Аноли действительно пострадала из-за тебя, Мара!

– И этот туда же, – обиженно проворчала я. – Ну да, я знаю! Если бы не приворотное зелье, некромаг бы не похитил её…

– Нет же! – перебил меня хранитель. – Если бы ты оставила её на месте, Аноли бы не пострадала от рухнувшей стены. В подвале ты совершенно забыла, что синее пламя не причинит вреда Красной птице.

– Упс, – смущённо хихикнула я. – Действительно…

Олдрик тут же сменил тему:

– Вот… И когда Генрих вонзил меч у крыльца дома некромага, я подумал, что он сошёл с ума! Вместо того чтобы

искать тебя, землю ковыряет. Но оказалось, наш бравый герой искал точку соприкосновения магических линий, чтобы снять невидимую стену защиты. И как догадался, ума не приложу!

– Он такое уже вытворял, – кивнула я, – на кладбище, когда спасал меня от Севира… – Я вздрогнула и удивлённо посмотрела на Генриха: – Я могу произносить его имя! Раньше даже при попытке испытывала ощущение, что забыла, как вообще говорить… Как так?

– Некромаг мёртв, – ровно отозвался Генрих, – магия его исчезла.

– Севир? – отозвался Олдрик, отец почесал бороду и протянул: – Ощущение, что мне знакомо это имя.

Я иронично покосилась на хранителя:

– Что, тоже был его невестой? Только они имеют право знать истинное имя некромага! Кстати, что с остальными невестами?

– Забава повела их на прогулку, – ответил Генрих.

Я тревожно покосилась на зашторенное окно:

– А сейчас день или ночь? Если ночь, их надо срочно вернуть или проблем с полицией нам не избежать… Ладно Забава, к ней все привыкли! Или Аноли, – кто будет связываться со злой птичкой? Но беззащитные девушки из провинции… Русалка сошла с ума!

– Всё хорошо, – успокаивающе проговорил Генрих. – Забава пригласила их в гости в дом твоего брата…

– И это, по-твоему, хорошо? – взвилась я. – Да жёны Лежкины их на пуговицы разберут! Немедленно спасай девчонок! Хотя бы то, что от них осталось… – я сурово посмотрела на Генриха: – Что смотришь? Иди же!

Охотник нехотя поднялся, но Олдрик опередил его:

– Я пойду! Тише, Мара, тебе вредно волноваться…

Он выскользнул из комнаты и тщательно прикрыл за собой дверь, а Генрих посмотрел на меня так, что у меня перехватило дыхание от боли в его взгляде.

– Прости меня, – прошептал он. – Я не должен был оставлять тебя. Я виноват, Мара…

Не сдержав слёзы, я помотала головой:

– Нет! Ты ни в чём не виноват! Это я… всё я… Я такая глупая!

Генрих медленно опустился на кровать, его рука легла мне на голову, и я невольно сжалась, ощущая себя неполноценной без своей рыжей копны волос.

– Тс-с… Тише, – прошептал Генрих. Он наклонился, и я ощутила на щеке его горячее дыхание: – Ты не глупая, Мара. Но больше никогда не подвергай свою жизнь опасности! Я без тебя… не могу жить… не могу дышать… Люблю тебя!

Он наклонился, и его губы прижались к моим влажным от слёз векам. Я затаила дыхание, ощущая, как уходит боль, как растворяются тревоги. Казалось, даже самый страстный поцелуй не произвел бы на меня такого сильного впечатления. Слёзы всё текли и текли по щекам, а институтор тихонько проводил пальцами по моему лицу, вытирая их.

– Всё хорошо, – тихо шептал он. – Всё хорошо.

***

Я с ноги распахнула дверь и крикнула:

– Драконище недобитый! Выходи на честный бой!

Из кухни выглянула удивлённая Аноли: цветастый фартук на её округлившемся пузике никак не вязался с окровавленным мечом в руке.

– Мара? Ты что орёшь?

– Блин, – огорчилась я, разглядывая меч в руке хранительницы, – похоже, я опоздала! Ты теперь вдова?

– Сама ты вдова! – обиделась Аноли и исчезла на кухне.

Я пожала плечами и прошла в гостиную. Дом Аноли, когда в него заехал весь Лежкин гарем, полностью преобразился: быстрый ремонт добавил интерьеру ярких красок, но дети, не удовольствовавшись этим, активно разрисовывали стены всё новыми каракулями. Хранительница, как ни странно, никому не позволяла ликвидировать последствия детской фантазии, утверждая, что дом никогда ещё не был более живым.

Конечно, по сравнению с домом почившего Севира, который мы временно превратили в Новый Крамор, он действительно был веселее и ярче. А ещё – гораздо громче! Только подъезжая к воротам, гость уже слышал непрекращающийся гул голосов, звон посуды, треск ломаемых игрушек и веселый дитячий визг. Казалось, здесь поселилось счастье! И поэтому Лежка наглым образом забил на работу, предпочитая беззаботно нежиться в объятиях любимых жён. Конечно! Банковский счёт Аноли позволял инкубу не только не переживать за своё семейство, да ещё и проворачивать различные финансовые авантюры. Незаконные, разумеется! В результате одной из них моё агентство едва не исчезло… вместе со зданием Забавы!

Едва разобравшись со свалившимися на наши головы проблемами, Забава направилась парк, – лечить свои нервы и трепать чужие, – а я бросилась откручивать голову своему дорогому братцу!

Но ни в гостиной, в которой меня облапали детские ручонки, ни в саду, где меня облепили радостные жёны, Лежика не было, и я, с трудом вырвавшись, вернулась на кухню, где Аноли методично разделывала огромную тушу какого-то невезучего

животного.

– И кто это? – кивнула я на окровавленный стол. – В смысле, как зовут этот труп?

Аноли выпрямилась и покрутила пальцем у виска:

– Кажется, после того пожара, у тебя что-то с головой. Трупы не зовут! Их едят.

– Да и ты не отделалась лёгким испугом, – парировала я. – Как ещё объяснить, что ты не только приютила Лежкин гарем, но и сама за инкуба замуж выскочила?! – Аноли злобно свернула глазами, и я примирительно рассмеялась: – Да ладно тебе! Шуток не понимаешь?

– Не советую шутить с беременной женщиной, – прорычала Аноли, угрожая мне мечом, – у которой уже третий месяц токсикоз на всё, кроме сырого мяса!

Я хмыкнула:

– А ты уверена, что беременна от инкуба, а не от волколака?..

Что-то просвистело у самого виска, и я обернулась, да так и замерла при виде покачивающегося в стене окровавленного меча. Не смея и пошевелиться, просипела:

– Прости невестка… была неправа…

– То-то же! – довольно буркнула Аноли. С лёгкостью вытащив меч, вернулась к столу и снова замахнулась: – Тебе отрезать кусочек?

– Только если не от меня, – пробормотала я, недоверчиво посматривая на особо нервную беременную женщину с оружием в руках.

Зазвонил сотовый, и я с облегчением выскочила с кухни Аноли. Та крикнула вслед:

– Если это Генрих, передавай привет! И скажи, что жду вечером на стейк! Опоздает хоть на минуту, и стейк будет из него!

Я торопливо покинула дом и, прижав сотовый к уху, невольно улыбнулась:

– Ты в городе?

– В твоей малюсенькой квартирке, – тихо ответил Генрих.

От звука его голоса у меня защемило сердце, а в горле возник ком. Я прикусила нижнюю губу и, не в силах говорить, кивнула, словно институтор мог это видеть. Сунув сотовый в карман, бросилась к автомобилю. За месяц так соскучилась по своему охотнику, что, казалось, уже стала задыхаться без него.

Гнала так, что дома превратились в мельтешение цветных пятен. Чудом ни во что не врезавшись и никого не задавив, остановила машину у серого здания на окраине столицы. Однокомнатная квартирка, в которой я жила до встречи с

Генрихом, стала для меня и инститора любовным гнёздышком. Но только на словах: у меня долго заживали ожоги от синего пламени, да и Генриха почти постоянно не было в городе. После того, как Вукула и его стражи разрушили Крамор, Комитет почти перестал существовать, и, чтобы восстановить порядок применения магии, оставшейся горстке институров пришлось немало потрудиться.

Поднималась по лестнице едва дыша, перед глазами плясали разноцветные пятна, сердце, казалось, сейчас выпрыгнет из груди. Каждый вечер, перед сном, мы разговаривали по телефону, и Генрих день за днём становился всё нежнее и внимательнее. Мы были физически далеко друг от друга, но сердцами становились всё ближе, заново узнавая друг друга. Я мечтала о дне, когда же смогу прижаться к его груди, покрыть поцелуями его лицо, слиться с любимым… Ощутив, как полыхают жаром щёки, тихо рассмеялась и бегом, перескакивая через две ступеньки, побежала по лестнице.

Скрипнула входная дверь, и я, закрыв её, прижалась спиной к прохладному дереву. Пытаясь успокоить рваное дыхание, прислушалась.

– Генрих? – позвала прерывающимся от волнения голосом. – Ты здесь?

Не дождавшись ответа, легко ухмыльнулась, – видимо Генрих, вымотанный беготнёй по следам сбежавших стражей, просто-напросто заснул! – и прошла в комнатку. Обогнула книжный шкаф и растерянно остановилась у пустой кровати. Больше в комнате мебели не было, даже мой старенький комод пришлось выбросить, чтобы поставить, с мечтой о будущем счастье, двуспальную кровать, под которую я тоже заглянула: мой любимый до сих пор предпочитает мягкому матрасу бывалый спальник. Но и на полу никого не было.

Я выпрямилась и, тяжело вздохнув, полезла в карман за сотовым: скорее всего, появилась информация о Вукуле, и Генрих вновь помчался на поиски злодея. Но когда в трубке послышались длинные гудки, в комнате раздался звонок. Вздрогнула и озадаченно посмотрела на подпрыгивающий сотовый охотника. Трудно представить, что институр забыл свой телефон, но, возможно, тот попросту выпал. А Генрих вышел прикупить что-то… еды, например! Увы, хозяйка из меня так себе, и холодильник вечно пустой.

Успокоив себя, положила оба телефона бок о бок на полочку, чтобы хоть как-то стать ближе к любимому, и направилась на кухоньку. Смахнула тряпкой пыль со стола и поставила чайник на огонь. На глаза попался ковшик, в котором Генрих как-то

приготовил мне вкусную кашу… Как же давно это было! Взяла ковш в руки и понюхала, словно пытаясь уловить ушедший аромат тех дней, когда ещё была ведьмой, за которой гонялся непримиримый институтор. Но, увы, пахло лишь железом, да средством для мытья посуды. Брякнула дном ковшика о подставку и вздохнула. Когда же вернётся Генрих?

Выключив вскипевший чайник, вернулась в комнату и, прижавшись разгорячённым лбом к прохладному стеклу, посмотрела на грядки под окном. Мелиса уже переросла, надо бы её срезать, пока не поздно… или уже поздно? Какое мне дело до травы?! В душе росло беспокойство, и я уже собиралась идти на поиски институтора, как услышала в прихожей шорох.

– Ну наконец-то! – обрадовалась я и бросилась навстречу Генриху: – Я так ждала!

Но, заметив фигуру гостя, замерла на месте.

– А уж как я ждал этой встречи, – прорычал зеленоглазый мужчина. – Сколько пришлось загрызть институторов, чтобы добраться до тебя!

– Вукула, – ахнула я.

Взгляд скользнул по спутанным белоснежным волосам, задержался на красных шрамах, уродующих некогда красивое лицо, и опустился на короткий меч, который волколак держал в руках. Меч институтора! Сердце дрогнуло.

– Где Генрих? – тихо спросила я. – Что ты с ним сделал?

– Генрих? – скривился Вукула и странно посмотрел на меня: – Лучше бы спросила, что я сделаю с тобой.

Я глубоко вдохнула и, отгоняя дурноту, так не вовремя накрывшую меня, проговорила:

– Хотел бы, давно бы убил…

Вукула насмешливо приподнял седые брови:

– Убить? – Он покачал головой, и белые волосы его покачнулись. – Это слишком милосердно. Я заставлю тебя страдать так же, как мучился я. Ты испытаешь весь спектр отчаяния и боли. Я лишу тебя всего, что тебе дорого…

– Ещё один, – устало вздохнула я и в упор посмотрела на волколака: – Хватит! Мне надоело выслушивать это раз за разом. Я теперь совсем другая, Вукула! Та ведьмочка, в которую ты был влюблён, погибла в синем пламени. А я возродилась из него! Я больше ничего не боюсь, и я никогда не отступлю! Скоро я стану институтором и…

– Ты действительно стала другой, – сухо перебил меня Вукула. – Но это я изменил тебя! Это я лишил тебя силы! Ты так кичилась своими способностями, использовала их по поводу и без! Скажи, каково это – ощущать себя беспомощнее таракана?

Я опустила глаза и невольно потёрла руки: мерцание капли силы семи ведьм после пожара стало гораздо тусклее, и лишь острый взгляд мог заметить лёгкое свечение.

– Я бы не сказала, что так уж беззащитна, – язвительно хмыкнула я.

– Я лишил тебя Крамора! – упрямо продолжил Вукула.

– А вот за это даже спасибо, – невольно улыбнулась я. – Конечно, жаль тех, кто погиб в той битве, но зато в новом Комитете нет скользких личностей и всяких подозрительных типов… Но самое главное, там нет жуткого зеркального зала!

Вукула на миг замер, моргнул, но через мгновение рот его распахнулся в злом оскале:

– Посмотрим, поблагодаришь ли ты меня за то, что избавлю тебя от жениха!

Сердце ёкнуло, но, старясь не выдать тревоги, я смело посмотрела в глаза врагу:

– У меня нет жениха, Вукула.

Тот изогнул брови:

– А Генрих?

Я произнесла как можно спокойнее:

– Генрих – мой муж. Мы обвенчались с институтором в тот же день, когда он вытащил меня из подвала Севира… Из того самого, где некромаг ждал тебя, чтобы убить меня на твоих глазах. – Я саркастично скривилась: – Чтобы ты испытал весь спектр отчаяния и боли. Ничего не напоминает? Не спали я тогда синеглазого гада, все мы были бы уже мертвы… Точнее, я мертва, а ты вечно служил бы нежитью у некромага.

Меч, который Вукула держал в руках, опустился, дыхание волколака стало рваным, а на щеках заалели пятна болезненного румянца.

– О чём ты говоришь?

Я горько усмехнулась:

– Ты пытался манипулировать некромагом, а он обвёл тебя вокруг пальца… Воспользовавшись возможностью, решил заиметь в свою коллекцию новый артефакт, наполненный силой семи ведьм! Чтобы быть уверенным в твоей победе над Крамором, Севир тайком обратил множество твоих союзников в нежить. В курсе, что эти твари не боятся боли, не страшатся умереть? Идеальные воины! А после того, как ты стёр бы городок институров с лица земли, Севир бы пригласил тебя к себе в гости… Не знал, что у него в столице огромный дом? Практически замок! Там он планировал лишить тебя всего, чего ты достиг. А я… – Сурово посмотрела на угрюмого волколака и кивнула: – Да-да! Весь спектр отчаяния и боли, как ты заказывал,

я уже испытала там.

Пальцы волколака разжались, и меч со стуком упал на пол. Я, с трудом передвигая непослушные ноги, медленно приблизилась к волколаку и, протянув руку, осторожно прикоснулась к его щетинистой щеке:

– Мы оба получили шанс на новую жизнь, Вукула. Я воспользовалась им и стала другой. Выбор за тобой: продолжишь ли ты ненавидеть ту глупую ведьмочку, что причинила тебе столько боли, или выйдешь из леса отчаяния и боли, чтобы найти свою, – новую! – дорогу в жизни?

Вукула смотрел на меня, и его зелёные глаза, казалось, ничего не выражали. Волколак поднял руку, в которой только что держал меч и прижал своей шершавой ладонью мою руку к своей щеке.

– Я готов, Мара, – тихо проговорил он, – если ты пойдёшь по этой дороге вместе со мной.

Я сузила глаза:

– Сказала же, что замужем!

Правый уголок рта Вукулы дёрнулся, обнажая в хищной усмешке белоснежные зубы:

– Сделать тебя вдовой?

– Только попробуй! – не сдержавшись, воскликнула я и, выдернув свою руку, тяжело задышала: не хватало ещё, чтобы волколак лишил меня такой долгожданной первой свадебной ночи! Но гнев и спешка ни к чему хорошему ещё не приводили. Я глубоко вдохнула и серьёзно посмотрела на Вукулу: – Уверена, что ты уже пытался, и, скорее всего, не раз. Потому и пришёл ко мне, чтобы попытаться переманить на свою сторону… Угрозами, скорее всего. Но это всё бесполезно! Неважно, как ты раздобыл меч Генриха, я знаю, что мой муж жив!

– Правда? – глухо спросил Вукула. – Но я не отступлю. Неважно, чего мне это будет стоить, ты пойдёшь со мной!

Его взгляд исподлобья совсем мне не понравился, но я старалась не поддаваться тревоге. Отступила на шаг и подняла перед собой руки:

– Знаешь, почему меня принимают в институты без длительного обучения и тяжелейшего испытания? Я продемонстрирую тебе причину особого отношения хранителей к бывшей ведьме. Смотри внимательно! – Сложив пальцы на обеих руках так, как учил меня Олдрик, я щелчками вызвала два маленьких огонька и мило улыбнулась: – И помни! Это ты изменил меня…

Лицо Вукулы побелело, он невольно отшатнулся и выставил руки вперёд ладонями, словно пытаясь защититься. Глаза

волколака замерцали разноцветными всполохами, совсем как тогда, – во дворе Даньи, – а очертания тела поплыли белесым туманом. Миг, и передо мной, скалясь, стоял огромный белоснежный волк. Ещё мгновение, и он исчез…

Я же не двигалась с места, даже старалась не моргать, но ни мерцания, ни движения так и не заметила. Кажется, Вукула действительно ушёл. Надеюсь, не только из моей квартиры, но и из моей жизни. Но, опасаясь, что это очередная ловушка, я всё же напряжённо прислушивалась, ожидая нападения в любой момент.

– Стоп!

Я послушно изменила положение пальцев, – огоньки пропали, – и только потом обернулась: на подоконнике сидел изрядно потрёпанный Генрих! Лохмотья одежды местами алели пятнами крови, а лицо казалось изможденным, но изумрудные глаза ярко сверкали. Когда я посмотрела в них, все вопросы, – как он забрался, как сумел тихонько отворить окно и, вообще, почему воспользовался таким странным способом, – растаяли без следа.

– С ума сошла?! – рявкнул Генрих: – Вызывать синий огонь в квартире, посреди города… из рук ведьмы! Жить надоело?

Я не спеша отвернулась, подошла к двери и, тщательно запрев замок, вновь развернулась к окну.

– Да, сошла с ума! – дрожащим голосом проговорила я и, стянув футболку через голову, не глядя, отбросила в сторону. Когда Генрих замер, хрипло добавила: – В этой маленькой квартирке, посреди города, больше не проживает ни одна ведьма-! – Путаясь в штанинах, сняла брюки. Институтор медленно слез с подоконника, щёки Генриха покрылись пятнами румянца. Я сделала ещё шаг и, обвив руками татуированную шею любимого, прошептала: – Кажется, только сейчас начинаю жить!

Приподнявшись на носочки, потянулась к нему и приникла губами к колючей щеке. Скользнула к губам, жадно проникая языком, и Генрих, схватив меня за плечи, тут же отозвался на поцелуй. Но через мгновение отстранился и, подхватив меня на руки, бросил на кровать. Я ахнула и рассмеялась, а институтор, спешно избавившись от одежды, растянулся рядом.

Тело пылало, но я медлила. Сев на колени, потянулась руками к лицу Генриха: он прикрыл веки, по впалым щекам его скользнули желваки, нервно дёрнулся кадык. Я нежно провела кончиками пальцев по щетине, опустилась к ярёмной ямочке, погладила мускулистую грудь, провела руками по бёдрам, наслаждаясь напряжённым телом любимого мужчины. Терпкий аромат его кожи дразнил меня, лишал воли, и я, поддавшись растущему желанию, приникла к Генриху, прижимаясь всем телом.

– Мой любимый муж, – дрожа, прошептала я.

Генрих вздрогнул и, распахнув глаза, внимательно посмотрел на меня.

– Хочешь меня? – низким, вибрирующим голосом, спросил он.

Я сглотнула и, ощутив, как приподнялись волоски на руках, прошептала:

– Да…

Генрих резко перевернул меня и, прижав за плечи к кровати, улыбнулся так, что у меня перед глазами всё поплыло.

– А помнишь, – иронично хмыкнул он, не отрывая от меня внимательного взгляда, – свои слова о том, что, будь я единственным мужчиной, ты не занялась бы со мной сексом?

Я ощутила, как в груди стало так горячо, что почти невозможно было терпеть, эта волна нежности заглушала даже дикое, необузданное желание тела.

– Ты единственный мужчина, с которым я хочу заниматься сексом, – страстно проговорила я и, сглотнув непрошеные слёзы счастья, прошептала: – Люблю тебя…

Генрих резко приник губами к моему рту, и мир вокруг словно рассыпался на миллион осколков, каждый из которых пронзал всё моё существо, причиняя удовольствие на грани боли. Наши тела слились воедино, и я услышала свой собственный крик и низкий, почти животный, стон Генриха. Сердце стучало набатом, в ушах шумело, от пика наслаждения я едва не теряла сознание.

Когда Генрих упал, обессиленный и удовлетворённый, ощутила, как по щекам снова покатились слёзы. Всхлипнула и, уткнувшись под мышку любимого, наслаждалась ароматом его тела.

– Тебе не больно? – тихо спросил Генрих.

Я невольно рассмеялась и шутливо ткнула его кулаком в плечо:

– С чего это? Это ты у нас девственник, а я – развратная ведьма, которая наконец-таки забрала невинность инститора… Хотя нет! Ты прав, мне больно. Больно от одной только мысли, что мы с тобой из-за твоего непонимания и моего упрямства упустили несколько месяцев счастья!

– Из-за твоего непонимания и моего упрямства, – строго проговорил Генрих.

Когда я поняла, что он поправил меня, то рассмеялась:

– Как скажешь, дорогой! Хрен редьки не слаще…

– Действительно? – удивился Генрих: – Не знал. Приготовить тебе обед?

– Из хрена и редьки? – фыркнула я. – Нет уж! У меня предложение получше: давай навестим моего любвеобильного братца. Его злая жена разделывала кучу мяса… судя по виду, это был как минимум родственник Вукулы!

При упоминании этого имени, с лица Генриха вмиг слетела умиротворённость.

– Почему ты вспомнила про волколака?

Я села на кровати и, не глядя на инситора, проговорила, стараясь, чтобы голос звучал равнодушно:

– Он приходил. Мы поговорили, а потом он ушёл… как раз перед твоим эффектным появлением в окне. А что, ревнуешь?

– Обеспокоен, – тихо ответил Генрих. Он поднялся и, развернув меня за плечи лицом к себе, добавил: – Он очень опасен, Мара! Вукула давно не щенок волколака, который хотел жениться на тебе…

Я усмехнулась:

– А то не знаю! – И многозначительно посмотрела на мужа: – Но и я давно не та ведьма, за которой по пятам ходил упрямый щенок. – Обхватила его лицо ладонями и, звонко поцеловав, заверила: – Не волнуйся! Я не дам себя в обиду. Я без пяти минут инситор, не забыл? Даже Вукула был впечатлён! Думаю, теперь он оставит меня в покое…

– Не уверен, – мрачно пробормотал Генрих.

Он поднялся и, натянув брюки, подошёл к окну, а я, растянувшись на кровати, с удовольствием любовалась игрой мышц на его спине. Генрих выглянул в окно, махнул рукой и покачал головой.

– Там кто-то есть? – лениво заинтересовалась я.

Генрих обернулся, и губ его коснулась нервная улыбка, а взгляд заметался по комнате. У меня брови поползли вверх:

– Такое ощущение, что ты не решаешься мне что-то сказать. Инситор, который запугивал меня до колик… боится бывшей ведьмы?!

– Ведьмы не бывают бывшими, – криво усмехнулся Генрих. – Сила уходит, а привычка делать гадости остаётся!

– Спасибо, любимый, за комплимент, – растерянно проговорила я и тут же рассмеялась: – Да ладно, говори! Даю честное слово, что не подмешаю яд в твою еду!

– Конечно, не подмешаешь! – серьёзно ответил Генрих. – Готовить буду я.

Я хлопнула себя по лбу и, лишившись последней капли терпения, слезла с кровати, да подскочила к окну. Генрих бросился мне наперерез и крепко прижал к себе. Я удивилась:

– Действительно не хочешь, чтобы я узнала? А обещал, что у

нас друг от друга не будет больше тайн!

Генрих слегка отстранился и, многозначительно посмотрев на мою грудь, ярко покраснел:

– Ты же голая! А там… Ханк!

Я прижалась к Генриху и смущённо пискнула:

– Ой! А зачем он стоит под нашими окнами? – Вспомнив, чем мы только что занимались с распахнутым окном, покраснела сильнее Генриха: – Так он подслушивал? Извращенец! – Смущение постепенно уступало место злости. Оттолкнула Генриха и, натянув его майку, которая на мне выглядела, как платье, прошипела: – Голову откручу!

– Стой! – Смеясь, Генрих схватил меня за руку. – Он не подслушивал… Это я!

Я растерянно замерла:

– Что ты?

Он виновато развёл руками:

– Приказал Ханку, пока меня нет в городе, охранять тебя! Так спокойнее… Когда вернулся, то в ожидании тебя, вышел во внутренний двор, чтобы выслушать отчёт, но внезапно ощутил тревогу и, не желая огибать здание, чтобы попасть в подъезд, просто залез в окно. Как оказалось, интуиция меня не подвела, но гость уже ушёл…

– У, – протянула я и махнула рукой на сотовый: – В следующий раз не разбрасывай свои вещи! И тогда, может быть, ты первый узнаешь о подобном визите! И будет тебе вечное спокойствие и просветление! Кстати, Вукула ещё и подарочек тебе принёс, у порога лежит.

Генрих, хмурясь, вышел из комнаты, а я, стянув майку инститора, быстренько оделась и подошла к нему. Охотник стоял над мечом, и лицо его приняло задумчивое выражение. Я сунула майку ему в руки и усмехнулась:

– Что рассматриваешь? Не узнаёшь свой собственный меч?

Генрих покачал головой.

– Мой в доме некромага. Но этот… как будто точная его копия.

Я присела на корточки и изогнула правую бровь:

– А что? Твой меч не должен иметь аналогов? – Генрих тоже опустился и нехотя подхватил оружие, а я – сумку. – Даже если Вукула занялся подделкой уникального оружия, – решительно проговорила я, – это не повод отказываться от стейка и бокала красного вина. Тем более что Лежка проставляется!

– Родился очередной племянник? – пристраивая новый меч на поясе, усмехнулся Генрих.

– Нет, – рассмеялась я. – Всё же брат производительностью

заметно уступает кроликам, так что капитала Аноли должно хватить… хотя бы лет на пять!

– А что тогда празднуем? – удивился Генрих, распахивая передо мною дверь.

Я вышла из квартиры и, обернувшись, подмигнула институтору:

– Хороним! Пока я думала, как мне быть с агентством, Лежка проиграл в сомнительной сделке не только его, но и всё здание Забавы! Так что выпьем за упокой «Чудо-травы»… а если опоздаем и русалка доберётся до инкуба первой, то за упокой моего неугомонного братца!

ЭПИЛОГ: Приданое жениха

Я открыла глаза и, щурясь от утреннего солнышка, с удовольствием потянулась, перевернулась и, улыбаясь, посмотрела на умиротворённое лицо Генриха. Глаза мужа закрыты, щека, на которой он лежит, смешно сплющилась, рот приоткрыт. Такой милый! Спит, как младенец… Большой такой, мускулистый и татуированный младенец!

Прикоснулась к геометрической татуировке на его шее и, проведя пальчиком по рисунку, прошептала:

– Доброе утро.

Генрих что-то проворчал и, не открывая глаз, протянул руки. Сграбастав меня в объятия, перевернулся, прижимая к кровати, осыпал моё лицо лёгкими поцелуями, ища губы и, добравшись, страстно приник ртом. Я обвила мужа руками и ногами, жадно поддаваясь настойчивой ласке. Растворяясь в сладострастном тумане, стонала, выгибаясь навстречу ритмичным движениям Генриха, впивалась пальцами в его напряжённые руки, царапала спину. Низкий стон мужа возбуждал ещё сильнее, и я, не в силах более сдерживаться, обхватила голову Генриха и, прижав к груди, содрогнулась на пике удовольствия и, тяжело дыша, откинулась на простыни.

Генрих приподнялся и, с улыбкой посмотрев на меня, проговорил:

– А вот теперь утро действительно стало добрым! – Чмокнул меня и, вскочив с кровати, игриво заявил: – Чур, я первый в душ! – Я надулась было, но муж хитро подмигнул и, приставив ладонь ко рту, громко прошептал: – Но ты всегда можешь ко мне присоединиться!

Я рассмеялась и, махнув рукой, раскинулась на кровати. Телом медленно овладевала нега, двигаться не хотелось, а тем более идти под душ, и я позволила себе ещё немного понежиться в постели. Раздался шум льющейся воды. Представив стройную фигуру Генриха, прикусила нижнюю губу. Стоило вообразить, как

по его загорелой коже стекают струи воды, обрисовывая накачанные плечи, кубики пресса, упругий зад, как поняла, что снова возбуждаюсь. В предвкушении продолжения утреннего блаженства, вскочила и, обмотав простынь вокруг тела, шагнула в сторону ванной комнаты. Но стоило только выйти в коридорчик, как кто-то отчаянно забарабанил во входную дверь.

Вздрогнув, – кто это в такую рань? – осторожно приоткрыла дверь и, сметённая донельзя перепуганным Лежкой, прижалась к стене. Брат поспешно скинул туфли и, торопливо оглядевшись, вдруг бросился под нашу кровать. Больше в однушке прятаться было попросту негде. Я понимающе усмехнулась:

– Привет, братец-кролик! Что опять натворил?

– Меня тут нет! – услышала торопливый шёпот.

– Разумеется, – пожала плечами, – у меня просто кровать говорящая! Препротивнейшая функция с учётом того, что я теперь замужняя женщина!

Открылась дверь ванной, и из пара вынырнул подозрительно довольный жизнью Генрих. И абсолютно голый при этом.

– С мебелью разговариваешь? – иронично хмыкнул он и, обняв, промурлыкал: – Может ещё раз докажем кровати, что ты замужняя женщина?

Я, стыдливо покосившись в сторону спальни, поспешно оттолкнула Генриха, но муж не собирался сдаваться: он с широкой улыбкой потянул край простыни, пытаясь стянуть. Хотела было сказать, что мы не одни, как снова раздался настойчивый стук в дверь.

– Кто это в такую рань? – нахмурился Генрих.

Торопливо натянул халат и, запахнувшись, открыл дверь. В квартиру разъярённой фурией влетела красная как помидор Аноли. Её синие глаза, казалось, метали молнии, а пальцы сжимали кофейник. Брови мои поползли вверх:

– А это зачем?

Хранительница остановилась и грозно спросила:

– Где он?!

Взгляд её, казалось, пронзал кровать насквозь: Аноли и сама знала, где спрятался инкуб, ибо других вариантов не было. Генрих невозмутимо выхватил из её рук кофейник и спокойно проговорил:

– Ещё тёплый. Спасибо!

Подхватив меня за локоть, потянул на кухоньку. Усадив на табурет, подхватил одну из парных чашек с сердечками и, налив кофе, сунул мне в руки. Поставив опустевший кофейник на наш маленький стол, опустился рядом и, прислушиваясь к отчаянной ругани за стеной, покачал головой:

– В который раз понимаю, как мне повезло с женой! Подумать только, не свались на мою голову одна бедовая ведьма с фиктивной лицензией, то прятался бы под кроватью, пытаясь избежать избиения кофейником!

Я тихо рассмеялась:

– Только в том случае, если бы вёл себя, как мой непутёвый братец! – Генрих, глядя на меня, мягко улыбнулся, и сердце дрогнуло. Прошептала: – В который раз понимаю, как мне повезло с мужем… – Поставила чашку на стол и, недовольно покосившись на стену, за которой что-то подозрительно загремело, простонала: – Зато жутко не повезло с братом! Вот надо было ввалиться и испортить такое прекрасное утро?

Генрих решительно поднялся и, подхватив чашку, одним глотком осушил её. Поставив на стол, вытер тыльной стороной ладони губы и приказал:

– Быстро одевайся!

– Зачем? – растерялась я. – Сегодня же выходной!

– Вот именно! – с нажимом проговорил Генрих. – И я не собираюсь терять ни минуты!

Схватив меня за руку, он решительно прошёл в комнату и, не обращая внимания на Аноли, которая изо всех сил тянула Лежку за ногу, пытаясь вытащить мужа из-под кровати, собрал одежду. Я сочувственно покосилась на хранительницу, которая с завидным упорством стремилась извлечь неверного супруга на свет божий, и, цапнув свою сумку, закрыла дверь в спальню.

Мы с Генрихом быстро оделись, а за дверью ругань уже перетекла в громкие стоны. Покраснев, я пробормотала:

– Им что, своих кроватей мало?

– Идём уже, – хмыкнул муж. – Хватит подслушивать!

Заботливо усадив меня в машину, он направил её в сторону, противоположную замку Севира, в котором теперь находился Новый Крамор. Я лениво скользила взглядом по пустынным, залитым золотистыми лучами, улицам, ёжилась от утренней сырости и гадала, куда же мы направляемся. Город остался позади, и по обочинам всё чаще замелькали деревья. Через несколько минут Генрих свернул на узкую улочку, вдоль которой красовались симпатичные домики вроде того, в котором раньше жил Лежик с жёнами.

Когда он притормозил рядом с двухэтажным особняком приятного бежевого цвета, удивлённо спросила:

– Так мы идём в гости? А к кому?

Генрих молча улыбнулся и, выйдя из машины, галантно подал руку. Я, ворча об излишне таинственных институтах, оперлась о его руку, оказавшись на ярко-зелёной лужайке, с

любопытством осмотрелась. Невысокие деревца, в тени которых стояли две симпатичные скамейки и круглый столик, шелестели сочной листвой. К дому вела белоснежная дорожка, вдоль которой росли красивые цветы.

Муж взял меня за локоть, повёл к входу и распахнул дверь, я с удовольствием вдохнула аромат дерева, смешанный с лёгкими запахами краски и клея. Похоже, здесь совсем недавно сделали ремонт. Генрих провёл меня по большой гостиной, уставленной красивой кожаной мебелью, а затем, поднявшись по лестнице, с видом фокусника распахнул дверь, за которой обнаружилась воистину королевских размеров кровать.

Я повернулась к Генриху и понимающе улыбнулась:

– Здесь же никого нет!

– Вот именно, – подмигнул он и, легонько втолкнув меня в спальню, стянул с себя футболку.

– Ты снял домик на выходной? – с удовольствием спросила я и, тряхнув слегка отросшими волосами родного, чёрного, цвета, невольно облизнулась, любуясь игрой мышц на груди мужа. – Замечательная идея!

Генрих повалил меня на кровать и, прижавшись ртом к моим губам, что-то промычал. Я вывернулась из его объятий и, усевшись на мужа сверху, переспросила:

– Что-что?

Генрих закинул руки за голову и громко повторил:

– Я купил этот дом! Навсегда!

У меня пропал дар речи и Генрих, воспользовавшись моим замешательством, повалил и ловко освободил от одежды. Прильнув губами к моей груди, запрокинул мои руки вверх, лишая возможности сопротивляться. Впрочем, я и не думала этого делать. Жадно обхватив ногами его торс, с радостно бьющимся сердцем ощущала растущее возбуждение мужа. Генрих обхватил моё лицо тёплыми ладонями и приник страстным поцелуем. Через пару минут отстранился, и я услышала жаркий шёпот:

– Хватит нам ютиться в малюсенькой каморке.

Я толкнула Генриха и, снова перевернув его на спину, уселась на муже. С силой прижав его плечи к кровати, грозно спросила:

– А где ты взял деньги?!

Генрих, откровенно любуясь моим обнажённым телом, хитро проговорил:

– А я никогда и не говорил, что беден!

– Что? – возмущённо воскликнула я. – Так ты богат?! А почему тогда спал в офисе?

Генрих ласково потрепал меня за щёку:

– Да потому что, меня это устраивало. До тебя у меня была лишь любимая работа… Но теперь работа она на второй план. У нас семья! А, значит, пора вить гнёздышко.

Я недоверчиво посмотрела в изумрудные глаза мужа и пробормотала:

– Это так романтично, что ты меня пугаешь…

– Я сам себя пугаю, – рассмеялся Генрих.

Я обиженно скрестила руки на груди, и взгляд мужа потемнел, улыбка сползла с его лица. Генрих, воспользовавшись выгодной позицией, активно задвигался подо мной, и я снова застонала от удовольствия.

Не собираюсь терять ни минуты нашей жизни!

24.04.2018

– В оформлении обложки использована фотография с https://www.shutterstock.com по стандартной лицензии

– Дизайнер обложки Катя Каверелла